

АВСТРО-ВЕНГРИЯ

ОПЫТ МНОГОНАЦИОНАЛЬНОГО ГОСУДАРСТВА

Москва, 1995

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
Институт славяноведения и балканистики

**АВСТРО-ВЕНГРИЯ:
опыт многонационального государства**

Ответственные редакторы:
Т.М. Ислямов, А.И. Миллер

Москва, 1995

ISBN 5-7576-0007-1

Институт славяноведения и
балканстики, РАН, 1995

ОТ РЕДАКТОРОВ

Статьи, составившие эту книгу, написаны на основе докладов, представленных на конференции "Австро-Венгрия: опыт многонационального государства", которая была организована в Москве в июне 1993 г. Отделом многонациональных империй Института славяноведения и балканстики РАН. В конференции приняли участие ученые России, Австрии, США и Канады.

Интерес к проблемам межнациональных отношений в империи Габсбургов и причинам ее распада весьма усилился в конце 1980-х годов в связи с событиями в СССР и кризисом коммунистических режимов в Центральной и Юго-Восточной Европе. Уже в 1990 г. Центр Австрийских исследований Университета штата Миннесота (г. Миннеаполис) организовал конференцию "Этническая политика великих держав: империя Габсбургов и Советский Союз". Московская конференция стала во многом продолжением американского проекта. Вместе с тем, время и место ее проведения — столица уже ушедшего в небытие Советского Союза — существенно изменили для многих ее участников оптику взгляда на проблемы Габсбургской монархии. Очевидно, что центральные темы московской конференции — национализм, наследие континентальных империй и историческая легитимность многонациональных государств в эпоху торжества идеи национальной государственности — в обозримом будущем останутся одним из центральных предметов дискуссий для историков Нового времени. Следовательно, эта книга найдет своего заинтересованного читателя.

* * *

Мы благодарны всем зарубежным участникам, нашедшим время, средства и изрядную долю благородного безрассудства, чтобы приехать в неуютную Москву тревожным летом 1993 года. Наша

особая благодарность – профессору Дэвиду Гуду, директору Центра Австрийских исследований, и профессору Соломону Вэнку, редактору "Ежегодника по Австрийской истории" за их помощь в организации и проведении Московской конференции.

Мы благодарим всех сотрудников Института славяноведения и балканистики, помогавших в организации конференции – Игоря Павловского, Сергея Романенко, Александра Стыкалина, а также Елену Дубровину за работу по подготовке этого тома к печати. Особая признательность – Марине Бобрович, Елене Масленниковой и Ольге Хавановой, много сделавшим как при организации конференции, так и при подготовке этой книги.

Мы хотим выразить признательность Российскому Фонду Фундаментальных Исследований, предоставившему грант на издание этого тома.

ДИНАСТИЧЕСКАЯ ИМПЕРИЯ
ИЛИ МНОГОНАЦИОНАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВО:
РАЗМЫШЛЕНИЯ О НАСЛЕДИИ ИМПЕРИИ ГАБСБУРГОВ
В НАЦИОНАЛЬНОМ ВОПРОСЕ

Поразительные события последних лет в Восточной Европе привели к вызывающей удивление ностальгии по Австро-Венгерской монархии и императору Францу-Йосифу в бывших землях Габсбургской империи. Политики и журналисты в Европе и Америке сравнивают сегодня прежнюю монархию Габсбургов с современной дезориентированной Центральной и Восточной Европой и представляют первую как позитивную модель наднациональной организации. Нынешняя волна ностальгии была поддержана некоторыми недавними историческими работами, которые содержат благосклонные оценки позитивных черт монархии. Например, Штван Деак в высоко оцененной книге "Поверх национализма: Социальная и политическая история габсбургского офицерского корпуса, 1848–1918" настоятельно рекомендует вернуться к изучению "габсбургского эксперимента" в сфере наднациональной организации, поскольку полагает, что "здесь мы можем найти позитивные уроки, в то время как история стран Центральной и Восточной Европы после 1918 г. может лишь показать нам, чего следует избегать"¹. Аналогичные позитивные оценки можно найти в работах Алана Скеда, Барбары Елавич и Ф.Р.Бриджа².

Импликация, содержащаяся в рассуждениях этих историков, состоит в том, что если только Центральная и Восточная Европа хочет избежать возвращения к ее межвоенной структуре враждебных и соперничавших государств, то в Центральной Европе должна быть создана какая-то замена Австро-Венгрии с тем, чтобы волютить

позитивный опыт монархии Габсбургов. Это предполагает, что существует некое наследие позитивного опыта, который монархия завещала Европе.

Вообще историки сегодня согласны, что прежние, остро негативные суждения о монархии Габсбургов как о "тюрьме народов" ("'Blickerkerker") весьма преувеличивали ее дурные черты и упускали из виду позитивные аспекты. Однако новые интерпретации рисуют иказить историческую реальность в противоположном направлении и подчеркиванием позитивных сторон и игнорированием негативных аспектов в национальном вопросе. Это создает эффект порочного и преемственности в национальной политике империи Габсбургов и осударств-наследников после первой мировой войны³.

Современная ситуация в историографии и в политике подталкивает к переосмыслению достижений Габсбургской монархии в национальном вопросе. Предлагаемые читателю рассуждения посвящены именно этой проблеме. Их задача – поставить некоторые вопросы и начать дискуссию. В особенности меня занимают три проблемы. 1) Каковы, если таковые есть, позитивные уроки Габсбургской монархии? 2) Была ли национальная проблема главной причиной ее дезинтеграции? 3) Какова была роль династии и имперских структур в крушении империи?⁴

Но прежде я хотел бы сделать четыре предварительных замечания, дабы не оказаться неверно понятым. Во-первых, я не считаю, что национализм или порождаемый им тип самоидентификации неотъемлемо присущи роду человеческому, равно как и не считаю, что национальное государство является единственным легитимным основанием современной политики. Я полагаю, что и первое и второе – это исторически случайные феномены⁵. Если в своих рассуждениях я принимаю национальное государство как данность, то это потому, что начиная с XVIII в. национальное государство преобладает над другими формами государственной организации. Будучи случайным творением истории, национальные государства не останутся навсегда. "У них было начало, будет и конец," – заметил Эрнест Ренан более века назад⁶. Действительно, развитие событий в Западной Европе, кажется, предвещает закат национального государства, но Восточная Европа и другие регионы свидетельствуют, что оно еще просуществует заметное время.

Во-вторых, моя критическая оценка наследия Габсбургской монархии не означает критического отношения ко всему, что случилось в поздней Габсбургской империи. Это главным образом критика имперской политической структуры и ее влияния на национальный вопрос в поздней Габсбургской империи. Я с готовностью признаю, что было много прогрессивных, творческих и гуманных достижений в сфере гражданского общества и экономики⁷. Дело, однако, в том, что экономические и социальные достижения не всегда равнозначны политическому успеху. Собственно, один из главных выводов моих рассуждений состоит в том, что крах монархии Габсбургов был в первую очередь результатом провала ее имперской структуры.

В-третий, рассуждения, представленные в этой статье, основаны на теориях империи как особой формы политической структуры, в которую заложен механизм распада⁸. В-четвертых, моя статья отражает также тезис, согласно которому одним из главных источников нестабильности в Центральной и Юго-Восточной Европе в современную эпоху было сохранение в этом регионе империй. Это обстоятельство задержало и деформировало процесс формирования государства и строительства нации⁹. Полное обсуждение третьего и четвертого замечаний, которые лишь затронуты в моем тексте, выходит за рамки этой статьи, но заслуживает большего внимания, чем то, которое уделялось им до сих пор.

Вернемся теперь к наследию Габсбургской империи в национальном вопросе. Уроки, которые следует извлечь из опыта Габсбургской монархии, действительно существуют, но следует разделять два различных типа наследия. Первый – это наследие Габсбургской династии как таковой: ее идеология, институты, цели и методы, воплощенные в династической империи, которой Габсбурги правили. Второй тип наследия – это многообразная активность населения монархии как индивидуумов и как членов социальных и национальных общинств, членов того, что принято называть гражданским обществом¹⁰. Это включает и усилия некоторых национальных лидеров утвердить полезность и необходимость Австрии как справедливого многонационального государства с институтами и законами, соответствующими требованиям времени. Эти различные

типы наследия, разумеется, взаимосвязаны, но когда мы говорим о позитивных чертах монархии Габсбургов, следует соблюдать осторожность и не приписывать сознательной политике Габсбургов тех фундаментальных перемен, которые были продуктом общеевропейского развития.

Различие между наследием династии и наследием, созданным народами монархии, становится очевидным в сфере государственного строительства. Хельмут Румпфер отмечает, что к XIX в. "политический потенциал (*Kraft*), который проявляли Габсбурги, в том числе наиболее выдающиеся их представители, в приспособлении структуры их государства к изменяющимся обстоятельствам, был практически полностью исчерпан".¹¹ Ярчайшим примером этого политического истощения может служить тот факт, что идеологическое основание существования империи было предложено не членом Габсбургского дома или каким-либо его представителем, но чешским историком и националистом Франтишеком Палацким. Именно он дал наиболее ясную и устойчивую форму того, что можно было бы назвать мечтой Габсбургской монархии. Он сделал это в своем знаменитом ответе на приглашение организаторов франкфуртского национального собрания в апреле 1848 г. присоединиться к работе учредительного комитета, готовившего съезд. В этом письме он говорил об Австрии как о "европейской необходимости" и формулировал идеи австрославизма, заключавшуюся в том, что малые славянские народы могут обеспечить свою безопасность от России только если они смогут осуществить свои национальные чаяния в границах Габсбургской империи: "Если бы Австрийская империя не существовала в течение многих веков, ее нужно было бы создать в интересах Европы и всего человечества"¹². Принимая во внимание частоту, с которой похвала Австрии Палацкого цитируется как оправдание существования империи Габсбургов, стоит подробнее рассмотреть, что же он имел в виду.

Облик государства, которое имел в виду Палацкий, был в целом обрисован в манифесте славянского съезда, который заседал в Праге в мае 1848 г. Палацкий был председателем съезда, и манифест отражал его идеи. Он требовал перестройки Австрийского государства "в федерацию равноправных наций", в федеративное

государство, которое могло бы уделять равное внимание как "различным нуждам этих наций", так и монархии в целом. "Мы будем добиваться всеми доступными средствами обеспечения для нашей национальности в Австрии полного признания тех же прав, какие немцы и венгры уже имеют", – писал он¹³. Идея Палацкого о федеративном государстве была включена в конституцию, принятую в Кромержиже в марте 1849 г.¹⁴ и сочетавшую как этнолингвистический принцип, так и идею историко-политических единиц. Эта конституция оказалась мертворожденным ребенком, жертвой контрреволюции. Многие историки утверждают, что несмотря на то, что ряд проблем так и остался бы нерешенным, конституция, будь она воплощена в жизнь, могла бы дать империи базу для мирного прогресса, хотя вряд ли это государство уже можно было бы считать империей в прямом смысле слова¹⁵.

В связи с концепцией Палацкого важно иметь в виду, что безусловного принятия Габсбургской монархии в ней не было. Условием было преобразование Габсбургской монархии в федеративное государство, "равно справедливое ко всем своим подданным"¹⁶. Тип автономии, за который выступал Палацкий, не исчерпывался лингвистическими и культурными уступками, хотя это и были первоочередные цели: автономия предполагала политический и экономический контроль над определенной национальной территорией. К 60-м гг. характерное для Палацкого условное принятие Габсбургской империи разделялось всеми славянскими национальными лидерами, даже теми, кто представлял по большей части национально индифферентные этнические группы, состоявшие по преимуществу из крестьян, как словаки или словенцы¹⁷. Даже накануне заключения соглашения 1867 г. Палацкий предупреждал о разрушительных последствиях подчинения славян венграм и немцам¹⁸.

Почему "мечта" Палацкого о многонациональном федеративном государстве никогда не стала реальностью? Распространенное объяснение таково, что ее реализация оказалась блокирована межнациональными конфликтами, и что неспособность монархии их сдерживать привела ее к краху. Получается, что многонациональный характер монархии был ее базовой структурной характеристической, и что национализм являлся дестабилизирующим элементом в

в структуре монархии. Верны ли в действительности оба эти тезиса? Я полагаю, что нет. В моем представлении базовой характеристикой монархии была ее династическая имперская структура, а многонациональность была лишь следствием последней. Исследовательские программы, концентрирующие свое внимание на национальных проблемах и связанных с ними культурных вопросах, упускают из внимания имперскую структуру монархии.

Еще Гегель указал, что "Австрия – это не королевство, а империя, совокупность многих политических организмов, которые сами по себе являются королевствами"¹⁹. Это проницательное наблюдение было уточнено и развито современными теоретиками империй. Как отмечает Александр Мотыль, империи формируются путем превращения "отдельных обществ с автономными политическими институтами и региональными элитами в политически подчиненные гражданские общества"²⁰. Обособленность подчиненных обществ продолжает существовать, но их политический суверенитет подавляется или резко ограничивается²¹. Отношения между имперским центром – в случае Габсбургов это наследственные земли с престолом в Вене – и периферийными территориями суть властные отношения. Объект этих отношений – изъятие ресурсов для поддержания военной мощи, необходимой для удовлетворения имперских амбиций императора и его окружения²². Упадок империи начинается немедленно после того, как император, с целью сохранения целостности государства, наделяет некоторые или все периферийные территории большей степенью автономии от центра. Такая стратегия неизбежно приводит к росту региональной идентификации вассалов и росту требований протонационалистических региональных элит, которые совместными усилиями ослабляют центр, делегитимизируют имперскую идеологию и ускоряют упадок империи. Сказанное фактически описывает кратко то, что произошло с империей Габсбургов в последние сто лет ее истории.

Неспособность Габсбургов соответствовать вызовам национализма была, как указывает Алан Скед, следствием самой природы монархии. "Империя Габсбургов, – пишет Скед, – была прежде всего и по преимуществу династическим государством (*Hausmacht*). Ее *raison d'être* состоял в том, чтобы обеспечивать военную мощь

для удовлетворения политических амбиций любого из унаследовавших ее императоров"²³. К этому можно присовокупить замечание А.Дж.П. Тэйлора, что Габсбургская монархия "меньше всего была устройством, дающим возможность разным нациям жить вместе"²⁴. Действительно, помимо поддержки имперских амбиций и военной мощи, позволяющей выжить на международной арене, никакой целостной государственной идеи (*Staatsidee*) не было. В середине 1880-х министр иностранных дел граф Густав Кальноки выражал сожаление в меморандуме: "С тех пор как габсбургские владения были объединены, монархия развивалась более как держава (*Macht*), чем как государство (*Staat*). Мощь и выгода во внешних делах были более важны, чем ее внутренние выгоды как государства"²⁵. Как указал Отто Брюннер, "трансформация имперской структуры в федеративный союз автономных национальных сообществ предопределил бы конец империи Габсбургов и имперской концепции не меньше, чем их разрушение войной или революцией. Ни Франц-Иосиф ни Франц-Фердинанд не могли поддержать такую реорганизацию, даже если бы они были вольны это сделать"²⁶. Именно усилия Габсбургов по сохранению этой структуры, предпринимавшиеся ими с 1815 по 1914 г. против сил, разрушавших постепенно полноту их контроля над подвластными территориями и нациями, были главной причиной государственной разбалансированности.

Очень много говорят о наднациональной идеологии Габсбургов и их империи. Действительно, имперская идеология Габсбургов была явственно наднациональна, но она коренилась больше в феодальных и династических концепциях, чем в современных идеях интернациональной организации, основанной на независимых и автономных национальных составляющих. Габсбурги, как отмечает Хельмут Румплер, легитимировали свою власть через историческую роль своего рода как держателей короны Священной Римской империи и защитников христианства. Действительно, Франц-Иосиф воспринимал свою империю во многом как Священную Римскую империю, а себя как ее императора²⁷. Таким образом, несмотря на универсалистскую основу их династического идеала, Габсбурги воспринимали себя как немецких князей, а имперская идеология отдавала партикуляристские предпочтения немцам.

Политический идеал императора Франца-Иосифа, который со-впадал в XIX в. с австрийской государственной идеей (*österreichisches Staatsidee*), состоял, как указывают Скед и другие, в "централизованной, унифицированной и германизированной монархии"²⁸, хотя на практике Габсбурги были вынуждены модифицировать этот идеал, чтобы сохранить свои владения. В этих обстоятельствах германизация была связана главным образом с проблемой эффективности бюрократической организации, хотя Бригитта Хаманн показала, что некоторые из Габсбургов сочетали сильную немецкую культурную идентичность с политической приверженностью единой монархии²⁹. Это справедливо и для многих членов имперской политической элиты³⁰. Наиболее яркие примеры такого мировоззрения проявились во время первой мировой войны. Комментируя политику графа Отто кара Чернина на посту министра иностранных дел (1916–1918), Ф.Р.Бридж пишет, что "его негативное отношение к реформам и бездействие коренились в его немецко-австрийском мировоззрении (*Weltanschauung*). В конечном счете он не хотел видеть изменений, которые могли стать пагубными для немецко-австрийских интересов"³¹. Во всех событиях, происходивших после 1867 г., Габсбурги и двор выступали все более как немцы, и они мало что могли сделать, чтобы обосновать свою мнимо наднациональную власть перед лицом национальных элит и масс. Если не в теории, то в действительности габсбургская элита была по своему характеру национальной, защищавшей немецко-венгерское господство. Граф Кальюки говорил об этом вполне откровенно в уже упомянутом меморандуме: "То обстоятельство, что правление империи основано, с одной стороны, на нации (венгры), чьи интересы наиболее надежно защищаются существованием империи, а с другой – на нации (немцы), чье моральное отступничество поставило бы под вопрос само существование монархии, является логическим оправданием дуалистической системы с точки зрения внешней политики"³². Итак, наднациональная идеология Габсбургской династии мало что давала развитию объединяющей идеи, которая могла бы согласовать частные национальные лояльности с лояльностью наднациональному политическому целому. В той мере, в которой она существовала, верность императору Францу-Иосифу была преданностью

ему лично, а не частью верности Габсбургам или австрийскому государству. Это весьма беспокоило военного атташе Австро-Венгрии в Петербурге. В своем письме другу майор (позднее генерал) Ульрих Клепш писал: "Мне кажется, что любовь народов к особе императора – это единственная сила, которая поддерживает целостность Австрии".³³ Он чувствовал, что "это нехорошо"³⁴.

В конечном счете, что бы Габсбурги ни делали в плане признания силы национализма, это всегда был минимум, необходимый для сохранения контроля над их владениями и статуса империи как великой державы. Более ста лет, с 1740 по 1848, Габсбурги упорно проводили политику централизованного королевского абсолютизма в стремлении построить современное авторитарическое государство. После революций 1848 г., краха абсолютизма, военных поражений 1860-х и давления модернизирующих сил Габсбурги пересмотрели курс. Стремясь обеспечить будущее для своей империи во все более трудных политических обстоятельствах, Габсбурги негласно поддержали определенную степень плюрализма и разнообразия, продолжая править в иерархическом и недемократическом государстве. Их владения стали слишком обширны, а способность извлекать ресурсы из провинций уменьшилась. Стремление сохранить владения приговаривало их теперь к децентрализации власти. Именно в этом смысле они отчасти признали национализм, но даже в такой ограниченной форме децентрализация вела к формированию национальных политий, которые соперничали за власть с Веной и делегировали имперскую идеологию, приближая крах империи как таковой. Наиболее очевидный пример – это соглашение 1867 г., которое император заключил с венгерской олигархией. Соглашение дало империи обманчивую стабильность на 50 лет, но ценой отчуждения большинства славян, как и предсказывал Палацкий, и блокирования всех последующих усилий реформировать структуры монархии.

К 1914 г. Вена переживала упадок как имперский центр в том смысле, что политика императора и его окружения не представляла уже всей империи и даже Цислейтании. Власть перемещалась на периферию империи, к новым националистическим политическим силам в новых центрах – Праге, Кракове, Загребе и Львове, которые

действовали от центра, то есть Вены и австрийских наследственных земель. Император и двор становились все более и более беспомощны перед этими силами, династическое государство превращалось в абстракцию, а власть императора становилась скорее символической, чем реальной³⁵. Относительная экономическая отсталость и организационная неэффективность имперской структуры уменьшали военный потенциал и подрывали престиж Габсбургской империи как великой державы. Роль великой державы была единственным оправданием существования империи Габсбургов, в то время как она не обладала соответствующими политическими и экономическими возможностями. Любая другая политика, например нейтралитет и невмешательство, отвергались потому, что могли послужить сигналом слабости и подтолкнуть подвластные провинции к сепаратизму. Именно приверженность императора и его окружения имперской структуре и престижу великой державы побудила выбрать войну в 1914, как и прежде, в 1859 и 1866. С этой точки зрения наследие династии как стабилизирующей силы было негативным.

Многие историки утверждают, что Габсбургская монархия пала потому, что проиграла войну. Алан Скед пишет: "Если бы центральные державы победили, империя Габсбургов сохранилась бы в неприкосновенности, а возможно и увеличилась"³⁶. Предполагается, что если бы империя сохранилась, она бы обновилась и осознала свою миссию гаранта свободного развития малых народов дунайского региона. Но реалистично ли это предположение? Историография последних лет считает, что нет. Сам Скед выражает сомнения по этому поводу. Он говорит, что "победа центральных державзначала бы сведение Австро-Венгрии к роли военного и экономического придатка Германии, с сомнительным будущим как независимого государства"³⁷. Сходным образом Ф.Р. Бридж говорит, что во время войны Германия низвела монархию до роли "беспомощного сателлита"³⁸, для которого победа Германии означала конец его существования как "независимой великой державы"³⁹. И в случае победы и в случае поражения монархия была обречена на проигрыш. Возможности выжить в качестве германского сателлита тоже были весьма

ограничены. Трудно представить, чтобы славянские народы могли свободно развиваться в Австро-Венгрии, которая стала бы частью Средней Европы (*Mitteleuropa*) под германским господством.

Наконец, мы подходим к вопросу о том, как собственно решалась национальная проблема. В монархии были испытаны три различных стратегии подхода к национальному вопросу. Ни одна не имела исключительного влияния, и ни одна не была успешной. Эти три стратегии можно обозначить, если использовать типологию Денисона Руцинова, как (1) австро-венгерскую, (2) венгерскую и 3) австрийскую⁴⁰.

Отправным пунктом австро-венгерской стратегии было соглашение 1867 г. Оно было равносильно федерации, можно даже сказать конфедерации. Компромисс оказался неудачным, поскольку идея федерации или конфедерации неизбежно предполагает, что политические границы федерированных или конфедерированных государств хотя бы приблизительно совпадают с национальными границами. Этого не было в случае с Австрией и Венгрией. Урок, который можно извлечь из этой истории, состоит в том, что конфедерация возможна только тогда, когда конфедерируемые единицы представляют собой, подобно членам Европейского Сообщества, уже достаточно гомогенные национальные, а также политико-территориальные сообщества. В конце своей жизни Роберт Канн писал в третьем томе серии "Монархия Габсбургов 1848–1918", посвященном народам империи, что Габсбургская монархия "состояла главным образом из покалеченных тел наций". В заключение он делал вывод, что если какая-либо федерация или конфедерация национальных государств и появится в дунайском регионе, она не будет похожа на Габсбургскую монархию, "по крайней мере она будет включать нации целиком"⁴¹.

Венгерская стратегия провалилась, поскольку венгерские лидеры видели Венгрию как унитарное национальное государство в западном смысле слова, состоящим из единой венгерской нации, в то время как в действительности это было многонациональное государство с невенгерским большинством. Мадьярская правящая элита пыталась при молчаливом поощрении императора сохранить

свое преобладание с помощью политики угнетения и мадьяризации. Последняя, исключая добровольную ассимиляцию многих евреев, чешцев и некоторых словаков, часто была насилиственной. Конечно, венгерская конституция содержала закон, гарантировавший равные права всем венгерским гражданам вне зависимости от их родного языка, равные гражданские права и неограниченное право пользоваться родным языком в местной администрации, начальной и средней школе; но закон этот не соблюдался ни в духе своем, ни в буквале⁴². По соглашению 1867 г. Габсбурги оставили хорватов, сербов, словаков и румын на совсем не милостивую милость венгров. В конечном счете венгерская политика лишь усиливала национализм немадьярских народов. Урок очевиден: унитарное национальное государство невозможно там, где существуют этнические группы, обладающие сильным чувством сплоченности и достигшие определенного уровня национального самосознания. Плохое обращение венгров с их меньшинствами в эпоху Габсбургов оставило пагубное наследство некоторым государствам—наследникам, лидеры которых поступали то отношению к своим меньшинствам так, как прежде поступали по отношению к ним. Одним из многих примеров такого рода — обращение румын с венгерским меньшинством в Трансильвании, которое считалось "румынами, говорящими на ином языке".

Австрийская стратегия была совершенно иной. Славянское большинство в Числейтании отвергало традицию немецкого господства и немецкую традицию императорского двора, но среди славян не было единства. Эта раздробленность открывала возможность для различных подходов. Они включали: ограниченный федерализм для Галиции, компромиссы *ad hoc** на местном и провинциальном уровне и обыкновенное натравливание одних наций на другие. Все эти методы так или иначе были недостаточны⁴³.

Подход к национальностям в Австрии был связан со знаменитой 19 статьей австрийской конституции, которая гарантировала нерушимое право каждой этнической группы сохранять и развивать свою национальность и язык в образовании, администрации и обществен-

*Здесь— для данного конкретного случая (лат.) (прим. пер.).

ной жизни. Статья 19 отличалась от своей предшественницы, статьи 21 Кромержижской конституции, которая включала права наций в саму структуру австрийского государства, тогда как статья 19 была включена в ту часть австрийской конституции, которая описывала права отдельных граждан⁴⁴. Нации как таковые не рассматривались как субъекты права, хотя передача права решения по индивидуальным вопросам местным автономным органам власти на практике признавала нации как таковые. В целом, хотя к принципу национального равенства как праву индивидуума не следует относиться пренебрежительно, следует согласиться с Робертом Канном что в конкретном случае статья 19 не соответствовала в длительной перспективе интересам наций⁴⁵. Кроме того, многие решения, основанные на статье 19, имели непреднамеренный вредный эффект. Они отчуждали нации друг от друга и от идеи единого государства. Они также имели результатом этническую австрийскую политику, которая была впоследствии перенесена в политическую жизнь государства-наследников⁴⁶.

Ограниченный федерализм, установленный "компромиссным" соглашением Габсбургов с польской аристократией в 1869 г., воспроизводил в меньшем масштабе репрессивный характер соглашения 1867 г. с венгерской олигархией. Соглашение давало польской элите полный контроль над Галицией и господство над русинами и евреями, которые вместе составляли большинство населения провинции (43,7% и 11,8% соответственно). Как и в Венгрии, польский истеблишмент сохранял свое господство и доминирование польского языка с помощью коррумпированных избирательных практик и запретительной культурной политики. Все это получало молчаливую поддержку Габсбургов в обмен на польскую поддержку правительства в австрийском рейхсрате⁴⁷.

Компромиссы *ad hoc*, подобные тому, что был заключен между немцами и чехами в Моравии в 1905 г. или между пятью национальностями – ни одна из которых не имела большинства – в Буковине в 1910, были, как показал Роберт Люфт на примере моравского соглашения, продуктом уникальных условий в этих провинциях и были неприменимы в Богемии или где-либо еще в Цислейтании⁴⁸. Если даже не касаться вопроса о том, насколько моравское соглашение мо-

Гло бы служить моделью решения национальных конфликтов, часто восхваляемое и, очевидно, разумное, оно имело ряд весьма негативных черт. Во-первых, составление чешского и немецкого перечней (*Kadaster*), необходимое для осуществления соглашения, не только требовало от всего населения выбрать одну или другую национальность, но и отказывало в праве индивидуального решения этого вопроса. Национальность определялась имперскими властями на основе "объективных критериев, устанавливаемых в процессе официального расследования"⁴⁹. Как показал Геральд Стуз, эта практика имела чудовищные последствия, особенно для евреев, в послевоенной Австрии и Центральной Европе⁵⁰.

Другой негативной чертой моравского соглашения был его недемократический характер. Соглашение содержало принцип всеобщего, но не равного голосования. Венское правительство и имперский двор решительно поддерживали соглашение, поскольку они выступали против принципа всеобщего и равного голосования при выборах провинциальных парламентов.⁵¹ Более того, соглашение укрепило позиции и привилегии моравской аристократии и немецкого меньшинства (27%), дав им непропорциональную долю политической власти и возможность наложить вето на любые изменения соглашения⁵².

Последний метод, в применении которого император и его приближенные достигли вершин мастерства, заключался в натравливании одних национальностей на другие, иначе известный как принцип разделей и властвуй⁵³. Целью игры было "сохранение более или менее уравновешенного распределения недовольства среди наиболее важных национальностей"⁵⁴ – немцев, чехов и поляков – с целью сохранения власти императора и правительства, а также поддержания спокойствия, необходимого для обеспечения статуса великой державы. Оборотная сторона этой игры заключалась в том, что она усиливала национальные элиты и разжигала огонь национальных конфликтов, не говоря уже о том, что все игравшие в нее знали о ее бесполезности.

Итак, с моей точки зрения, мы не найдем много позитивных уроков, которые оставила бы нам империя Габсбургов в области разрешения этнических конфликтов или создания наднационального

государства. В прямой противоположности словам Иштвана Деака, цитированным в начале этой статьи, опыт Габсбургской монархии скорее показывает, чего следует избегать. Некоторые историки пытаются увидеть достоинства в давней склонности Габсбургов к "тактике выжидания" (*FortwursteIn*), которая была прежде всего прагматическим приспособлением к минимальным требованиям по сохранению распадающейся имперской структуры⁵⁵. Эта тактика характеризовалась поиском умеренных компромиссов между различными интересами⁵⁶. Денис Русинов, политолог, который также не видит богатого позитивного наследия у Габсбургов, в данном случае полагает, что "тактика выжидания" была "гибким и логичным отказом от решения неразрешимого национального вопроса". Эта тактика не могла гарантировать спасения Габсбургской империи, но "иногда и кое-где она давала достаточный, хотя и не всегда вполне удовлетворительный ответ" конфликтующим национализмам⁵⁷. Я нахожу рассуждения Русинова несколько обескураживающими, но даже если "тактика выжидания" имела свои достоинства, это не дает повода считать Габсбургскую монархию моделью сглаживания национальных противоречий и создания наднационального государства. Во всяком случае, сам смысл империи отрицает возможность реализации предложенного Палатским проекта федерации (или конфедерации) равноправных наций. Вопрос о том, как очистить национализм в Центральной и Восточной Европе от присущих ему агрессивных и разрушительных тенденций, как создать многонациональную политическую структуру остается по-прежнему открытым. Поиски решения должны быть направлены не в прошлое, а в настоящее и будущее. Возможно, решение состоит в расширении Европейского Сообщества.

Примечания

Эта статья написана на основе лекции "Наследие Габсбургской монархии: мечты и реальность", прочитанной в Немецком Историческом Институте в Вашингтоне в ноябре 1992 г. Дальнейшее развитие эти идеи получили в докладе, прочитанном в Университете штата Миннесота в феврале 1993 г. (см. примечание 4).

¹ Deak I. *Beyond Nationalism: A Social and Political History of the Habsburg Officer Corps. 1848–1918.* New York, 1990. P. 9.

² Sked A. *The Decline and Fall of the Habsburg Empire. 1815–1918.* London, 1989; Jelavich B. *Modern Austria: Empire and Republic. 1800–1986.* New York, 1987; Bridge F.R. *The Habsburg Monarchy Among the Great Powers. 1815–1918.* New York, 1990.

³ Некоторые наблюдения о преемственности см. в: Beller S. *Reinventing Central Europe // Working Papers in Austrian Studies.* 92, 5: Center for Austrian Studies, University of Minnesota. 1991. P. 14, 17–18.

⁴ Данная статья является переработанной версией более ранней публикации. См.: Wank S. *The Nationalities Question in the Habsburg Monarchy: Reflections on the Historical Record // Working Paper in Austrian Studies.* 93, 3. Center for Austrian Studies, 1993.

⁵ Об этом см.: Hobsbaum E.J. *Nations and Nationalism Since 1780.* New York; Cambridge: ENG, 1990. P. 1–13. См. также введение к книге: Judson P.M. *Inventing Germanness: Class, Ethnicity and Colonial Fantasy at the Margins of the Habsburg Monarchy // Working Paper in Austrian Studies* 93. 2. 1993.

⁶ Цитируется по: The National Question in Europe in Historical Context /Ed. by M. Teich, R. Porter. Cambridge. ENG. 1993. P. XVI. Эти слова были сказаны Ренаном в его знаменитой Сорбоннской лекции в ноябре 1882 "Qu'est-ce qu'une nation", в которой он определил нацию как сообщество, которое сохраняется в результате ежедневного плебисцита его членов. (*Ibid.*, P. XVI). Несмотря на его "оправдание" нации в то время, Ренан предвидел европейскую конфедерацию, которая должна будет прийти на смену национальным государствам.

⁷ См.: Good D. *The Economic Rise of the Habsburg Empire as a Customs Union: Economic Development in Austria-Hungary in the Nineteenth Century.* Princeton, 1983.

⁸ О проблеме в целом см.: Eisenstadt S.N. *The Political System of Empires.* New York, 1963; Doyle M.W. *Empires.* Ithaca NY, 1986.

P. 1947, 123–138. Об империи Габсбургов см.: Nationalism and Empire: The Habsburg Monarchy and the Soviet Union / Ed. By R.L. Rudolf and D.F. Good. New York, 1992, в особенности статью: Motyl A. From Imperial Decay to Imperial Collapse: the Fall of the Soviet Empire in the Comparative Perspective //Nationalism and Empire. P. 15–43.

9 Некоторые интересные наблюдения см.: Geiss I. Decolonisation et conflits Post-Coloniaux en Afrique. Quelque Réflexions // Colloque International: Les deux guerres mondiales: les analogies et les différences. Warsaw, 12–14 September 1994. Warsaw, Comité des Sciences Historiques, 1985. P. 1–22. См. также: Szűcs J. Nation und Geschichte. Budapest, 1974. P. 21–36.

10 Примеры подобного наследия см. в статье Гари Коэна в данном томе. Коэн описывает действия, предпринимавшиеся местными властями, родительскими советами и добровольными организациями с целью расширения доступа к образованию.

11 Rumpler H. Die Rolle der Dynastie im Vielvölkerstaat des 19. Jahrhunderts //Probleme der Geschichte Österreichs und Ihrer Darstellung / Hrsg. Wolfram H., Pohl W. Wien, 1991. P. 165–175. В данном случае Р. 168.

12 Письмо Палацкого опубликовано в: The Habsburg Monarchy: Toward a Multinational Empire or National States / Ed. by Ch. Jelavich, B. Jelavich. New York, 1959. P. 18–22. Об отношении Палацкого к Австрии как многонациональному государству см.: Kořalka J. Tschechen im Habsburgerreich und in Europa. 1815–1914. Wien, 1991. P. 175–200.

13 Манифест опубликован в: Toward a Multinational Empire... P. 22–23.

14 О Кромерижском парламенте и конституции см.: Kann R.A. The Multinational Empire: Nationalism and National Reform in the Habsburg Monarchy 1848–1918. Vol. 2. New York, 1950. P. 21–39. См. также: Kořalka J. Tschechen... P. 139–143, 191–192.

15 Например: Sked A. The Decline and Fall... P. 144.

16 Цитированные слова взяты из брошюры "Идея австрийского государства", которую Палацкий опубликовал в 1865 г.

17 Это справедливо даже в отношении словацких и словенских политических лидеров. См. главы об этих народах в: Die Habsburgermonarchie 1848–1918 /Hrsg. Wandruszka A., Urbanitsch P. Vol.III. Part 2. Die Völker des Reiches. Wien, 1980, особенно Р. 779 и 804.

См. также мою рецензию на эту книгу: Wank S. The Growth of Nationalism in the Habsburg Monarchy. 1848–1918//East Central Europe. N 10. Part 1–2. 1983. P. 165–179, особенно 173–174.

18 Kofalka J. Tschechen im Habsburgerreich und in Europa.
P. 195–196.

19 Смт. по: The Philosophy of Hegel/Ed. by Friedrich C.L. New York, 1953. P. 153.

20 Motyl A. From Imperial Decay...//Nationalism and Empire.
P. 18–19.

21 Ibid. P. 17–19.

22 Ibid. P. 18.

23 Sked A. The Decline and Fall... P. 264–265.

24 Taylor A.J.P. The Failure of the Habsburg Monarchy // Europe: Grandeur and Decline / Ed. by A.J.P. Taylor. Harmondsworth, UK, 1969. P. 132.

25 Gustav Graf Kalnoky. Memorandum. Die Nationalitätenfrage in Oesterreich-Ungarn in ihrer Rückwirkung auf die aeussere Politik der Monarchie. Меморандум опубликован в: Jelavich B. Foreign Policy and the National Question in the Habsburg Empire: A Memorandum of Kalnoky //Austrian History Yearbook. N. 6–7. 1970–1971. P. 147–59 и Briefe und Dokumente zur Geschichte der österreichisch-ungarischen Monarchie / Hrsg. E. Rutkowski. München; Wien, 1983. P. 490–500. Меморандум рассматривается в: Wank S. Foreign Policy and the Nationality Problem in Austria-Hungary, 1867–1914 // Austrian History Yearbook. N. 3. Part 3. 1967. P. 38–41, 45.

26 См.: Brunner O. Das Haus Österreich und die Donaumonarchie// Südostforschungen. N. 14. 1955. P. 123–124, 126–127, 140–144.

27 Rumpler H. Die Rolle der Dynastie im Vielvölkerstaat. P. 174.
См. также: Brunner O. Das Haus Österreich... P. 132–134.

28 Sked A. The Decline and Fall... P. 266.

29 Hamann B. Die Habsburger und die deutsche Frage im 19. Jahrhundert //Österreich und die deutsche Frage in 19. und 20. Jahrhundert /Hrsg. H. Lutz, H. Rumpler. München, 1982. P. 230.

30 См.: Wandruszka A. Die Kriegsschuld der Führungsschichten// Die Presse, Sonderausgabe, Sarajevo – Ursachen, Folgen und Lehren. Jane 27/28, 1964. P. 11.

- 31 Bridge F.R. *The Habsburg Monarchy Among the Great Powers* P. 360–361.
- 32 Цит. по: Wank S. *Foreign Policy...* P. 44. См. также примечание 25 и статья В. Раушера в настоящем сборнике.
- 33 Цит. по: *Pessimism in the Austrian Establishment at the Turn of the Century //The Mirror of History: Essays in Honor of Fritz Fellner / Ed. by S. Wank et al.* Santa Barbara; Oxford, 1988. P. 297. Слова Клепша взяты из его письма к барону Алоизу фон Эренталь от декабря 1887 г. Эренталь, который позднее стал министром иностранных дел, был в это время *chef-de-cabinet* у Кальюки. Письмо опубликовано в: *Aus dem Nachlass Aehrenthal: Briefe und Dokumente / Hrsg. S. Wank.* Graz, 1993. N. 18. P. 19–20.
- 34 Ibid.
- 35 В связи с этим см. точное наблюдение Германа Броха в: Broch H. *Hugo von Hofmannsthal and His Time /Ed. and trans. M. Steinberg.* Chicago, 1984. P. 71–81. См. также: Schorske C.E. *Die Geburt des Möglichkeitsmenschen: Wien als Nahrboden der Moderne in der Auflösung des Alten Reiches //Die Presse Sonderausgaben, Sarajewo – Ursachen, Folgen und Lehren.* Wien, June 27/28. 1964. P. 14.
- 36 Sked A. *The Decline and Fall...* P. 187.
- 37 Ibid. P. 259.
- 38 Bridge F.R. *The Habsburg Morarchy...* P. 341.
- 39 Ibid. P. 380.
- 40 Rusinow D. *Ethnic Politics in the Habsburg Monarchy and the Successor States: Three Answers to the National Question //Nationalism and Empire.* P. 243–267, esp. 249–256.
- 41 *Die Völker des Reiches.* Vol. 3. Part 2. P. 1338.
- 42 О венгерской национальной политике см.: Szász Z. *Die Ziele und Möglichkeiten der Ungarischen Regierungen in der Nationalitätenpolitik im 19. Jahrhundert //Gesellschaft, Politik und Verwaltung in der Habsburgermonarchie. 1830–1918 /Hrsg. F. Glatz, R. Melville.* Stuttgart, 1987. P. 327–341. См. также: Kann R. *The Multinational Empire.* Vol. 2. P. 131–141.
- 43 О законе о национальностях и национальной политике в Австрии см.: Stourzh G. *Die Gleichberechtigung der Volksstämme als Verfassungsprinzip 1848–1918 //Die Völker des Reiches / Hrsg.*

A. Wandruszka, P. Urbanitsch. P. 975–1206. Переработанная и дополненная версия опубликована под названием *Die Gleichberechtigung der Nationalitäten in der Verfassung und Verwaltung Österreichs 1848–1918*. Wien, 1985.

44 О статье 19 см.: Stourzh G. *Die Gleichberechtigung der Volksstamme*. P. 1011–1016. О статье 21 Кромержижской конституции см.: Ibid. P. 983–986.

45 Kann E.A. *Zur Problematik der Nationalitätenfrage in der Habsburgermonarchie 1848–1918 // Die Völker des Reiches*. P. 1309.

46 Stourzh G. *Die Gleichberechtigung der Volkstamme*. P. 1203 и Kann R.A. *Zur Problematik...* P. 1331. См. также комментарий Студа в его лекции, посвященной Р. Канну: Stourzh G. *The multinational Empire Revisited: Reflections on the Late Imperial Austria// Austrian History Yearbook*. 23. 1992. P. 19–20.

47 Wandycz P. *The Lands of Partitioned Poland*. P. 219–228; Kann R.A. *The Multinational Empire*. Vol. 2. P. 231–232.

48 Luft R.R. *Die Mittelpartei des mährischen Grossgrundbesitzes 1879–1918 // Die Chance der Verständigung: Absichten und Ansätze zu Übernationale Zusammenarbeit in den böhmischen Ländern 1848–1918 /Hrsg. Seibt F. München*, 1987. P. 218, 236. Об австро-моравском соглашении см.: Ibid. P. 215–221; Kann R.A. *The Multinational Empire*. P. 207–209; Stourzh G. *Die Gleichberechtigung der Nationalitäten*. P. 213–229; Kořalka J. *Tschechen...* P. 158–164.

49 Stourzh G. *The Multinational Empire Revisited*. P. 20. Современную критику этого аспекта соглашения см. также в: Brugel J.W. *Zeitgenossische am mährischen Ausgleich//Bohemia*. Bd. 20. N 2. 1987. P. 364–368.

50 Stourzh G. *The Multinational Empire Revisited*. P. 20.

51 Luft R.R. *Die Mittelpartei...* P. 218.

52 Ibid. P. 218–221.

53 О том, как этот метод применялся на практике, см. статью В. Хойбергер в настоящем сборнике. Она описывает, как имперская администрация в Боснии и Герцеговине давала привилегии мусульманам по сравнению с православными сербами.

54 Rusinow D. *Ethnic Politics...* P. 254.

55 Rumpler H. *Die Rolle der Dynastie...* P. 168, 173; Bled J.-P. Franz Joseph. Oxford: ENG, 1992. P. 325–326.

56 Ibid.

57 Rusinow. *Ethnic Politics...* P. 256.

Тофик Ислямов

КОНЕЦ СРЕДНЕЕВРОПЕЙСКОЙ ИМПЕРИИ

Размышления относительно места и роли империи Габсбургов в европейской истории

Первая и последняя в истории европейского континента "чисто европейская" многонациональная империя Габсбургов – Российской, как известно, была евроазиатской или евразийской, как, впрочем, и располагавшаяся на стыке двух континентов Османская империя – закончила свое "бронное" существование в 1918 г. в водовороте событий, которыми ознаменовался конец мировой империалистической войны 1914–1918 гг. Более семидесяти лет прошло с того времени, но по-прежнему не ослабевает интерес к многовековой истории и историческому опыту монархии Габсбургов. С нею была связана значительная часть исторического прошлого многих и ныне здравствующих народов Средней Европы – немцев, мадьяр, итальянцев, чехов, словенцев, словаков, поляков, украинцев, русин, румын, хорватов, сербов. Большинство из них обрели национальное самосознание и национальную культуру, взаимодействуя на протяжении длительного отрезка времени в едином культурном пространстве, подвластном дому Габсбургов. С этой империей связано прошлое семи современных государств Европы – Чехии, Словакии, Словении, Хорватии, Боснии и Герцеговины, а также Германии, Италии, Румынии. Особое внимание, уделяемое в этих странах Монархии и ее истории, естественно и закономерно. Устойчивый, хотя и умеренный интерес к габсбургской державе в ведущих культурных государствах Старого и Нового Света существовал всегда. Сравнительно меньше внимания австрийской истории уделялось в Советском Союзе, несмотря на то, что Россию длительное время прочно связывала с ее среднеевропейским соседом общая заинтересованность

в подрыве османского могущества в Европе, переросшая затем в острейшее соперничество из-за раздела османского "имущества"¹. Дом Романовых сотрудничал с династией Габсбургов в поддержании легитимистских режимов на континенте в эпоху, последовавшую за Великой Французской революцией, в подавлении свободной Венгрии в 1849 г., в расчленении при участии Пруссии суверенного польского государства и т.д. Отчасти поэтому старая русская историография в отношении соседней великой державы не была настроена однозначно негативно, хотя и видела в ней соперницу в борьбе за преобладание на Балканах, на путях, ведущих к вожделенным Дарданеллам и Нарыграду. К тому же в России Монархию рассматривали как почти или наполовину славянскую державу, находившуюся вследствие рокового стечения обстоятельств под немецко-мадьярским господством.

Династическая солидарность двух консервативных держав, близость их восприятия понятий законности, порядка и лояльности перевешивали, однако, до определенного времени чувства спонтанной солидарности русской общественности со славянами Дунайской империи, не давая им перерasti в действенный фактор политики. Эта ситуация стала быстро меняться по мере ухудшения межгосударственных отношений в период и после Восточного кризиса 1875–1878 гг. и образования в Европе двух противостоявших друг другу военно-политических блоков, в результате которого Россия и Австро-Венгрия оказались в разных лагерях. Пути их отныне разошлись окончательно и бесповоротно, что, естественно, не могло не отразиться на содержании и тональности материалов по Австро-Венгрии, публиковавшихся в русской печати, в особенности в панславистски или неославистски ориентированной публицистике, а отчасти также на исторической литературе.

Впрочем не было ничего экстраординарного в том, что сервильная пресса и даже наука охотно идеологически обслуживали государство и государственные интересы в эпоху, когда они еще не были подчинены тотальному контролю власти. Сказанное может быть отнесено не только к России. Австрийские историки, как утверждает современный венский исследователь Гюнтер Рамхардтер, уже с конца 80-х годов прошлого века "тщились оправдывать внешнюю поли-

тику монархии в ее деятельности на Балканах.² Отличился на этом поприще известный австрийский историк Хайнрих Фридьенг, герой нашумевшего в свое время международного скандала, вызванного публикацией документов, полученных им непосредственно из австро-венгерского министерства иностранных дел с ведома и согласия самого министра, графа Алоиза Лекса Эренталя. Документы "как было установлено судом, оказались фальшивкой, имевшей целью дискредитацию Сербии и оправдание аннексии Монархией двух населенных славянами и мусульманами провинций Османской империи, оккупированных Австро-Венгрией еще в 1878 г.

Разразившийся вслед за этим опрометчивым шагом австро-венгерской дипломатии острейший кризис, первый в истории международных отношений "Боснийский кризис", стал вехой на пути неудержимого отныне движения Европы к мировому пожару и вконец уходил отношения Монархии с ее северным соседом. Уже тогда Санкт-Петербург был готов ринуться в схватку во имя реализации сербских национальных интересов. Лишь неготовность к новой войне обескровленной и потрясенной маньчжурским шоком страны предотвратила тогда вооруженный конфликт. Хотя, строго говоря, собственные, так называемые "национальные" интересы самой России непосредственно не были, да и не могли быть ущемлены тем, что император-король Франц Иосиф своим манифестом официально провозгласил присоединение к Монархии фактически принадлежавших ей территорий, полученных ею к тому же не без активного содействия самой русской дипломатии: оккупация провинций в 1878 г. была санкционирована канцлером князем Горчаковым, а формальная аннексия в 1908 г. – графом Извольским, министром иностранных дел. С января 1909 г. Россия и Австро-Венгрия стали "смертельными врагами; роковая дуэль началась", утверждает американец Сэмюэл Р. Уильямсон-младший в рецензии на книгу Фрэнсиса Роя Бриджа "Габсбургская Монархия среди великих держав".³

Образ врага – империи Габсбургов в общественном мнении России, и наоборот – России в Австро-Венгрии – сложился, таким образом, уже перед мировой войной, а война лишь усугубила эти тен-

денции. Та же картина наблюдалась в союзных с Россией странах Антанты. Особенно же преуспели в разжигании антигабсбургских настроений талантливые журналисты, европейские корреспонденты ведущих британских газет Генри Уикхем Стэд и Роберт В. Ситон-Уотсон. Некоторые свои произведения шотландец подписывал легко узнаваемым псевдонимом Скотус Виатор⁴. Свою лепту в развенчании Монархии внесли и некоторые представители французской исторической науки. Достаточно назвать широко известные имена Луи Эйзенмана, Эрнеста Дени и других французских авторов⁵. Образ "обетшалого царства", по словам знаменитого британского премьера времен мировой войны Дэвида Ллойд-Джорджа, обреченного на гниение и распад, в европейской литературе и в европейском общественном мнении начал складываться еще перед войной – Россия не составляла в этом смысле исключения. Отметим поразительное созвучие взглядов идеологов неославянства в Австро-Венгрии и славянофильства в России с военной пропагандой союзников по Антанте, развернувшей планомерную кампанию дискредитации Монархии, достигшую своего апогея в 1914–1918 гг. Преимущественно негативная тенденция в освещении Австро-Венгрии и ее истории в странах Антанты, за исключением, пожалуй, лишь Соединенных Штатов, сохранилась и в период между двумя мировыми войнами. В североамериканской республике не было ни традиций, ни каких-либо специальных причин для враждебности в отношении Дунайской империи. Она в сущности осталась безучастной к кипевшим в Старом свете страстиам вокруг империи Габсбургов, сохранив благодаря этому известный иммунитет против предубеждений и предрассудков своих европейских союзников. Однако нельзя упускать из виду тот неоспоримый факт, что целое поколение американцев черпало свои познания о европейских делах по книгам той же школы Ситона-Уотсона или из явно тенденциозной литературы серии "о виновниках войны", заполонившей книжные полки в 30-е гг. XX в. На формирование представлений американской общественности, в особенности научной, значительное влияние оказала вышедшая в Чикаго в 1929 г. книга известного социолога и политического деятеля добленной Венгрии Оскара Яси, содержавшая глубокий критический анализ империи Франца Иосифа и царивших в ней в период

дуализма порядков. Все же основную часть американских авторов, писавших в период между двумя мировыми войнами на австро-венгерские темы, не увлекло односторонне негативное освещение истории Австро-Венгрии, свойственное подавляющему большинству их коллег в Англии и Франции. Недостаточный уровень професионализма, почти полное отсутствие оригинальных исследований, просто немногочисленность работ по Австро-Венгрии – таковы характерные особенности американской историографии межвоенного периода, объясняющиеся в конечном счете отсутствием широкого интереса к теме в ведущих университетских центрах США⁶. Такое положение сохранялось в этой стране вплоть до рубежа 50–60-х гг. XX в.

Отечественная историческая школа создала свой собственный образ империи Габсбургов, во многом отличный от западных образцов. Путь, пройденный ею от дворянско-буржуазной и национально-русской через промежуточный марксистско-ленинский этап до нынешнего, не поддающегося пока еще научному анализу аморфно-хаотического состояния, заслуживает специального рассмотрения. Здесь же мы можем лишь фиксировать основные вехи ее эволюции, которыми и были предопределены изменения в оценке и в характеристике империи. При этом говорить о какой-то специальной концепции истории Австро-Венгрии, как ни странно, не приходится. Но несмотря на географическую близость и многовековое соседство, несмотря на многообразие и интенсивность контактов с династией Габсбургов и ее владениями (первое посольство императора Фридриха III побывало в Московии еще в начале XVI в.), австрийская проблематика всегда оставалась на периферии исторических исследований при царизме и при коммунизме равным образом. Принципиальные подходы к этой проблематике складывались в ходе разработки историками-марксистами концепции истории России и ее внешней политики.

В период становления официальной историографии СССР, завершившийся в канун второй мировой войны, когда доминирующими в ней началами были классово-пролетарский подход и сугубо абстрактный, все более лишавшийся своего первоначального смысла пролетарский интернационализм, Австрия, как впрочем и Россия,

рассматривались как реакционные полufeодально-полуабсолютистские образования, достойные всяческого осуждения. За обеими многонациональными империями прочно закрепилась репутация "тюрьмы народов", хотя условия существования национально угнетенных народов в результате проведенных после 1867 г. крупных буржуазно-демократических преобразований в Австрии и Венгрии "несколько" отличались от условий в России. Тем не менее позорное клеймо "тюрьмы народов" было в директивном порядке снято с царской России, а не с Монархии с ее более либеральным режимом и конституционно-парламентарным строем, пусть далеко не совершенным. Возрождавшееся в Советском Союзе уже перед войной державное мышление стало постепенно вытеснять из учебников, книг и монографий, из лексикона ученых-марксистов такие категории, как защевания и захватнические войны, колонии и полуколонии, и т.п. Разумеется, применительно к России. Войны, которые она вела, были оборонительны и уж во всяком случае безусловно справедливы, ибо служили они делу Прогресса, прорубали окна в Европу, прокладывали путь к теплым морям и т.д. – все это на благо присоединенных народов, во имя их процветания. Единокровные братья с Россией воссоединились, а остальные просто присоединились к ней, как бы предвидя ожидавшее ее светлое социалистическое будущее, куда предстояло вести их "старшему брату", возглавляемому рабочим классом с его передовым отрядом – партией большевиков. Не нашлось места в этой примитивной схеме даже безобидной концепции "наименьшего зла", оказавшейся недостаточно убедительным историческим обоснованием традиций "нерушимой и вековой дружбы" народов России – СССР.

Началось это перерождение, а точнее вырождение исторической науки, превращение ее в чисто государственную, с налетом шовинизма, с легкой руки Иосифа Джугашвили-Сталина, истинно русского патриота, предавшего анафеме школу Покровского за непатриотичность, а вслед за тем поставившего на место и самих классиков марксизма за проявленную ими непочтительность в отношении к действиям царей на международной арене. Их произведения, страстно бичевавшие внешнюю политику царизма, оказались на полках спец-

хранов вместе со всякого рода антимарксистскими и антисоветскими изданиями. Происшедшая метаморфоза с историческим прошлым России и его интерпретацией обусловили радикальное смешение акцентов и в трактовке австрийской истории, в которой отныне перестали быть доминантой критерии классов и классовой борьбы. Империя Габсбургов воспринималась в первую очередь как исторический противник России, как главная ее соперница на Балканах, к тому же "незаконно" властовавшая над славянскими народами Средней Европы – потенциальными проводниками русского влияния в регионе.

Возврат к идеям всеславянской общности еще в ходе второй мировой войны, а также радикальное изменение геополитической ситуации на континенте в пользу СССР после ее завершения возвели обозначившиеся в предвоенные годы в идеологии и политике тенденции в ранг государственной доктрины. Мощная поддержка со стороны научно-идеологического аппарата стран-сателлитов, в особенности славянских, обеспечила широкое внедрение в общественное сознание антиавстрийских и антивенгерских стереотипов, генетически связанные с традиционным, хотя и официально порицаемым национализмом. Марксистские историографические школы стран-наследниц Монархии, сотворенные по советской модели и под идеяным руководством советских "учителей", едва став на ноги, оказывали обратное воздействие на советских историков, формируя по существу их взгляды по многим вопросам прошлого Карпато-Дунайского бассейна не в последнюю очередь благодаря тому, что знание источников и владение фактическим материалом позволяло им прививать своим бывшим менторам собственные пристрастия и оценки. Подобное своеобразное сотрудничество привело к тому, что уже к 50-м гг. в Советском Союзе перестало практически существовать целостное изучение Монархии как фактора европейской истории, как ее субъекта, будучи подмененным фрагментами истории отдельных ее народов, даже в тех случаях, когда они, находясь в составе Австрии или королевства Венгрии, были лишены возможности проявить себя в качестве самостоятельной политической силы. Словаки и словенцы – типичный тому пример.

Таким образом, к концу второй мировой войны на капиталистическом Западе и на социалистическом Востоке в изображении Монархии доминировал черный цвет. Марксистское и немарксистское направления в исторической литературе, несмотря на глубокую идеологическую пропасть, их разделявшую, в данном вопросе, как как ни парадоксально, принципиальных расхождений по сути дела не знали. Такое положение сохранялось до самого конца 1940-х гг., до тех пор, пока проблемами прошлого Средней Европы всерьез не заинтересовались некоторые ученые из США, страны, наименее ангажированной в делах региона. По этой причине, отчасти, они были менее восприимчивы к свойственным их европейским коллегам вежевым предрассудкам и предвзятостям. Им первым пришлось взламывать стену недоброжелательства и непонимания, воздвигнутую вокруг империи Габсбургов, начиная с того времени, как она имела несчастье оказаться во враждебном Антанте лагере.

Преодоление сложившейся в историографии стран Антанты антиавстрийской традиции связано с публикацией в США в начале 1950-х гг. работ американца Артура Мая и австроамериканцев Ханса Кона и Роберта А. Канна, к которым несколько позднее присоединились Иво Ледерер, супруги Барбара и Чарлз Джелавичи, ряд других историков Северной Америки и Западной Европе⁷. Вслед за ними в Соединенных Штатах выросло целое поколение исключительно одаренных, а главное, полностью лишенных партийно-национальных предубеждений исследователей. Именно благодаря трудам этой элиты обозначился переход американской астрохунгаристики от очерковости и компилиативности к оригинальным, основанным на знании всей совокупности первоисточников, исследованиям истории Монархии.

Ограниченный объем статьи, к величайшему сожалению, лишает меня возможности и удовольствия дать историографический анализ эти работ. Остается назвать лишь несколько имен, не желая ни в коей мере умалить заслуги других, не менее достойных. Так существенный вклад в разработку экономической и социальной истории внесли Джон Комлош, Ричард Рудольф, Дэвид Гуд; социокультурных и этнокультурных проблем – Гари Б. Коэн и недавно скончавшийся Уильям МэкКэгг, внешней политики и международных отношений – упоминавшийся уже Солomon Вэнк⁸.

Благодаря начавшейся разрядке в отношениях Восток-Запад оказалось возможным провести в середине 1960-х гг. в Будапеште, Братиславе и Блумингтоне (США) ряд очень важных, чрезвычайно полезных и далеко идущих по последствиям встреч учёных по проблемам Австро-Венгрии. Они положили конец продолжительной изоляции друг от друга историков, занимавшихся одним и тем же делом, но разделенных политико-идеологическими барьерами, открыли путь к регулярному и нормальному научному сотрудничеству, к установлению человеческих отношений между людьми, которые давно зная друг друга по книгам и статьям, не имели возможности встречаться лично, дискутировать с оппонентом не анонимно, а лицом к лицу.

Все это было абсолютно несовместимо с конфронтацией, с навязанной исторической науке сверху "борьбой против враждебной идеологии". Начался поворот к научной добросовестности и объективности в изучение истории Монархии и в странах "реального социализма".

За два последующих десятилетия дружными усилиями специалистов удалось существенно изменить сложившийся в историографии и публицистике негативный образ империи Габсбургов. Дело, однако, не ограничилось выправлением явных перекосов и устранением антантофильских, неославистских, антигабсбургских, мадьяро- и юдофобских и прочих предвзятостей. В определенной связи с ускорением в Западной Европе интеграционных процессов в исторической литературе появились некоторые признаки идеализации империи Габсбургов. Крен в сторону переоценки ее исторической роли в известной мере был неизбежным побочным продуктом, издержкой процесса преодоления прежней однобокости.

Предпринимались попытки изобразить Монархию в качестве модели наднациональной организации полиэтничного исторического пространства, причем поиски образца в прошлом как бы перекликались с движением западноевропейского общего рынка к наднациональной политической интеграции, а с другой стороны отвечали потребности противопоставления Монархии многонациональным государствам советско-коммунистического типа – Советскому Союзу, Югославии, Чехословакии. Эта тенденция к идеализации империи Габсбургов была несколько позже подкреплена и усиlena возрождением в странах Средней Европы и даже некоторых государ-

ствах на Балканах, переживших оккупацию и познавших все прелести разных тоталитарных режимов, культа "старой доброй Монархии". В свете исторического опыта последних семи десятилетий после своего крушения она смотрелась не так уж плохо.

В качестве примера могу сослаться на мнение на этот счет талантливого чешского исследователя Иржи Коржалки. Чешские историки, констатирует Коржалка, "решительно отвергли одно из ключевых положений традиционной национальной историографии, объявлявшей полиглоссную Габсбургскую монархию "тюрьмой народов". Новая же концепция утверждает нечто диаметрально противоположное старому тезису, а именно: "после провала попытки построить в Австрийской империи гомогенное общество под немецкой гегемонией (идея потерпела крушение на полях сражений 1859 и 1866 гг.) Австрийское государство предоставило недоминантным этническим группам лучшие условия для всестороннего подъема, чем где-либо в Европе. Чешское общество могло в максимальной мере воспользоваться экономическими, социо-политическими и культурными возможностями многонационального государства, без того, чтобы взять на себя ответственность за это государство. Эффективная система муниципального и регионального самоуправления была в состоянии защитить партикулярные интересы чешского общества и его элит. Более того, оно стало обществом с почти полной, законченной структурой и с современной системой политических партий, которая просуществовала без больших изменений до осени 1938 г., до подавления парламентарного режима в Чехословакской Республике"⁹.

Новые веяния коснулись даже французской историографии, никогда особой симпатией к династии Габсбургов и их державе не отличавшейся. Свежий тому пример – недавно опубликованная монография известного исследователя Жан-Поля Бледа "Франц Иосиф", в которой автор приходит к заключению, что Средняя Европа ни до, ни после не имела более политически стабильного и правового режима, чем при Франце Иосифе, то есть с 1848 по 1916 гг.¹⁰. Почти дословно с этим суждением совпадает мнение англичанина Алана Скеда, автора монографии "Упадок и крах Габсбургской империи 1815–1918". В канун первой мировой войны, – утверждает он, –

Монархия была "более стабильна и процветающа, чем в любой другой период своей истории". По Бледу даже национальный вопрос находился в стадии "затухания", что мне лично представляется несколько оптимистической оценкой, если иметь в виду хотя бы два факта: резкое обострение югославянского вопроса в самой Австро-Венгрии в 1908–1914 гг. и продолжавшееся с 1905–1906 гг. нарастание внутренней скрытой напряженности во взаимоотношениях между Австро-Венгрией¹¹.

В работах, опубликованных в 1960–1970-х гг. и в последующие десятилетия отчетливо проявилось имманентное свойство историографии привносить в анализ исследуемого события, процесса современный опыт и рассматривать их сквозь призму пережитого предыдущими поколениями.

Новый импульс актуализации австро-венгерской проблематики дал неожиданно быстрый, оглушительный крах последних в Европе полизначных образований – СССР, Югославии и Чехословакии. И не только потому, что в каждом из них в той или иной мере присутствовала частица ушедшей в небытье еще в начале века Монархии. Последняя стала привлекать внимание уже как феномен многонационального государства, поскольку события поставили под вопрос оправданность и право на существование подобного образования вообще.

Неслучайно, что даже в средствах массовой информации постсоветской России то и дело стали появляться ссылки на Австро-Венгрию, к сожалению чаще всего некомпетентных, далеких от знания предмета публицистов и политиков, как на удачный либо неудачный – смотря по вкусам и политическим симпатиям – исторический образец многонациональной империи. В России, как и в других ведущих странах мировой науки, с новой силой развернулся стародавний спор вокруг парадигмы "национальное государство – многонациональная империя", благо уникальный исторический опыт Монархии дает богатейшую пищу для размышлений. Позиции здесь четко обозначены, может быть более однозначно, чем по многим другим вопросам истории Австро-Венгрии.

Есть немало поклонников полизначной организации общества, в особенности для густо- и чересполосно населенных территорий с

исторически сложившейся устойчивой традицией совместного проживания и толерантного сосуществования разнотипных этносов. Есть и много противников подобной государственной организации, решительно и категорически отстаивающих идею "национального", точнее мононационального государства как наиболее приспособленного для прогресса общества и процветания нации. Любителей формулы "одна нация – одно государство" привлекает в ней ложное предположение о том, что моноэтническое государство исключает якобы межнациональные распри. Опасное заблуждение, ибо упускается из виду, что в таких случаях национальные конфликты не исчезают, а выносятся за пределы страны, превращаясь в межгосударственные. Кроме того, мононациональные государства способны порождать либо поощрять агрессивные стремления к пересмотру существующих границ, а в своих крайних и уродливых проявлениях и к так называемым "этническим чисткам", которые в 1930–1940-х гг. осуществлялись Сталиным и Гитлером, а в наше время успешно проводятся в Боснии и Абхазии.

Что же касается дилеммы национальное государство или моногнациональная империя, то в советской литературе не существовало на этот счет единого мнения, и отношение к этому вопросу характеризовалось известной двойственностью.

Теоретически марксизм-ленинизм в принципе отдавал предпочтение крупным полигэтническим образованиям, считая их наиболее отвечающим интересам интернационального по своей природе рабочего класса как с точки зрения реализации его политico-идеологических задач, так и с точки зрения оптимальной организации производства и управления народным хозяйством. Но постулат этот практически признавался верным лишь в применении к Советскому Союзу. Во всех же остальных случаях на первый план выдвигалось право наций на самоопределение с непременной приставкой "вплоть до отделения". Тот, кто имел неосторожность не провозглашать этот лозунг применительно к Австро-Венгрии попадал в разряд махровых реформистов и всеми презираемых австро-марксистов. Для нас, советских историков, были недостаточно хороши и "принципиальны" те из национальных движений Монархии и их лидеров, которые не ставили своей конечной целью доведение национально-ос-

вободительного движения "до конца", то есть до завоевания полного государственного суверенитета, а добивались "лишь" самоопределения и национального равноправия, но без "отделения". На вооружение было взято известное и без конца цитировавшееся изречение Ленина о том, что национальное государство – норма, а многонациональное – исключение, что-то вроде анахронизма¹². Но обратим внимание на то, что Ленин, кстати, вслед за Каутским, тогда еще ортодоксальным марксистом, а не "ренегатом Карлом Каутским", как его позднее неизменно величал тот же Ленин, утверждал, что "для всего цивилизованного мира типичным и нормальным" является национальное государство, подчеркивая, что пестрое в национальном отношении государство есть явление "недоразвитое" и "отсталое". Не касаясь сейчас вопроса об истинности или ложности данного тезиса, отметим лишь, что его авторы имели в виду "капиталистический мир", для свержения которого требовалось сделать любое национально-освободительное движение "резервом" грядущей пролетарской революции. Реализация советской исторической наукой этих теоретических положений открыла дорогу к абсолютизации национальной идеи, а неизбежным следствием подобной абсолютизации должна была стать фетишизация национальной государственности, разумеется, в случае Австро-Венгрии и Османской империи, а не империи Романовых и СССР.

События 1980–1990-х гг. добавили к дебатам о Монархии – старым, как сама Монархия – новые штрихи и элементы; последние были столь значительны, что дали основание нашему североамериканскому другу Солу Вэнку, одному из лучших знатоков среднеевропейской истории, говорить даже о "новом повороте" в изучении Австро-Венгрии. "Монархия Габсбургов, длительное время считавшаяся анахронизмом в эру национальных государств, – пишет он, – теперь противопоставляется современной фрагментированной Центральной Европе в качестве модели наднациональной организации, из которой могут быть извлечены позитивные уроки"¹³. В этом автор, правда, сомневается, даже явно иронизирует по поводу того, что из исторического опыта империи Габсбургов можно извлечь какие-то полезные уроки.

Сравнение и анализ новейшей зарубежной литературы по Австро-Венгрии невольно наводит на мысль о формировании новой историографической тенденции, о новом повороте в оценке ключевых проблем истории Монархии на последних этапах ее существования.

Наиболее отчетливо и как бы нарочито заостренно вопрос о критической переоценке исторического опыта Дунайской империи поставлен в работах С. Вэнка. На них и представляется целесообразным остановиться в первую очередь, поскольку из всех современных авторов именно Вэнк вполне сознательно задался целью опровергнуть аргументы "в пользу позитивного имиджа Габсбургской Монархии"¹⁴. Мотивы достаточно резкого выступления Вэнка вполне очевидны. Его тревожит перспектива возможного искажения исторической действительности вследствие чрезмерного выпячивания позитивных аспектов. Вполне законное опасение для западной, отчасти чешской и венгерской, историографии, но не для российской, советской, да и постсоветской, никогда этим недостатком не страдавшей.

В подобной ситуации, когда предпринимается целенаправленная попытка устраниТЬ одну крайность, всегда существует опасность впасть в другую. Этого, к сожалению, не удалось избежать и Вэнку, несмотря на всю его очевидную преданность исторической истине. Полемика ведется им против аргументации, содержащейся в монографиях и статьях профессора Колумбийского университета (Нью-Йорк) Иштвана Деака, а также уже упоминавшихся Б. Джелавич, А. Скеда и Фр. Бриджа. Внутренне связанные между собой, в совокупности они позволяют синтезировать достижения и провалы Монархии, и, в конечном счете, приближают нас к пониманию смысла ее существования.

Во-первых, Вэнк ставит под сомнение тезис о *стабильности* империи, о том, что в конце XIX – начале XX вв. она была *процветающей* в экономическом и культурном отношениях. Насчет культурного процветания почти все исследователи единодушны в признании весьма значительных достижений как в сфере высокой, элитарной культуры, так и в сфере народного образования, с чем, судя по всему, согласен и Вэнк. В то же время не совсем ясна его оценка

уровня экономического развития Монархии. Нормально развивающаяся экономика, с устойчивыми показателями ежегодного прироста валового национального продукта, есть едва ли не главный критерий не только стабильности государства, но и его жизнеспособности. Между тем, именно этот важный аспект австро-венгерской истории не занимает должного места в системе аргументации Вэнка. Он ограничивается лишь констатацией *относительной экономической отсталости Австро-Венгрии* в канун первой мировой войны. Но остается без ответа вопрос – относительно чего? Не относительно Балкан, разумеется, и даже России, сделавшей на рубеже двух веков мощный рывок на пути капиталистической индустриализации. Темпы промышленного развития в более отсталой части империи, в Венгрии, как показали исследования Дьердя Ранки, Ивана Т. Беренда, Ласло Катуша и других, были более высокими, чем в России, и даже в Австрии: соответственно – 3,0% в Венгрии и 2,5% – в австрийской половине Монархии¹⁵.

В индустриализации, в экономическом росте вообще в абсолютном выражении даже наиболее отсталые регионы империи, как, например, Босния-Герцеговина, превосходили соседние суверенные балканские государства. Так историк из Эдинбурга Майкл Палере категорически утверждает, что Босния "экономически развивалась более успешно, чем Сербия и Болгария", подчеркивая, что "эффект габсбургской "цивилизаторской миссии" историками "был серьезно недооценен"¹⁶.

Австро-Венгрия в целом была экономически отсталой по центральноевропейским, а также западноевропейским стандартам, т.е. в сравнении с Францией, Бельгией, Германией и некоторыми другими странами. Сегодня это признается как неоспоримый факт всеми ведущими специалистами, а надо сказать, что именно в области экономической истории достигнуты наиболее важные результаты в изучении австро-венгерской проблематики за последние два-три десятилетия. Вопрос заключается в том, как совершенно справедливо замечает Дэвид Гуд вслед за Ричардом Рудольфом, увеличивалась ли эта относительная экономическая отсталость или же, наоборот, разрыв между Монархией и высокоразвитым Западом сокращался¹⁷.

Бесспорного ответа на этот вопрос наука пока не дала. Однако исследования названных выше авторов и других авторитетных учёных подтверждают: за последние четыре десятилетия своего существования, в 1870–1914 гг., Австро-Венгрия добилась значительных успехов в преодолении своей относительной экономической отсталости, о чём свидетельствует анализ сопоставимых данных темпов роста: среднегодовой подушный общественный продукт (в долларах США по курсу 1960 г.) равнялся в Австро-Венгрии – 1,45, в Германии – 1,51, во Франции – 1,06, в Великобритании – 1,0, в Италии – 0,81, в России – 0,62. Отсюда следует, что по темпам роста она опережала целую группу высокоразвитых стран континента, исключая Германию, но уступала Дании (2, 19) и Швеции (2, 39)¹⁸. Тем не менее нельзя не признать крупным успехом исторического масштаба и значения практическую ликвидацию разрыва в темпах роста с Францией, составлявшего еще до 70-х гг. XIX в. довольно значительную величину. Иначе обстояло дело с Германией, наиболее динамично развивавшейся тогда страной континента. Александр Гершенкрон, один из виднейших современных теоретиков экономической истории, хорошо знавший австро-венгерскую проблематику и часто к ней обращавшийся, высказал предположение, что экономическое отставание Монархии от Германии скорее увеличивалось, поскольку, полагал учёный, ее экономическое развитие не отвечало "великому вызову индустриализации", коммуникационная сеть была недостаточно развитой¹⁹.

Все сказанное истинная правда. Но все это относится к двум последним десятилетиям прошлого века. В анализе не учтены результаты завершающего этапа экономического цикла (первые два десятилетия XIX в.), а главное – экономические показатели сравниваются с рекордными достижениями индустриально-финансового гиганта Европы, а не Россией, которая была бы счастлива, имел она сегодня такую же инфраструктуру, какой обладала "отсталая" Австро-Венгрия на рубеже двух веков. Слаба была, по мнению Гершенкrona, связь между странами и землями, входившими в состав империи. Конечно, она не была и не могла быть иной, в силу исторически сложившейся ее структуры, в особенности, после превращения в дуалистическое образование.

Однако, несмотря на сложность взаимоотношений двух государств Монархии – Австрии и Венгрии – и громоздкость механизма регулирования экономических проблем, наличие единой таможенной территории и периодически возобновлявшиеся между ними экономические соглашения обеспечивали вполне нормальное функционирование народного хозяйства империи в целом и отдельных ее частей. Фридрих Херц, не меньший авторитет в области экономической истории, чем Гершенкрон, например, решительно подчеркивает "подавляющее преимущество экономической общности" Монархии, которое перевешивало все другие ее недостатки²⁰.

Преимуществами этой общности и выгодами общей австро-венгерской таможенной территории пользовались, как доказывают исследования венгерских и чешских историков экономики, не одни только так называемые "господствующие нации", а в той или иной мере также и периферийные аграрные зоны²¹. Сочинители парижских мирных договоров, пишет американский автор Стюарт Хью, "забыли о том, что Австро-Венгерская монархия, несмотря на все свои ошибки, превратила бассейн Дуная в единое экономическое целое; забыли о том, что ей надо было найти какую-нибудь замену, раз уж она должна была исчезнуть"²².

Общность таможни явилась тем гениальным инструментом, который позволил привести к единому знаменателю противоречивые устремления австро-чешской промышленности и сельскохозяйственного производства Венгрии, гармонизировать основные экономические интересы обеих половин Монархии и выразить их в единой общеимперской экономической политике, не ущемляя существенно внутреннюю экономическую свободу каждого из двух государств дуалистической империи. Венгерская промышленность, подчеркивает Джон Комлош, "извлекла, вероятно, еще больше выгод от свободного доступа к австрийскому рынку, чем сельское хозяйство" (Венгрии), получившая гарантированный, надежно защищенный высокими импортными пошлинами от иностранной конкуренции рынок²³. Еще более важное значение для промышленности Венгрии имели общеимперские источники кредитов, капиталов и квалифицированной рабочей силы.

Короче говоря, несмотря на относительное и абсолютное отставание от передового Запада, в первую очередь от Германии, измерявшееся, как считает Д. Гуд, по меньшей мере одним десятилетием, – экономика империи развивалась по восходящей линии, надежно функционировал экономический механизм, обеспечивая тем самым ее стабильность, устойчивость и жизнеспособность. И это отнюдь не "сангвинистическая картина", о которой пишет С. Вэнк в связи с позитивными оценками "габсбургского экономического роста"²⁴.

Второй тезис Вэнка связан с национальным вопросом в Австро-Венгерской Монархии и его значением в дезинтеграционных процессах. В принципе он согласен с тем, что за небольшим исключением отдельных радикальных групп, партии и лидеры национальностей исходили в своей политической стратегии из перспективы длительного существования Монархии, основывая на этой презумпции свою практическую деятельность. Более того, они были озабочены скорее улучшением позиции своей этнической группы, чем завоеванием автономии, не говоря уже о национальном суверенитете или сепаратизме. Вэнк полагает, что такая позиция была вынужденной в силу существования сильной Германии, заинтересованной в сохранении статус-кво в дуалистической Монархии, а также готовности императора и его советников подавить военной силой любую попытку изменения существовавшей имперской структуры. Вэнк делает вывод о нереалистичности национальных аспираций в Монархии до 1914 г., утверждая, что расчет национальных движений и их лидеров на сохранение империи, может рассматриваться скорее как их "адаптация к политическим и дипломатическим реалиям, чем как принятие империи как таковой"²⁵.

Таким образом отсутствие в программах национальных движений радикальных установок и целей Вэнк склонен рассматривать как тактический ход.

Однако любому специалисту хорошо известно, что сохранение Монархии при наличии двух сильных соседей на ее западных и восточных рубежах, Германской и Российской империй, было для подавляющего большинства населявших ее народов, и прежде всего

чехов, венгров, словаков, поляков, словенцев, вопросом жизни и смерти, вопросом национального существования. Для чехов это было альфой и омегой их национальной политики. Не совсем верно и предположение о неизбежном вооруженном ответе на любой вызов дуалистической структуре. Пример Венгрии, действительно испытавшей в 1905–1906 гг. угрозу военной интервенции, говорит об обратном. Партия независимости, крупнейшая политическая сила страны, неизменно и открыто выступала против дуализма, за персональную уник. Сепаратистские тенденции уже в предвоенную эпоху достаточно отчетливо прослеживаются лишь в национально-освободительном движении югославян Австрии и Венгрии, в особенностях сербов. Отсюда та повышенная нервозность, с которой в Вене и Будапеште встречались любые акции Сербского королевства и Черногории, направленные на разжигание сербского национализма у югославянских подданных императора-короля Франца Иосифа. Аналогичная ситуация сложилась также в Южном Тироле, Триесте и других областях Австрии, на которые предъявила свои претензии Италия, формально числившаяся в союзниках в качестве члена Тройственного союза. Итальянская ирредентистка, однако, по своим масштабам и возможным последствиям не представляла той угрозы самому существованию Монархии, какую представлял югославянский сепаратизм.

Третий тезис Вэнка касается вопроса о лояльности народов к империи и династии Габсбургов во время первой мировой войны и в канун ее, во время Сараевского кризиса. Вопрос сложный сам по себе, да еще к тому же основательно запутанный историками различных национальностей, направлений и пристрастий. В существующей обширной литературе, да и в документальных источниках, еще далеко не вполне исследованных, можно найти немало убедительных свидетельств того, что поведение так называемых угнетенных народов в войне в общем и целом было достаточно лояльным, и что даже существовал некий имперский патриотизм и общеимперское сознание – "Gesamtstaatsbewusstsein". Не меньше подлинных фактов свидетельствуют об обратном – об относительно низкой боеспособности австро-венгерской армии, о массовых случаях дезертирства, сдачи в плен и т.д. Концентрируя свое внимание преиму-

шественно на этих последних фактах, Вэнк делает вывод об активном неприятии славянами Монархии и симпатиях к противнику. Для полноты картины следовало бы напомнить, например, о том, что на Восточном фронте русским сдавались в плен не только чехи, сербы и другие славяне, но и национально не угнетенные мадьяры, не особенно симпатизировавшие России, наоборот, ее боявшиеся. А их в русском плену оказалось целых полмиллиона. Одного национального момента явно недостаточно, чтобы дать исчерпывающие ответы на возникающие вопросы. Не учитывается при этом такой важный фактор, как антивоенные настроения и антимилитаристские движения, особенно среди рабочих, интеллигенции, мелких буржуа и т.д., прямо или косвенно связанные с непопулярностью войны и ее империалистическим характером.

В последних работах С. Вэнка имеется ряд других полемически заостренных положений, как бы приглашающих к диспуту. Нам не следует пренебрегать подобным интересным, многообещающим приглашением-вызовом. В заключении мне кажется вполне уместным выразить свое полнейшее согласие со словами Сола Вэнка из его частного письма мне от 21 июля 1993 г.: "Трудно отделить позитивное от негативного в опыте Габсбургской Монархии как многонационального государства, и, скорее всего, они суть две стороны одной и той же медали".

Примечания

¹ Еще в начале ХХ в., характеризуя состояние изучения в России соседней с ней великой державы, известный русский историк К.Я. Гrot писал: "Русская ученая литература по всеобщей европейской истории насчитывает ряд больших, самостоятельных и даже довольно замечательных трудов и монографий по истории Германии, Франции, Англии, Италии и пр., но почти вовсе не имеет трудов (да и вообще исторических очерков, хотя бы компилятивных) для Угрии и Австрии, ей, однако, несравненно близких, родственных и, казалось бы, более привлекательных" (подчеркнуто мною – Т.И.). См.: К.Я. Гrot. Австро-Венгрия или Карпато-Дунайские земли в судьбах славянства и в русских исторических изучениях. Петроград, 1914. С. 106–107. Описанная безрадостная картина стала изменяться к лучшему лишь в последней четверти века.

2 Ramhardter G. Propaganda und Aussenpolitik//Die Habsburgermonarchie 1848–1918/Hrg. von Adam Wandruszka und Peter Urbanitsch. 3d.VI/1. (далее: Die Habsburgermonarchie 1848–1918). Tl. 1. Die Habsburgermonarchie im System der internationalen Beziehungen, Wien, 1989. S. 486.

3 Williamson S.R., Jr. Bridge F.R. The Habsburg Monarchy among the Great Powers, 1815–1918. Oxford, 1991 //Austrian History Yearbook, V. XXIV. Minnesota, 1993. P. 244.

4 Scotus Viator (R.W. Seton-Watson). Die Zukunft Österreich-Ungarns und die Haltung der Grossmächte. Wien, 1908 (The Future of Austro-Hungary and the Attitude of the Great Powers, London, 1908); Idem. Racial Problems in Hungary. London, 1908; Idem. Corruption and Reform in Hungary. London, 1911; Idem. The Southern Slav Question and the Habsburg Monarchy. London, 1911; Steed H.W. The Habsburg Monarchy. London, 1914; R.W. Seton-Watson and the Yugoslavs: Correspondence 1900/1941. Ed. by H. Seton-Watson et al. 2 vols. London, 1976.

5 Eiesenmann L., Le compromis austro-hongrois de 1867. Etudes sur le dualisme. Paris, 1904; Denis E. La Bohemie depuis la Montagne-Blanche. Paris, 1903.

6 Jaszi O. The Dissolution of the Habsburg Monarchy. Chicago, 1929.

7 May A. J. The Habsburg Monarchy, 1867–1914. Cambridge, Mass., 1951; Kann R.A. The Multinational Empire: Nationalism and National Reform in the Habsburg Monarchy, 1848–1918. 2 vols. New York, 1950. Idem. The Habsburg Empire: A Study in Integration and Disintegration. New York, 1957; Kohn H. Pan-Slavism. South Bend, 1953; Idem. The Habsburg Empire, 1804–1918; Lederer I.J. Yugoslavia at the Paris Peace Conference: A Study in Frontiermaking. New Haven, 1963; Mamatey V., Jelavich B. The Habsburg Empire in European Affairs, 1814–1918. Chicago, 1969; Jelavich Ch. and Jelavich B. The Establishment of the Balkan National States 1804–1920// A History of East Central Europe. Vol.8. Washington, 1977; Zeman Z.A.B. The Break-Up of the Habsburg Empire, 1914–1918. London, 1961; Droz J. L'Europe centrale. Evolution historique de l'idée de Mitteleuropa, Paris, 1960; Zwitter F. Les problèmes nationaux dans la monarchie des Habsbourg. Beograd, 1960; Macartney, C.A. The Habsburg Empire, 1790–1918. London, 1968; Tapié V.L. The Rise and Fall of the Habsburg Monarchy. New York, 1971; Taylor A.J.P. The Habsburg Monarchy, 1809–1918. London, 1948.

8 Komlos J. *The Habsburg Empire as a Customs Union: Economic Development in Austria-Hungary in the Nineteenth Century*. Princeton, 1983; Rudolph R. *Banking and Industrialisation in Austria-Hungary*. Cambridge, 1976; Cohen G.B. *The Politics of Ethnic Survival: Germans in Prague, 1861–1914*. Princeton, 1981; McCagg, W.O., Jr. *A History of Habsburg Jews, 1670–1918*. Bloomington, Ind., 1989; Idem. *Jewish Nobles and Genises in Modern Hungary*. Boulder, Col., 1973; Wank S. *Foreign Policy and the Nationality Problem in Austria-Hungary, 1867–1914*//*Austrian History Yearbook*, 3, Pt. 3 (1967).

9 Korálka J. *Czechoslovakia (Historiography of the Countries of Eastern Europe)*//*The American Historical Review*, V. 97, N 4, 1992, P. 1039.

10 Bled J-P. *Franz Joseph*. Oxford, 1992.

11 Sked A. *The Decline and Fall of the Habsburg Empire 1815–1918*. London and New York, 1989. P. 263–265.

12 В.И. Ленин о национальном и национально-колониальном вопросе. М., 1956. С. 175–176.

13 Цитата взята из рецензии С. Вэнка на монографию Алана Скэда и Френсиса Бриджа. См. журнал *Central European History*, V. 26, N 1, 1993, P. 123.

14 Wank S. *The Nationalities Question in the Habsburg Monarchy: Reflections on the Historical Record*//*Working Paper 93–3*. Minnesota, 1993.

15 Berend I.T. Ránki Gy. *A magyar gazdaság száz éve*. Budapest, 1972; Berend I.T. – Ránki Gy. *The Economic Development in East-Central Europe in the 19th and 20th Centuries*. New York–London 1974; Katus L. *Economic Growth in Hungary during the Age of Dualism 1867–1913. Quantitative Analysis* //*Social and Economic Researches on the History of East-Central Europe*/Ed. by Pamélyi Ervin. Budapest, 1970.

16 Palairet M. *The Habsburg Industrial Achievement in Bosnia-Herzegovina, 1878–1914*//*Austrian History Yearbook* 1993, V. XXIV. P. 136.

17 Good D.F. *Der wirtschaftliche Aufstieg des Habsburgerreiches. 1750–1914*. Wien–Köln–Graz 1986. S. 208; Rudolf R. *Austrian Industrialisation. A Case Study in Leisurely Economic Growth* //*Sozialismus, Geschichte und Wirtschaft: Festschrift für Eduard Marz*. Wien, 1973. S. 261–262.

¹⁸ Good D.F. Op. cit. S. 209. См.: также: Kausel A. Österreichs Volkseinkommen 1830 bis 1913 //Geschichte und Ergebnisse der zentralen amtlichen Statistik in Österreich. 1829–1979 //Österreichisches Statistisches Zentralamt. Hft. 550. Wien, 1979. S. 710–720.

¹⁹ Gerschenkron A. An Economic Spurt that Failed. Princeton, N.Y. 1977, P. 54.

²⁰ Hertz F. The Economic Problem of the Danubian States. London, 1947, P. 51.

²¹ По мнению Д. Гуда австро-венгерское Соглашение 1867 г. создало "политические предпосылки для распространения подъема (экономического – Т.Н.) на менее развитые восточные части империи". См.: Good D.F. Op. cit. См. также чрезвычайно насыщенную фактическим материалом работу канадского ученого, специалиста в области экономической истории: Eddie S. Economic Policy and Economic Development in Austria-Hungary, 1867–1913 //The Cambridge Economic History of Europe. Vol. 8. London, 1987.

²² Stewart H.H. Contemporary Europe: A History. New York, 1961, P. 119. Цит. по: Good D.F. Op. cit. P. 17.

²³ Komlos J. Die Habsburgermonarchie als Zollunion. Die Wirtschaftsentwicklung Österreich-Ungarns im 19. Jahrhundert. Wien, 1986. S. 139–140.

²⁴ Wank S. Working Paper. Op. cit. P. 3.

²⁵ Ibidem.

Петер Ханак (Венгрия)

НАЦИОНАЛЬНАЯ КОМПЕНСАЦИЯ ЗА ОТСТАЛОСТЬ

Центральная Европа, и в особенности ее восточная периферия, переступила порог истории нового времени с огромным опозданием. Народы этого маргинального региона, образно говоря, "проспали" те века, когда народы, принадлежащие к западной цивилизации, усердно трудились над созданием централизованного государства. Тем самым они, не отдавая себе в этом отчета, формировали свое национальное сознание. Принципиальное различие между западным и восточным типом наций не в том, что первые были существенно более однородны и не в том, что созданные ими государства имели чисто национальный характер. Главным образом это различие выражалось в том, что с возникновением капиталистической экономики и частной собственности, одновременно с модернизацией, сложилось буржуазное общество. И в этом процессе либеральные политические институты были немыслимы без национальной культуры, а единство национального сообщества без высокого уровня национального самосознания.

Однако в центре и особенно на восточной окраине Европы внешние воздействия и внутренняя динамика общественного развития породили национальную идею раньше, чем гражданское (буржуазное) общество. Движущие силы национальной консолидации возникли прежде, чем саморегулирующееся гражданское общество и соответствующие плюралистические политические структуры. Таким образом, разница между Западом и восточными окраинами Европы заключается не просто в опоздании и отставании по времени, но и в определенном порядке, ритме и последовательности развития.

Итак, в то время как в Западной Европе идея нации развивалась параллельно с модернизацией и в гармонии с ней, на восточной окраине нарождающийся национализм был вынужден или принимать

капиталистическую модернизацию, что в ряде случаев означало следование и даже подражание капиталистическим образцам, или решительно отвергать этот путь. Соответственно мы можем провести грань между промодернистским и антимодернистским национализмом. Правда, следует тут же добавить, что перед лицом огромных трудностей и опасностей модернизации промодернизм далеко не всегда был последовательным, а антимодернизм не исключал возможность проведения антифеодальных реформ.

Общеизвестно, что в первой половине XIX в. даже либерально настроенные представители промодернистского итальянского и венгерского национализма опасались, что холодный ветер прозападной модернизации сметет традиционные элементы общества и его "священные" институты. Откуда, спрашивали они, возьмутся ресурсы и либеральные институты, на которых зиждется коммерциализация на Западе. Даже в таких странах, как Венгрия и Польша, передовые общественные силы либеральной ориентации не смогли привить буржуазную этику и соответствующую ей систему общественных отношений. В результате, из-за отсутствия таких ценностей, процесс обуржуазивания оказался незавершенным. Промодернистский национализм большинства венгерского дворянства в последней четверти XIX в. иссяк, а на рубеже XX в. "дал задний ход". На сцену вышли антимодернистский (аграрный) неоконсерватизм и новый тип консервативного национализма. С самого начала антимодернистский национализм включал в себя немало иррационального. Так, составной частью романтического национализма стал немецкий романтизм с его идеей *Volksgeist* – духовности органического сообщества людей, а впоследствии рабы. Другим примером служит популизм и одна из его классических форм – русское народничество, т.е. традиционная народная религиозность, которая стремится уравновесить железные законы капитализма христианским антикапитализмом. Некоторые учёные даже проводят различие между элементами хилиастических учений* и национализмом по принципу общей религии. В любом

* хилиазм – вера в осуществление мистически понимаемого идеала справедливости еще до конца мира (прим. пер.).

случае кажется очевидным, что как хилиастические, так и популистские движения выдвигали идеи коллективизма и равноправия против индивидуализма капиталистического свободного рынка и сопутствующей ему социальной дифференциации. Однако сколь бы человечны ни были проповедуемые этими течениями ценности, во времена "подражания" капитализму, как это было в годы технической революции накануне второй мировой войны или в эпоху перестройки, они (эти ценности) несомненно лишь тормозят, если не срывают, успешный ход модернизации.

Этот краткий обзор показывает, что отношение национализма к модернизации в целом совпадает с общепринятым различием между французской политической и немецкой лингвистической нацией. Тем не менее я считаю, что предложенная мною схема точнее, чем традиционные противопоставления политических и лингвистических (этнических) сообществ. Отчасти уже потому, что политические и языковые различия носят весьма умозрительный характер, но главным образом потому, что реальные глубинные процессы являются лучшей основой для исторического анализа, чем принципы политической организации, сформулированные на основе идеологических различий. В то же время представляется вполне очевидным, что национализм является своеобразной смесью рационально понимаемых интересов и ценностей и иррациональных эмоций, что он всегда имеет несколько "свободных валентностей" и легко может ассоциироваться с любым видом социальной или политической идеологии.

Лишним доказательством несовершенства обеих типологий идеи нации – и как союза в силу общего политического выбора, и как органического этнолингвистического сообщества – служит, как это сказано выше, их постоянное взаимопроникновение. Считается, что французский тип нации был продуктом Просвещения, а немецкий – драгоценным ростком романтизма. Таким образом встает вопрос, могут ли Просвещение и романтизм быть разделены при случайном выборе ценностей, который делает общество? Не звучат ли романтические нотки уже у Руссо, а тем более у Робеспьера или Шиллера? Хрестоматийный пример графа Иштвана Сечени – ученого, предпринимателя, политика-реформатора – доказывает, что мыслителей и прогрессивных политических деятелей начала

XIX в. питали обе идеи. Просвещение и романтизм тем более питали друг друга, что они имели точку соприкосновения, и этой точкой сприкосновения была господствующая идея той эпохи – Свобода.

Национализм малых народов Восточной и Центральной Европы видел своих родителей в обоих типах нации, хотя порой верх брало отцовское наследие, а порой материнское. Так, венгры, считая себя прежде всего политическим сообществом ("единая политическая нация"), тем не менее восставали против абсолютного венского правительства как этнолингвистическое сообщество, используя при этом гердеровскую систему аргументов. Очевидно, что словаки и румыны были ближе к этно-лингвистическому типу, однако их доводы являлись по большей части историческими. Словаки именуют себя прямыми наследниками Великой Моравии, румыны – Дакии.

История! Наряду с языком, это была важнейшая составляющая национализма, ее живое присутствие делало из малых народов нации. Эту совершенно очевидную роль истории не всегда понимают многие авторы на Западе. Но народы этого региона вплоть до наших дней никогда не обладали независимостью или же лишились собственной государственности в новое время, в 1526, 1619 или 1772 г. Их родина стала провинцией великих держав, а сами народы превратились в подданных чужеземных правителей. Все, что осталось у этих народов, была воображаемая империя – их славное прошлое. И язык! Главный инструмент межличностного и межклассового общения, носитель культуры прошлого и настоящего. Он также приобрел историческую роль в развитии наций. Повсюду сторонники Просвещения осознали, что образование народов немыслимо без национального языка. Как сказал Дьердь Бешенеи, венгерский писатель, живший в Вене: "Каждая нация может обрасти ученость только на своем родном языке". Однако язык и история были не только средствами национального пробуждения и просвещения народа, но с самого начала стали источником конфликтов между соседними народами.

Развитие языка как такового было чистым и гуманным намерением просветителей, а право употреблять тот или иной язык – справедливым и демократическим требованием. Однако требова-

ние свободы языка и образования на родном языке немедленно поставило на повестку дня вопрос о языковых границах, который, в свою очередь, автоматически повлек за собой проведение этнических границ, т.е. определение национальной территории, а в конечном счете реализацию этой стороны национальной автономии. Все это сеяло семена необузданной ненависти в регионе, как сеяла их история, заставляя обращаться к вопросам происхождения, старшинства, а потом и границ.

Национализм, в котором рациональное и реальное тесно переплелось с воображаемым и романтическим, уже не обращал внимания на факты. Его адепты разрабатывали собственные теории происхождения наций, их территориальных притязаний, роли и миссии наций в Европе, и сами же возводили их в ранг науки, несмотря на то, что эти теории были зачастую ничем иным, как исторической фикцией, рожденной в мире мифов происхождения. Одни, например, миф о скифском (сарматском) происхождении поляков, об иллирийских корнях южных славян или о родстве венгров с гуннами через пару десятилетий вновь превратились в захватывающие легенды. Другие, такие как теория дако-романского континуитета или идея великоморавского наследия словаков, оказались весьма живучими даже вне того инкубатора, в котором их взрастили историки, и продолжают стоять на пути примирения наций нашего региона.

Мифы и теории не могли бы сами по себе оказывать такое сильное и длительное воздействие. Они достаточно глубоко укоренились в Центральной и Восточной Европе только потому, что их породила особая многонациональная и этносоциальная структура региона. Выше я уже говорил о том, что с национальной точки зрения ни одна из стран Европы не однородна, теперь же я должен признать, что Центральная Европа неоднородна с любой точки зрения! Она не просто многонациональна, т.е. населена одиннадцатью нациями, но и каждая отдельная нация этого региона полигэтнична. В террииторию, населенную национальным большинством, вкраплены островки национальных меньшинств, а внутри последних проживают еще более малочисленные меньшинства. На востоке Европы многонациональными были не только наднациональные империи,

но и пришедшие им на смену государства. Бывшая империя Габсбургов или, скажем, некоторые регионы распавшегося Советского Союза были и остаются этнически пестры, как цветущий луг.

Религиозные различия еще более усложняют сложившийся этнический плюрализм. Для подавляющего большинства стран этого региона всегда была характерна поликонфессиональность. В Венгрии до 1918 г. было 7 религий, столько же в Великой Румынии. В Чехословакии и Польше бок о бок по преимуществу немирно существовали 4 конфессии. К каждой религии принадлежало множество народностей (к римско-католической – 8). В условиях, когда не могло быть и речи о единстве и согласии мировых церквей, это не только не способствовало тому, чтобы церкви выступали митрополитами в обостряющихся национальных конфликтах, но и восстанавливала церковь против модернизации. Промодернистской светской политике обуржуазившихся конфессий противостоял антимодернистский консерватизм популистских религий.

Для того, чтобы полностью осветить сложный характер национализма в нашем регионе, необходимо принять во внимание различия в социальной структуре отдельных наций. Более развитые проживали в западной части региона, и у них буржуазия уже занимала господствующее положение. Структуру польского, венгерского и хорватского обществ осложняло унаследованное от средневековья политическое доминирование дворянства, в то время как социальный состав словацкого, русинского и румынского обществ отличался резкими диспропорциями: дворянство почти полностью отсутствовало, а буржуазия была крайне слаба. Национализм этих народов был полон крайнего презрения к т.н. "аристократическим" нациям. Несмотря на то, что их национальные движения в XIX в. были организованы под знаменами равенства и свободы, они далеко не всегда носили промодернистский характер. Во время революции 1848 г. и позднее, на рубеже XX в., для этого региона было характерно интересное явление: антифеодальный национализм простого народа (главным образом крестьянства) под воздействием духовной и светской интеллигенции оказывался направленным как против венгерских землевладельцев, так и против венгерских, немецких и еврейских бургевров. В образе врага, который

в то время был выписан довольно яркими красками, преобладал этнический и даже расистский национализм со зловещим оттенком антисемитизма. Не менее искаженный образ врага на рубеже ХХ в. пустил корни в венгерском национализме.

Союз венгерского национализма с либерализмом просуществовал до конца XIX в. С распадом этого союза набиравший силу шовинизм нашел поддержку в консерватизме. Усилилось давление на национальные меньшинства, особенно их политические и культурные организации. С сожалением и в порядке самокритики приходится констатировать, что в период с 1880 по 1913 г. число словацких национальных школ сократилось с 1.716 до 365, румынских – с 2.756 до 2.170, немецких – с 867 до 449; все словацкие высшие учебные заведения были закрыты, ведущие политики национальных меньшинств и их печатные органы нередко подвергались нападкам. Наиболее серьезным обвинением, до сих пор выдвигаемым против венгерского национализма, остается пресловутая национальная мадьяризация. Стараниями профессора Эрнста Дениса и публициста Роберта Ситона–Уотсона Европа наслышана о наводящих ужас историях проводившейся огнем и мечом мадьяризации. Давайте же честно посмотрим в глаза венгерской ассимиляции.

Мы располагаем точными данными о естественном и действительном приросте населения Венгрии на 1880 г. К началу первой мировой войны население Венгрии помимо естественного воспроизведения выросло примерно на 1,1 млн. человек. Произведя необходимые расчеты, мы с уверенностью можем сказать, что за предыдущие полвека венгерская ассимиляция развивалась, примерно теми же темпами. Около половины этих 2,2–2,4 млн., т.е. 1,1 млн. были немцы, примерно 700.000 – евреи, 300.000–400.000 – словаки. Все наши источники свидетельствуют, что мадьяризация немцев и евреев была в подавляющем большинстве случаев добровольной и заключалась в превращении гражданской преданности в национальное самосознание. Постепенная мадьяризация словаков, которые переселялись в Будапешт и его окрестности и на Великую Венгерскую равнину, также носила по преимуществу добровольный характер и шла отчасти под влиянием венгерского окружения, а

отчасти из-за широкого распространения смешанных браков. Тем не менее венгерская политика в области образования тоже сыграла свою роль.

В целом мы можем констатировать, что мадьяризация коснулась прежде всего низших слоев национальных меньшинств и в значительно меньшей степени буржуазии и интеллигенции, которые были интегрированы в венгерское общество. Мадьяризация проявилась сильнее как социальное давление в первую очередь на средний класс. В общественном мнении на Западе закрепился взгляд на мадьяризацию как на возрожденное варварство. Я полагаю, что это сильно упрощенная копия с того образа врага, который рисует контрнационализм. После того, что мир узнал о фашистских лагерях смерти и большевистском ГУЛАГе, говорить так о насильственной мадьяризации столь же абсурдно, как представить себе евреев в Освенциме, поносящих Люгера за злостный антисемитизм.

Молчание современной политической пропаганды чехов, словаков, румын и южных славян о юридических гарантиях, предоставленных венгерскими либералами национальным меньшинствам, и шумиха вокруг нетерпимости и конкретных случаев проявления агрессии вытекают из самой природы политической борьбы. Последующие поколения должны воздать врагу по заслугам, даже если для этого повседневную борьбу угнетенных против венгерского господства, за выживание, национальную культуру и самостоятельность придется представить как справедливую войну за независимость. Однако историкам не следует принимать на веру другой стереотип, что национальная борьба меньшинств автоматически велась во имя равенства наций и торжества демократии.

Прежде всего необходимо принять во внимание тот факт, что национальность и демократия являются двумя различными измерениями социальной организации, двумя различными формами группового сознания. Демократия – это одна из систем регулирования для политического управления обществом. Нация же, напротив, является исторически сложившимся сообществом, основанном на чувстве и воле. Она определяет поведение и культуру своих членов, их отношение к своей и другим нациям. Поэтому, хотя национальность и демократия могут быть связаны, они не предназначены

ны, не созданы друг для друга. Давайте теперь посмотрим на социальные и политические условия, в которых находились национальные меньшинства в Венгрии на рубеже ХХ в.

В 1910 г. доля сельского населения у венгров была 55%, у немцев – 50%, у хорватов и словаков ровно по 70%, у румын – 86%, русинов – 89%; цифры для населения, занятого в промышленности и торговле, (в том же порядке): 31% и 37% для венгров и немцев, 21%, 20%, 8%, 4,8% для хорватов, словаков, румын и русинов. Еще более неровным оказывается соотношение среднего класса в различных этнических группах. Для немецкого меньшинства эта цифра равна 18%, для венгров – 12%, для хорватов – 8%, словаков – 7%, румын – 3,3%, русинов – 1,7%. Доля людей свободных профессий (в том же порядке): немцы – 5%, венгры – 7,5% (!), хорваты – 2%, словаки – 1,2%, румыны – 0,8%, русины – 0,3%. Особенno бросается в глаза господство венгров и немцев среди предпринимателей, высокопоставленных государственных служащих и людей свободных профессий. Эти типично либеральные элементы отсутствовали или были очень слабы у национальных меньшинств.

Основные черты политических движений национальных меньшинств более или менее соответствовали социальной структуре. Внутри не отличавшейся четкой организацией словацкой национальной партии к руководству пришла католическая народная партия (партия А. Глинки), отстаивавшая не только религиозные, но и популярские идеи. Либеральное крыло (В. Шробар, П. Блахо и др.) тоже имело влияние, но оно видело свою опору в крестьянстве и мелкой буржуазии. Аналогично в румынской национальной партии ядро составляли мелкобуржуазные элементы, но решающее влияние на крестьян оказывала православная церковь. На фоне косности сербских либералов набирала силу радикальная партия (И. Томич), защищавшая активную социальную и еще более активную национальную политику. Большинство вышеупомянутых партий были консервативными и антимодернистскими. Даже либерализм левых сил не шел дальше требования расширения прав национальностей, т.е. введения всеобщего избирательного права, но искал поддержку планам реорганизации монархии у Франца Фердинанда, у сильной центральной власти.

Еще до войны Хорватия служила поучительным примером, иллюстрирующим природу национализма. Хотя хорваты считали себя угнетенной нацией, в рамках предоставленной им существенной автономии они угнетали свои национальные меньшинства не меньше, чем венгры свои. В межвоенный период венгерский национализм эволюционировал в сторону антилиберального тоталитаризма. Что же касается угнетенных наций, то от своих бывших угнетателей они унаследовали не только государство и власть, но и методы и стиль управления. Славянофил Ситон-Уотсон заметил в 1911 г.: "Теории хорватской партии права – это те же теории венгерской партии независимости, переведенные на хорватский язык: то же жонглирование высокопарными фразами о конституционализме, та же тупая радикальная нетерпимость, характерная для сторонников Кошута и Франка. Государство, в основу которого лягут эти теории, равно как и государство, основанное на конкурирующей пансербской идее, о котором мечтают политики в Белграде, не вызывает симпатии и вряд ли будет обладать стабильностью".

В панхорватском и пансербском движениях оказались скрыты семена непрекращающихся конфликтов, а теория дако-романского континуитета показала угнетательскую и нетерпимую природу румынского национализма, которому вскоре предстояло прийти к власти. Демократия восточно-европейского национализма выросла не из своей природы, т.е. стабильного гражданского общества, а из своего положения и роли. Изменения позиции и системы, смена ролей после пересмотра карты Европы в Версале нашли выражение в межвоенный период и были закреплены в послевоенную эпоху. В это время в Центральной и Восточной Европе правили две жестокие тоталитарные системы: немецкий фашизм и русский большевизм. Несмотря на то, что в первом случае процветал расизм, а во втором прославлялось братство народов, они были совершенно одинаковы: империализм, социальное и национальное порабощение стран-сателлитов.

В последние десятилетия духовная оппозиция тоталитарным системам была полна верой в разум. Считалось, что общие страдания и общий исторический опыт заставляют людей осознать свои

общие интересы. Дружба между эмигрантскими группировками со- противления, широкое сочувствие чешской Хартии 77 и польскому движению "Солидарность", успех венгерских коммунистов-реформаторов, казалось, воплотили в жизнь это пророчество; особенно в 1989 г., который мы, люди, живущие в этом регионе, назвали *annus mirabilis**. Затем наступили 1990–1991 гг.: кровавые столкновения в Трансильвании, война в Югославии, раздоры в Чехословакском федеративном государстве. И повсюду на сцену выступил национализм. Чудеса уступили место недоумению. Почему, спрашивали мы, почему произошло возрождение этого недоброй славы национализма? Куда исчез дух дружбы и примирения?

Идеи солидарности и объединения сил исповедовала только малая группа интеллектуалов, чей голос не долетал до широких слоев населения. Эти демократически настроенные интеллектуалы, поздние дети эпохи Просвещения, всегда верили в Разум, если не в его всесилие. Посреди моря бедствий и страданий нашего времени они твердо верили, что магический голос разума поможет преодолеть дикие бессознательные инстинкты. Однако они не приняли в расчет, что объективные предпосылки для демократической интеграции не существовали в прошлом и не появились в настоящем.

Т.Г. Эш был прав, когда писал, что Центральная Европа – это все еще идея, не ставшая реальностью. Дискуссия должна выйти за рамки риторики и сентиментальных утверждений и опереться на твердую почву действительности. Необходим строгий и беспристрастный анализ предпосылок такой интеграции. Причем уже на начальной стадии станет очевидно, что глубинных предпосылок для центрально-европейской интеграции нет и по сей день.

Прежде всего отсутствуют экономические предпосылки. Можно сказать, что сегодня условия даже хуже, чем они были сто лет назад в бывшей Австро-Венгрии. Ведь там, на общем рынке монархии, давало эффект свободное движение факторов производства, путем регулирования использовались выгодные, по сравнению с другими странами, экономические условия, что в свою очередь ве-

*чудесный год (прим. пер.).

ло к взаимодополняющей специализации различных отраслей производства. Эгоизм малых государств (*Kleinstaatenrei*), возникший на обломках монархии, привел к триумфу неразумной экономической политики национальных авторитарий. Принудительная коммунистическая интеграция и СЭВ сделали плановую экономику неэффективной даже на уровне отдельных государств.

Не менее остро ощущается отсутствие социальных условий для любого рода центрально-европейской интеграции. Основой долгого и стабильного существования является сильное гражданское общество, костяк которого составляет буржуазный, а не землевладельческий средний класс, исповедующий принцип свободы личности. Как раз этого и не хватает Центральной Европе, хотя я бы рискнул сказать, что социальные условия для интеграции были благоприятнее в начале века, чем сейчас. Мы должны смотреть правде в глаза: антикоммунизм не является синонимом демократии. Сильная демократия не может вырасти немедленно из-под обломков рухнувшей коммунистической системы.

Помимо этих недостатков социальной структуры и деформаций политической системы полностью отсутствует другая предпосылка интеграции – общее или по крайней мере сходное самосознание. Главная причина этого коренится, как это не раз отмечалось, в твердости, бескомпромиссности и религиозном характере центрально- и восточно-европейского национализма. Здесь мне хотелось бы привлечь внимание к трем явлениям, все еще представляющим опасность.

1. Сегодня мы поражены тем, чего не ожидали и не понимали всего пару лет назад. Почему национализм возродился со столь молниеносной скоростью и такой жизненной силой? Очевидно, что с политической смертью фальшивого большевистского "интернационализма" желание, даже потребность возродить все национальное властно заявила о себе. Одновременно национализм превратился в инстинкт самосохранения, ибо образовавшийся вакuum был тут же заполнен агрессивностью и ненавистью.

2. Возрождение национализма шло рука об руку с нормализацией религиозной жизни и восстановлением церковных организаций,

упрочивших свои политические позиции. В одних странах это означало "прививание" западной христианской демократии, в других – возрождение религиозной идеи романтического национализма. Это, в свою очередь, дало импульс обновленному популизму в Польше, Словакии, Румынии и, в меньшей мере, в Венгрии и Чешской Республике. За возрождением популизма стоит антилиберализм популистски настроенной интеллигенции и враждебного модернизации среднего класса, ощущающего угрозу своему положению. Современные популисты – это одновременно враги социализма и либерализма, им одинаково не по вкусу советский Восток и капиталистический Запад. Они проповедуют возрождение "третьего пути", в котором будут преобладать национальные мотивы, и живо призывают к религиозному смирению. Составной частью такого популистского национализма становятся расизм и мессианизм. Риторика их прессы и публичных выступлений по своей нетерпимости ко всем видам критики очень похожа на пропаганду кануна второй мировой войны. Любая критика расценивается не просто как ошибка, но как "зло", ей навешивается ярлык "невенгерской", "нерумынской" и пр. Общим для этих течений стал контрревизионизм в истории. Во многих отношениях мы сегодня находимся в начале пути назад, к национализму межвоенного периода.

3. Во всех странах региона начались расследования с целью выявить тех, кто ответственен за "преступления" коммунистической эры. Двумя характерными аспектами этого поиска являются "синдром самооправдания" и перекраивание образа врага. Словаки, венгры, румыны, даже русские стремятся доказать свою невиновность, выставляя напоказ кровоточащие язвы своего националистического авангарда. Они доказывают свою непричастность к развязыванию второй мировой войны, а если они все-таки принимали в ней участие, то, по их словам, защищали Европу от большевизма. Ведущие политики спешат заявить, что они были не агрессорами, а защитниками европейской цивилизации.

Депортации и уничтожение евреев, говорят они, лежат на совести немцев, если газовые камеры вообще существовали! Мы не имеем никакого отношения к страшным действиям коммунистов, мы не были коллаборационистами, а если были, то под давлением, что-

бы сохранить наши национальные ценности. – В последнее время мы в Венгрии слышим, что битву на Дону следует считать не по зорным поражением, а примером воинского героизма и мужества.

Оправдание, разумеется, означает отрицание ответственности и перекладывание ее на внешние силы. Так, в неудачах обвиняют более сильного противника, невезение или внутренние силы – национальные меньшинства, евреев. В Венгрии реальность такого подхода была проанализирована в ходе социологического исследования, проведенного в 1983 г. и повторенного в 1989 г. Абсолютное большинство опрошенных приписало национальные поражения превосходству внешних сил, отсталости, в которой снова можно обвинить внешние силы. В некоторых случаях и в гораздо меньшей степени ответственность возлагалась на внутренние факторы, вражду в среде венгерского дворянства, наственные этому сословию междуусобные распри. 1/3 респондентов обвинила немцев и руководство страны. Только 7% и 5% обвинили соответственно правое крыло среднего класса и пассивность населения. При повторном опросе в 1989 г. отвечавшие вновь обвинили внешние силы, 1/3 – венгерский господствующий класс и менее 2% – народ.

Такой уход от действительности является важным моментом в реконструкции образа врага. С распадом Советского Союза образ врага–русского поблек. Традиционная же враждебность к соседним народам, напротив, набирает силу почти как условный рефлекс. Я имею в виду неблагополучную обстановку в Трансильвании, гражданскую войну между сербами и хорватами, польско-украинско-литовский антагонизм. Неудивительно, что антисемитизм вышел на сцену повсюду, даже там, где евреев уже почти не осталось, да и те совсем не похожи на "паразитов-капиталистов". Но ведь этого и не нужно. Евреи как враг номер один давно превратились в метафизическое существо: евреи – это все те, кто не устраивает националистов популистского толка. Если же они к тому же оказываются венграми, поляками или румынами, тогда кто-то из их предков был евреем, а если и это не так, то они "оевреились" в нездровой городской среде. Фантом "еврейского образа мысли" остается эффективным и всегда готовым к употреблению катализатором центрально- и восточно-европейского национализма.

Переход от коммунизма к демократической рыночной экономике идет в Центральной и Восточной Европе с большими трудностями. Этот процесс тем более сложен, что большая часть региона не знала подлинной демократии и развитой рыночной экономики. Переход становится особенно труден в связи с возрождением национализма, который служит препятствием на путь модернизации и примирения народов. Национализм стоит на пути создания условий для будущей интеграции стран региона. Может быть, с ним удастся справиться, а может быть, он продолжит подрывать мир и процесс созидания во всем регионе.

Повод для осторожного оптимизма дает открытость большинства населения идеям рыночной экономики и радикальных перемен в международных отношениях. Нет больше фашистской Германии, нет больше большевистского Советского Союза, и, возможно, пример западного сообщества окажется более привлекательным, чем иллюзии величия национального государства в этом разрушенном и растерзанном регионе.

Алексей Миллер (Россия)

ГАЛИЦИЯ В СИСТЕМЕ АВСТРО-ВЕНГЕРСКОГО ДУАЛИЗМА

Королевство Галиции и Лодомерии, обычно именовавшееся просто Галицией, было одним из наиболее поздних приобретений монархии Габсбургов. Эти земли попали под их власть после разделов Речи Посполитой в конце XVIII века, а в 1803 году они были сведены в общую административную единицу. Однако вплоть до середины XIX в. контроль Габсбургов над Галицией не был вполне устойчивым. В 1809 г. им пришлось уступить часть этих территорий созданному Наполеоном княжеству Варшавскому, а также Российской империи. После Венского конгресса западная часть провинции получила название Вольного, независимого и строгого нейтрального города Кракова с округом. Независимость Краковской республики, как это политическое образование обычно называли, была чисто номинальной. Реальная власть была сосредоточена в руках резидентов, представлявших державы — "опекуны" Австрию, Россию и Пруссию. Только после восстания в Кракове в 1846 г. и последовавшей за его поражением аннексии Краковской республики Габсбургами провинция оформилась в том виде, в котором она и существовала в составе Дунайской империи вплоть до ее краха в 1918 г.

Чтобы охарактеризовать положение Галиции в системе австро-венгерского дуализма, нужно затронуть по крайней мере три группы проблем. Во-первых, место Галиции и роль ее различных политических сил в системе межнациональных отношений в империи. Во-вторых, влияние процесса дуалистического переустройства монархии на положение различных этнических групп в самой провинции и на отношения между ними. И, наконец, место Галиции в от-

ношениях Австро-Венгрии с другими державами, и прежде всего с Россией.

Вторая половина 60-х годов XIX века, когда потрясенная поражением под Садовой монархия Габсбургов переживала период частичной либерализации и политической реорганизации, поставила польские политические элиты, которые, в отличие от слабо организованных украинцев, были в это время значимым политическим фактором в масштабе империи, перед трудной альтернативой. Им предстояло выбрать между жесткой оппозицией дуализму и последовательным отстаиванием требований федерализации империи в союзе с чехами, с одной стороны, и поисками компромисса с Веной в рамках дуалистической модели, с другой. При том, что федералистские настроения доминировали среди галицийских поляков, выбор, не без внутренней борьбы, был все же сделан в пользу компромисса с Веной.

Такой исход был обусловлен целым комплексом причин. Шок от поражения восстания 1863–64 годов в Царстве Польском был еще слишком свеж, и галицийские поляки не были готовы к новой затяжной борьбе. Политическое преобладание получили сторонники "органической работы", стремившиеся к достижению конкретных целей ("язык, просвещение, самоуправление"¹) в рамках политики лояльности по отношению к Вене. Внутргалицийские противоречия с русинами, о которых подробнее речь пойдет позже, и угроза административного раздела провинции по этническому принципу также весьма ограничивали радикализм польских требований в адрес Вены.

Роспуск богемского и моравского ландтагов, отказавшихся избрать делегации в рейхсрят Цислейтании, накануне созыва галицийского сейма в 1867 г. стал дополнительным весомым аргументом в пользу политики компромисса. Кроме того, присоединение к бойкоту рейхсрата до известной степени делало поляков заложниками их более сильных союзников. Если бы тактика бойкота имела успех, и Вене пришлось договариваться с чехами, то учет интересов Галиции во многом зависел бы от последних.

Однако мотивы польского выбора отнюдь не ограничивались обстоятельствами момента. За редким исключением галицийские политики, даже наиболее лояльные по отношению к Габсбургам,

никогда не переставали мыслить общепольскими категориями. В рамках монархии Габсбургов польский вопрос не имел подлинного решения. А значит и идти в банк в борьбе вокруг переустройства монархии не было резона.

За свое согласие на дуализм поляки получили от Вены слишком мало для того, чтобы быть совершенно довольными, но вполне достаточно, чтобы желание сохранитьобретенные в рамках автономии права неизменно перевешивало искушение рискнуть ими в каких-либо ирредентистских акциях. С конца 1860-х они обладали практически полной культурной автономией, весьма широким местным самоуправлением. Представители их политических элит имели хорошие карьерные шансы не только в Галиции, но и на общеимперском уровне, неоднократно получая министерские портфели в Вене, в том числе и такие ключевые, как министра финансов. (Ю. Дунаевский был, пожалуй, лучшим министром финансов Цислейтании за весь дуалистический период, неслучайно он оставался на этом посту десять лет.) Двое поляков – А. Потоцкий и К. Бадени – становились премьер-министрами Цислейтании.

Наконец, в рамках предоставленной Галиции автономии поляки превратились в группу, доминирующую не только социально, но и политически в этой этнически разнородной провинции. В середине XIX в. население Галиции составляло около 5 миллионов человек. В этническом отношении провинция отчетливо распадалась на западную и восточную части. Западная с центром в Кракове была заселена поляками. В городах и mestechkakh, как и в целом по провинции, значительный процент составляли евреи. В Восточной Галиции большинство принадлежало русинам, однако в столице Галиции Львове преобладали поляки. Поляками было подавляющее большинство крупных землевладельцев как в восточной, так и в западной части провинции. (Эти обстоятельства делали периодически обсуждавшееся административное разделение провинции на восточную и западную части весьма желательным для русинов и совершенно неприемлемым для поляков, превращавшихся в этом случае в меньшинство в Восточной Галиции.) Австрийская статистика 1857 г. дает следующие данные в целом по Галиции. Поляков-мазуров тогда насчитывалось 1583 тыс., гурали (Goralen) в западной Галиции – 281 тыс., русинов (Ruthenen (Russinen) oder Klein-Rus-

sen) – 2281 тыс., из них 28² тыс. бойков и гуцолов. Около 6% населения составляли евреи ².

Восточная Галиция вполне соответствовала введенному Ю.Хлебовичом понятию переходного пограничья, поскольку поляки и русины были тесно связаны в культурном, религиозном и историческом плане и могли понимать друг друга без переводчика ³.

Развитие межнациональных отношений в Галиции в период утверждения дуализма вполне соответствует общим закономерностям, проявляющимся в ситуациях подобного рода, а именно в этнически разнородных провинциях империи на начальной стадии процесса политической либерализации. Как правило, начальная стадия ослабления контроля имперского центра, как это было в 1860-е годы в империи Габсбургов, застает местные политические элиты врасплох. Они вступают в этот период политически неорганизованными и неопытными. Для мобилизации необходимой массовой поддержки они обычно прибегают к мотиву угрозы. Так, в высказываниях польских политиков постоянно звучит мотив угрозы существованию польской нации как таковой в условиях разделов и антипольской политики держав, поделивших Речь Посполитую. В случае галицийских украинцев неопределенность этнической идентификации и культурной, цивилизационной ориентации, сохранявшаяся и в 60-е годы, создавала весьма нервозную обстановку в просвещенных слоях русинов и делала особенно острым их ощущение угрозы русинскому этносу как таковому. Иначе говоря, обе этнические группы, населявшие провинцию, воспринимали свое положение не просто с недовольством, но как угрожаемое, критическое.

Важно иметь в виду, что в обоих случаях значительная часть политических элит состояла не из профессиональных политиков, а из интеллектуалов, которые выполняли роль "национальных будителей". По этим причинам поведение и элит и масс характеризуется повышенной эмоциональностью. Это, в свою очередь, создает условия для накопления взаимного недоверия и неприязни у соседствующих этнических групп и значительно затрудняет попытки рационализации межнационального конфликта.

Конфигурация конфликта между доминирующей этнической группой и меньшинством в провинции империи также делает примирение труднодостижимым. Участников конфликта неизменно боль-

ше, чем два. Третим всегда выступает имперский центр. Он ограничивает конфликт и радикальность форм его проявления в той мере, в какой сохраняет эффективный контроль над правопорядком в провинции. Однако центр воспринимается как источник опасности доминирующей группой, которая стремится к расширению своих полномочий. Очевидно, что меньшинство, в свою очередь, рассматривает усиление доминирующей группы как угрозу и ищет арбитра. Доминирующая же группа смотрит на меньшинство, особенно если оно аппелирует к центру, как на "пятую колонну". Требования национальной автономии и языкового равноправия со стороны меньшинства доминирующая группа воспринимает как угрозу территориальной целостности "своей" провинции, статус которой находится в стадии изменения с неясным, как правило, исходом. Кроме того, в галицийском случае обе этнические группы тяготели к тем частям своих наций, которые оставались за границами Австро-Венгрии.

1865–1868 гг. характеризовались неуклонным ростом напряженности в польско-русинских отношениях. Предпринятая в 1869 г. либеральными политиками (Ю. Лавровский от русинов и "станьчики" от поляков) попытка достижения компромисса была без труда похоронена экстремистами обеих сторон⁴. В дальнейшем польско-украинские отношения развивались таким образом, что устранение контроля центральной власти после крушения Австро-Венгрии отзывалось в Галиции кровавыми столкновениями и этническими чистками.

Таким образом, Галиция может служить одним из примеров общего правила, заключающегося в том, что этнически разнородные провинции неизменно превращаются в арену трудно разрешаемых и рационализируемых этнических конфликтов, как только начинается процесс децентрализации и либерализации империи.

Можно сказать, что польские политические элиты на протяжении всего дуалистического периода были для Вены почти идеальным партнером. Они всегда предпочитали компромиссы и согласны были на временные решения, то есть вполне соответствовали Вене в стиле подхода к национальным проблемам. В свое время на страницах "Ежегодника по австрийской истории" велась дискуссия о том, какую роль – интегрирующую или дезинтегрирующую – играли от-

дельные народы в жизни империи⁵. Те историки, которые полагали, что монархия могла быть спасена на путях федерализации, считали, что поляки сыграли негативную роль, смирившись с дуализмом. Тезис этот основан, однако, на абстрагировании от базовой проблемы условий, необходимых для успеха федеративной реформы. На одном из первых мест среди них стоит наличие политической воли центра, в данном случае прежде всего императорского двора, к федерализации монархии. Такая воля так никогда и не была Габсбургами проявлена. Не приходится сомневаться, что если бы это случилось, поляки оказали бы ей самую искреннюю поддержку, конечно до тех пор, пока федерализация не стала бы угрожать разделом провинции. Галицкие же украинцы, со своей стороны, именно такого раздела и добивались бы еще более активно, чем в условиях дуализма. Таким образом, ситуация в Галиции была весьма удобна для Вены, пока она действовала по принципу "разделяй и властвуй". Но она же порождала серьезные трудности при попытке более глубокой децентрализации. Иными словами, гипотетическая федерализация вскрыла бы новый пласт проблем, решение которых "конвенциональными" методами, без того открытого насилия и этнических чисток, которые пережили эти земли в 1917–1920, а затем в 1939–1948 гг., выглядит, как ни больно в этом признаться, маловероятным.

Весьма часто конфигурация этнического конфликта в провинции усложняется присутствием дополнительных центров влияния за границами империи. В случае Галиции постоянным участником конфликта была Россия, которая претендовала на роль защитницы русинов и воспринималась поляками как главная внешняя угроза.

Это подводит нас к рассмотрению последнего из заявленных нами аспектов темы, а именно к вопросу о месте Галиции в международных отношениях в регионе. Эта проблема, в свою очередь, имеет два уровня. Один – собственно отношения держав, другой – их влияние на этнические группы, населявшие провинцию.

Процесс установления контроля Габсбургов над Галицией оказался таким затяжным неслучайно, поскольку Россия неизменно проявляла интерес к этим территориям на протяжении всего XIX, да и XX веков. Даже в период дуализма Вена не имела полной свободы рук в Галиции. Ярчайший тому пример – отмена визита Фран-

ца-Иосифа в Галицию в 1868 г. в результате давления Петербурга, обеспокоенного возможностью дальнейших уступок полякам. Иначе говоря, намерение австрийского императора посетить одну из провинций своей империи вызывало серьезные внешнеполитические осложнения. И в дальнейшем более сильные сообщники Австрии по разделам Речи Посполитой весьма ревниво следили за политикой Вены в Галиции⁶.

По мере того, как в политике России усиливались панславистские мотивы, и особенно после славянского съезда в Москве в 1867 г. резко анти-российские настроения галицийских поляков становятся важным козырем Вены в борьбе с панславистской пропагандой, которую Россия активно вела среди подвластных Габсбургам славянских народов. Особенно ревниво поляки относились к любым признакам усиления российского влияния на русинов Галиции, тем более что российская пропаганда среди русинов часто взвыала к антипольским чувствам⁷. В конце 1860-х гг. часть польских политиков, осознавших необратимость процесса формирования национального самосознания русинов, весьма активно поддержала, в противовес москофилам, тех русинских деятелей, которые рассматривали галицийских русинов как часть самостоятельной украинской нации. Группа галицийских консерваторов, известная как "станьчики", выступала за союз с русинами в Галиции, видя в нем шаг к союзу со всеми украинцами в борьбе против национального угнетения со стороны России. (Это был один из наиболее ранних прообразов федералистских концепций Ю. Пилсудского.)

На протяжении всего дуалистического периода поляки рассматривали Вену как потенциального союзника в борьбе с Пруссией и особенно Россией. В среде польских эмигрантов в 1860-е годы существовали планы воссоздания Польского королевства на принципах секундогенитуры Габсбургов. (Иначе говоря, восстановленный польский трон предстояло занять наследнику австрийского престола.) В 1870 г. поляки выступали за союз Австро-Венгрии с Францией против Пруссии и России. В XIX в. эти надежды не имели под собой почвы. Но позднее, по мере того как отношения между Веной и Петербургом становились все напряженнее из-за конфликта интересов на Балканах, польские политики получили определенное пространство для маневра. Именно в Австро-Венгрии были созда-

ны знаменитые легионы Пилсудского, которым предстояло сыграть важную роль в восстановлении независимости Польши.

Не станем пытаться подводить какой-то баланс итогов дуалистического периода для галицийских поляков и русинов, да и вряд ли здесь это возможно. Эта статья не затрагивает многих аспектов этой проблемы, в том числе и такого важного, как экономическое развитие. А ведь словосочетание "галицийская нищета" не случайно стало нарицательным. (Вопрос о том, в какой мере именно Вена была в этом повинна, нуждается в специальном исследовании.) Однако не подлежит сомнению, что условия для культурного развития обоих населявших Галицию народов во второй половине XIX и начале XX века были неизмеримо лучше, чем у тех поляков и украинцев, которые жили за пределами Габсбургской монархии. Во многом благодаря этому и поляки и украинцы в подавляющем большинстве оставались лояльны Габсбургам вплоть до того момента, когда поражение империи в Первой мировой войне стало очевидным.

Примечания

¹ Z dziejow odrodzenia politycznego Galicji. 1859–1873. Warszawa, 1905. S. 234–235.

² Carl v. Czoernig. Ethnographie der Oesterreichischen Monarchie. Wien, 1857. S. 77, 80.

³ Chlebowczyk J. On Small and Young Nations in Europe. Warszawa, etc. 1980, s. 26. Такое "переходное пограничье" Хлебовчик противопоставляет "стыковому пограничью", например польско-немецкому, где культура, язык и другие факторы изначально резко отделяли одну этническую группу от другой.

⁴ Подобнее см. Миллер А. Взаимоотношения польского и украинского населения в Галиции в 1860-е годы. В кн.: Нация и национальный вопрос в странах Центральной и Юго-Восточной Европы во второй половине XIX – начале XX в. М., 1991. С. 90–98.

⁵ См. Austrian History Yearbook. Vol. III. Part 1, 2. 1967.

⁶ Высказывание министра иностранных дел Кальники об этом см. в статье В. Раушера в данном томе.

⁷ О российской пропаганде среди галицийских русинов и реакции польских политиков см. Miller A. Panika Galicyjska //Przeglad Historyczny. Warszawa, 1988, № 1.

Томас Клеметчка (Австрия)

ПОПЫТКА СОГЛАШЕНИЯ ПРАВИТЕЛЬСТВА ГОГЕНВАРТА С ЧЕХАМИ В 1871 Г.

С заключением австро-венгерского соглашения (аусглайха), т.е. с установлением дуализма, внутриполитическое положение империи Габсбургов претерпело коренные изменения. Во-первых, венгры достигли своей цели – широкой национальной самостоятельности по отношению к невенгерским частям монархии, во-вторых, австрийские немцы при помощи этого разделения приобрели еще больший политический вес в той половине империи, которая стала теперь называться Цислейтанией. Суть Соглашения состояла в том, что политическая власть в Транслейтании должна будет принадлежать мадьярам, а в Цислейтании – австрийским немцам, хотя обе группы не составляли в "своих" частях монархии национального большинства. В венгерской половине империи это соглашение функционировало вполне удовлетворительно, если отвлечься от некоторых трудностей, связанных с Хорватией. В австрийской половине империи ситуация была несколько сложнее. Дело в том, что чехи, переживавшие в 1850-х годах и особенно в последующее десятилетие значительный подъем во всех областях своей национальной жизни, теперь, в конце 1860-х годов, все сильнее требовали политической эмансипации. Им виделось урегулирование, подобное тому, которого добились венгры. Политически активная чешская буржуазия была в это время настроена очень национально и либерально. Однако, в отличие от венгров, где носителем либеральных и национальных идей было дворянство, выступающее в этом отношении в согласии с буржуазией, чешское историческое дворянство было консервативным и в достаточной степени анациональным, стремящимся только к тому, чтобы сохранить свои старые фео-

дальные привилегии. Чешское дворянство, ссылаясь на идею историко-политической индивидуальности, основывало свою политическую программу на так называемом чешском государственном праве. Политическое руководство чехов, напротив, в основу своей государственно-политической концепции положило естественное право, возникшее из трезвого рационализма Просвещения, и гарантии исполнения своих стремлений видело в австрославизме¹. Претерпев уже в 1848 / 49 гг. крушение, эти идеи в эпоху неоабсолютизма еще больше теряли свое значение, не находя себе замены в других идеях и в других программах². Так, в конце 1850-х – начале 1860-х гг. чехи встретили крах старой системы совершенно неподготовленными. Поиски другой действенной программы и сильных союзников привели в начале 1860-х гг. к сближению с богемским историческим дворянством. Чешская буржуазия переняла формально политическую программу своего нового партнера – феодальное, антилиберальное сословное чешское государственное право, но по-другому понимая его содержание, видя в нем право, данное стране и нации и представляемое в разные времена различными народными слоями³. Таким образом, чешское дворянство и чешская буржуазия в чешском государственном праве нашли базис для совместных политических действий, хотя каждая из групп по-своему интерпретировала сущность этого государственного права. В подобных обстоятельствах при усилении чешской государственно-правовой оппозиции решение чешского вопроса в Цислейтании становилось все более неотложным.

Необходимость решения ощущала также корона. Когда Потоцкий после отставки централистского буржуазного министерства в начале 1870 г. возглавил правительство, в его задачу входило, помимо прочего, достижение соглашения с чехами. В поисках подходящей команды для выполнения этой задачи Потоцкий наткнулся на одного интересного человека, графа Карла Гогенварта, который в своем меморандуме в марте 1870 г.⁴ изложил предложения по преодолению современного кризиса: усиление политического влияния земельных курий, развитие земельной автономии при одновременном усилении центрального правительства, которое должно оставаться единственной исполнительной властью. Эти предложения бы-

ли направлены на усиление консервативных элементов и, соответственно, против либералов. Контакты Потоцкого с Гогенвартом относительно его вступления в правительство не привели к позитивным результатам⁵, переговоры главы правительства с чехами также не увенчались успехом⁶. Уже через несколько месяцев было ясно, что миссия Потоцкого потерпела поражение, и началась подготовка по созданию министерства, которое наконец сможет привести к единству. Параллельно с этим продолжались переговоры с чехами, в которых Потоцкий больше не участвовал, но к которым был привлечен Гогенварт⁷. В этой связи Гогенварт ознакомился с требованиями чехов, которые в общем и целом исходили из признания чешского государственного права. В этих переговорах также принимал участие другой человек, сыгравший в будущих событиях заметную роль – Альберт Шеффле, швабский экономист, преподаватель Венского университета, известный своим проектом "австрийской конституции". В ней он требовал осуществления полного равноправия австрийских национальностей, усиления земельных элементов, всеобщего избирательного права и выступал против доктринерского либерализма⁸.

В конце октября 1870 г. дела зашли так далеко, что император поручил Гогенварту и Шеффле сформировать новое правительство, главной задачей которого должно было стать соглашение с чехами. Оба политика согласились взять на себя данную миссию, но поставили условие, что образование их нового правительства будет идти в строжайшей тайне; прежде всего рейхсканцлер граф Фридрих Бойст не должен ничего знать⁹. Такое требование имело множество причин. Хотя должность рейхсканцлера не предусматривала законных прав вмешательства во внутреннюю политику (за исключением того, что рейхсканцлер должен был проводить внешнюю политику в согласии с министр-президентами Цис- и Транслейтании), в прошлом Бойст неоднократно оказывал сильное влияние на образование цислейтанского министерства. После того как Шеффле обвинил Бойста в экономических махинациях, личные отношения профессора экономики и рейхсканцлера оставались очень напряженными¹⁰. Более весомыми были также и ожидаемые политические разногласия. Бойст, в значительной степени причастный к созданию австро-венгерского аугляйха, долгое время как министр иностран-

ных дел представлял "политику реванша", которую Австрия после 1866 г. проводила по отношению к Пруссии. Стремящиеся с некоторых пор к проведению самостоятельной внешней политики чехи, оставаясь верными тезису Палацкого, что их естественным врагом являются немцы, были настроены дружественно к России и Франции и враждебно к Германии. До тех пор пока австрийская внешняя политика шла в русле антигерманского курса, поведение чехов соответствовало планам Бойста. Но после франко-прусской войны 1870 г. ситуация изменилась. Как реальный политик, Бойст одним из первых признал, что австрийская внешняя политика нуждается в коррективах, и выступил за то, чтобы в отношении Пруссии изменить ее на 180 градусов. Это означало, что после создания Германской империи он будет искать сближения со своим старым противником. Министерство, обещавшее чехам политическую эмансипацию внутри страны, неизбежно должно было бы предоставить им и определенное влияние на внешнюю политику. В этом и состояла суть проблемы. Во внешней политике дружественная Германии Австрия не могла предоставить внутри страны право голоса антигермански настроенным чехам. Первые признаки запограммированного конфликта уже давали о себе знать. Когда чехи 8 декабря 1870 г. обратились к Бойсту с меморандумом в защиту Франции, то встретили резкий отпор рейхсканцлера¹¹.

К этому прибавился еще и польский вопрос. Если в Цислейтании будет образовано министерство, которое попытается прийти к согласию со всеми национальностями этой половины империи, то оно должно будет пойти на уступки и по отношению к Польше, которые усилият ее положение внутри империи. Это в свою очередь могло оказать воздействие на поляков, проживающих в Пруссии, которые подвергались существенно более реструктивной национальной политике, чем их собратья в Австрии, и этим вызвать протесты прусского правительства. С точки зрения задуманного Бойстом сближения с Прусско-Германией создание федералистского министерства было непродуктивно.

Опубликование венскими газетами 7 февраля 1871 г. известия о создании министерства вызвало всеобщее изумление. Но изумление длилось недолго, и наступила первая реакция. Немецкие либералы с самого начала отклонили его как реакционное, клерикаль-

ное и федералистское¹². Консерваторы встретили его значительно благосклоннее¹³. Венгры предварительно вели себя сдержанно¹⁴. Чехи выжидали¹⁵. Германская империя официально проявляла сдержанность, неофициально выразила опасения, что новое правительство будет антирусским¹⁶.

Таким образом, прежде чем непосредственно приступить к своей задаче – достижению аусгляйха с чехами, Гогенварт, чтобы запустить государственный механизм, должен был преодолеть сопротивление доминирующих в рейсрате либералов. Конкретно речь шла прежде всего о принятии бюджета и одобрении закона о рекрутах. К тому же Гогенварт пustился на федералистские эксперименты: во-первых, правительственный проект о расширении автономии сеймов, который вел к значительному ограничению центральной власти и который – как можно было предугадать – разумеется, был отклонен парламентом¹⁷. Потом проект о расширении автономии исторических областей Галиции и Лодомерии с великим герцогством Krakовским. В этой связи целый ряд дел, как например торговая и промышленная палаты, банковская и прежде всего школьная системы, изымались из компетенции рейхстага и передавались сейму Галиции. Этот проект имел хорошие перспективы быть принятим парламентом. Федералисты могли быть этим довольны, а что касается централистски настроенной либеральной Конституционной партии, то вследствие связанной с этим возможной нейтрализации поляков, проект во всяком случае вписывался в их концепцию. Когда же Гогенварт, отвечая на запрос, заявил, что подобные уступки должны быть сделаны и в отношении чехов, поднялась волна возмущения¹⁸. Конституционная партия обратилась к императору с адресом, который был равнозначен выражению недоверия правительству. Однако император выразил свое полное доверие Гогенварту¹⁹. Этим сопротивление либерального блока было сломлено. Правительство провело бюджет, созвало Делегации и от имени императора распустило рейхсрат.

Параллельно с борьбой в рейхсрате правительство вело принимавшие все более конкретные формы переговоры с чехами. Из своей поездки в середине мая в Прагу Шеффле привез в Вену детальные требования чешской государственно-правовой оппозиции;

они сводились к признанию чешского государственного права со всеми вытекающими последствиями²⁰. В конце этого же месяца чешские лидеры Ригер и Палацкий прибыли в Вену и принципиально договорились с министерством об аусгляйхе на основе упомянутых требований²¹. Переговоры продлились до 21 августа; потом был выработан *modus procedendi*: император должен был направить чешскому сейму после его открытия реескрипт, в котором он признал бы права этого королевства и выразил желание закрепить их в коронной присяге, однако только при условии, что это не нарушит конституционный закон 26 февраля 1861 г. и права другой части империи. В этой связи чехи должны будут вернуться в рейхсрят и восстановить в нем согласие. Одновременно должен быть принят во внимание новый порядок выборов в сейм и закон о защите обеих национальностей страны. Чешский сейм в обращении к императору должен был обещать при сохранении всех условий, вытекающих из чешского государственного права, выполнять свои обязанности. К этому адресу также должны были прилагаться фундаментальные статьи. Фундаментальные статьи представляли собой во многих пунктах изложение политических требований чехов. Основу этих требований составляло чешское государственное право, а отдельные пункты должны были регулировать отношения независимого чешского государства со всей империей. Монарх в свою очередь должен был издать высочайшее послание, которое составило бы основу королевской присяги. На адрес сейма император должен был ответить новым реескриптом, в котором было бы зафиксировано, что государственно-правовое устройство Чехии будет принято обеими палатами в парламенте на основе фундаментальных статей после вступления чехов в парламент и заключения соглашения²².

Для того, чтобы двигаться по намеченному пути, правительство Гогенварта нуждалось в федералистском большинстве в парламенте, которого во время окончания переговоров с чехами не было. Правда, либеральные, верные конституции сеймы (Нижняя и Верхняя Австрия, Зальцбург, Штирия, Каринтия, Моравия, Силезия и Тироль) императорским патентом 11 августа были распущены, и были назначены новые выборы. Последующая избирательная кампания была бурной и даже ожесточенной. При помощи ряда администра-

тивно-технических мероприятий, предпринятых правительством в пользу консервативных элементов, и благодаря прямому вмешательству высших сфер, в частности самого императора, дело закончилось победой консервативной партии, выступающей за аугляйх. Это был первый и единственный раз в истории Цислейтании, когда в венском рейхсрате необходимые две трети большинства голосовали за решительное и законное изменение конституции²¹.

Как же другие политически значимые группировки Дунайской монархии относились к возможному аугляйху с чехами? О резком протесте немецких либералов речь уже шла. Консерваторы, которые приветствовали федералистское решение, поддерживали акцию аугляйха. Венгры, формально не связанные с внутренней политикой Цислейтании, все же испытывали живейший интерес к событиям в другой половине империи. Их политика основывалась на Соглашении 1867 г. и они не желали ни при каких обстоятельствах допускать изменение этой конструкции. Соглашение с чехами на основе признания чешского государственного права, которое *de facto* вырывало Чехию из австрийской половины империи, изменило бы не только государственную структуру Цислейтании, но и всей империи. Дуализм превратился бы в триализм. Этого нельзя было допустить. Кроме того, венгры опасались, что политическая эманципация чехов несомненно станет сигналом для невенгерских национальностей в их собственной половине империи. Хотя общественность еще не знала деталей чешского аугляйха, венгры с самого начала предостерегали против каких бы то ни было изменений в политической структуре монархии. Даже Бойст не знал точно, какие соглашения с чехами заключило правительство. Но он знал, что в его концепцию не укладывается усиление влияния антигермански настроенных чехов на внешнюю политику. Рейхсканцлер между тем последовательно проводил политику на сближение с Германией. 18 мая 1871 г. он представил императору меморандум, в котором он писал о необходимости основательного изменения австрийской внешней политики: после создания Германской империи, фактическое преобладание Средней Европы, как он это называл, посредством сотрудничества с Германией становится необходимым. Он указывал на основное противоречие между "антигерманской" внутренней и "прогерманской" внешней политикой монархии Габсбургов²⁴.

В Германской империи со смешанными чувствами наблюдали за развитием событий в Австрии. На попытки Бойста к сближению Бисмарк реагировал нерешительно, но в общем позитивно. Конечно, он был несколько раздражен деятельностью кабинета Гогенварта. Немецкий рейхсканцлер не исключал возможности сотрудничества с Дунайской монархией. В качестве союзника ему была нужна консолидированная и по возможности управляемая централистами Австро-Венгрия. Признание чешского государственного права превращало и без того уже трудно управляемый дуализм в триализм и делало руководство, а также и стабильность австрийской внешней политики еще более сложным и неустойчивым. 7 июня 1871 г. по поручению Бисмарка советник германского посольства граф Хатцфельд во время тайной аудиенции передал Францу Иосифу "дружескую ноту", которая настоятельно предостерегала против "атомизации Австрии"²⁵. Когда кайзер Вильгельм в знак хорошо развивающихся добрососедских отношений возобновил прерванные в 1866 г. водолечения в Австрии и встретился с Францем Иосифом, он предостерегал его, что Австрия должна заботиться о своих немецких подданных, чтобы они "не обратили свои взоры из Австрии на Германию"²⁶.

Между тем, акция аусгляйха вступила в решающую стадию. Согласно результатам переговоров в день открытия чешского сейма, 14 сентября, ему был зачитан императорский рескрипт, в котором чешскому сейму предлагалось послать своих представителей в рейхсрят при одновременном признании чешского государственного права²⁷. В результате немецкие представители отказались участвовать в работе чешского сейма. Чехи разработали адрес к императору и приложили к тексту документа фундаментальные статьи. 7 октября оба документа были опубликованы. В лагере немецких либералов поднялся шум негодования, который нашел свое выражение в прессе²⁸. Бойст открыто начал искать союзников для совместных действий против аусгляйха. Так же из Германии пришли свидетельства, ясно дававшие понять, что эта политика аусгляйха не соответствует духу австро-германского сближения. Когда во время одного инцидента 9 октября в зале университета Бойст ос-

корбил Шеффле, Гогенварт потребовал от императора принципиального решения: или он, или Бойст²⁹. Кризис достиг своей наивысшей точки. Франц Иосиф сделал то, чего он не делал ни до этого, ни после этого – он прервал охоту и 14 октября вернулся в Вену. Помощью целого ряда аудиенций и заседаний как общего, так и цислейтанского министерства он попытался достичь компромисса. Конкретно при этом речь шла только о тексте императорского рескрипта на адрес чешского сейма. Обе стороны – цислейтанское правительство и общий совет министров, в который был включен также вызванный в Вену венгерский министр-президент – предложили свои собственные проекты, которые отличались друг от друга в одном существенном пункте, а именно в признании чешского государственного права. 22 октября дело продвинулось: император решился в пользу проекта рескрипта, выдвинутого общим министерством³⁰. 26 октября правительство Гогенварта подало в отставку³¹, в новых условиях чехи отказались послать своих представителей в рейхstag – акция аусгляйха провалилась.

Провал имел много причин. Главная состояла в том, что немецкие либералы выступали против попытки аусгляйха. Федералистское решение национальной проблемы лишало их преимущественного положения – прежде всего в Чехии. Связь федералистской идеи с консервативными элементами заставляла их бояться за либерально-демократические достижения. Венгры ясно понимали, что национально-политическая эманципация негерманских народных групп в Цислейтании не может не оказать влияния на их сферу господства. И подобное воздействие они хотели и могли не допустить. Напротив, Бойст, который стремился радикально изменить внешнюю политику монархии Габсбургов и искал сближения с Прусско-Германией, в ослаблении центральной власти и в антигерманских действиях чехов видел серьезную опасность для данной политики. Наконец, Германия, что полностью соответствовало новой политике Бойста, нуждалась в сильном, внутренне крепком партнере, что обеспечивалось руководством австрийских немцев в Цислейтании. Сочетание всех этих элементов привело к краху чешских попыток аусгляйха. Чехи были вынуждены вновь вернуться к обструкционистской политике, которая продолжалась почти десятилетие. Во врем-

мя этого десятилетия либерального правления в австрийской половине империи национальные фронты ожесточились, что сделало позднейшие попытки решения национальной проблемы несравненно более сложными. Хороший шанс был упущен.

Примечания

- 1 Červinka F. Český nationalismus v XIX století. Praha, 1965. S. 54.
- 2 Об эпохе неоабсолютизма в чешских землях см.: Urban O. Ceská společnost. Praha, 1982. S. 123–134.
- 3 Urfus V. Český státoprávní program na rozhraní let 1860/61 a jeho ideové slozky//Právněhistorické studie. № 8. 1962. S. 127.
- 4 Allgemeines Verwaltungsarchiv Wien (AVA), Nachlass Hohenwart. Katron 13. Fasc. 1. S. 11 ff.
- 5 Ibid. Fasc. 1, 11 и № 78.
- 6 Paměti a listy Dra. Aloise Prazáka/Hrsg. . von F. Kameníček. Bd. 1 Praha, 1926. S. 59.
- 7 Cp.: Schäffle A.E.F. Aus meinem Leeben. Bd. 1. Berlin, 1905. S. 193; Zeithammer A.O. Zur Geschichte der böhmischen Ausgleichsversuche. Bd. 1. Prag, 1912. S. 127.
- 8 Schäffle. Op. cit. Bd. 1. S. 202–206.
- 9 Ibid. S. 208.
- 10 Ibid. S. 161.
- 11 Odložilík O. Russia and National Aspirations //Journal of Central European Affairs. № 22. 1962/63. P. 4254; Srb A. Politické dějiny národa českého. Bd. 1. Praha, 1899. S. 317–320.
- 12 См.: "Neue Freie Presse". 8.II и 9.II.1871.
- 13 См.: "Vaterland". 8.II и 9.II. 1871.
- 14 См.: "Pester Lloyd". 8.II.1871; Srb A. Op. cit. S. 371.
- 15 См.: "Narodni listy". 8.II.1871 и "Politik" 9.II.1871.
- 16 См.: "Norddeutsche Allgemeine Zeitung". 15.II.1871 и "Nationalzeitung". 15.II.1871.
- 17 О внесении проекта см.: Klomer G. Parlament und Verfassung in Österreich. Bd. 2. S. 130. Об отклонении см.: Sten. Prot. des Abgeordnetenhauses 1870/71. Bd. 2. S. 684.

- 18 Parlamentsarchiv, Protokolle des Verfassungsschusses, 6. Session, 6. Sitzung, Protokoll. 10.V.1871; Klomer G. Op. cit. Bd. 2. S. 137.
- 19 Sten. Prot. des Abgeordnetenhauses 1870/71. Bd. 2. S. 852.
- 20 Памятная записка Шеффле от 18.05.1871: AVA. Nachlass Hohenwart. Karon 13. Fasc. 1. Beilagen № 89.
- 21 Cp.: Zeithammer A.O. Op. cit. Bd. 2. S. 12.
- 22 Kletecka Th. Der Ausgleichsversuch Ausgleichsversuch des Ministeriums Hohenwart-Schaffle mit Bohmen im Jahre 1871. Diss. Wien. S. 127–134.
- 23 Ibid. S. 203–211.
- 24 Lutz H. Zur Wende der österreichisch-ungarischen Aussenpolitik 1870. Die Denkschrift des Grafen Beust für Kaiser Franz Joseph vom 18 Mai // Mitteilungen des Österreichischen Staatsarchivs. Bd. 25. 1972. S. 160–184.
- 25 Kletečka Th. Op. cit. S. 172–177.
- 26 Politisches Archiv des Auswärtigen Amtes Bonn, I.A.A. 1, 60. Bd. 2. A 3627. Resumée der Äusserungen des Kaiser von Österreich gegen Se. Majestät auf der Fahrt von Wels nach Ischl am 11 August 1871. Nach Angaben Se. Majestat.
- 27 Kazbunda K. Polusy rakouské vlády a české vyrovnaní // Český Casopis Historický. № 27. 1921. S. 365.
- 28 См.: "Salzburger Anzeiger" от 14.IX.1871; "Neue Freie Presse". 16.IX.1871; Schultheiss Europäischer Kalender, 1871. S. 294.
- 29 Beust F. Aus drei Viertel-Jahrhunderten. Bd. 2. Stuttgart, 1887. S. 511f; Haus-, Hof- und Staatsarchiv Wien, K.A.G.A. Karon 17. S. 35.
- 30 Kletečka Th. Op. cit. S. 257–288.
- 31 Копию прошения об отставке см.: AVA, Ministerratprotokolle 1871. Karon 41; см. также там же: Nachlass Hohenwart. Karon 13. Fasc. 1. S. 20ff.

ВЕНА И САРАЕВО: АВСТРО-ВЕНГЕРСКАЯ ПОЛИТИКА ПО ОТНОШЕНИЮ К БОСНИЙСКИМ МУСУЛЬМАНАМ

В 1910 году в "Политическом журнале" появилась статья об "Австро-Венгерской администрации и экономической политике в Боснии и Герцеговине". В ней приводился перечень вопросов и проблем, с которыми столкнулась Вена с момента оккупации Боснии и Герцеговины в 1878 году. Одной из важнейших была названа проблема конфессий. Автор статьи утверждал следующее:

"Она представляет для страны приблизительно то же, что польский вопрос для наших восточных границ или вопрос коренных жителей для колоний, т.е. это вопрос принципа, следуя которому колонизирующее государство собирается относиться к местному населению и его особенностям"¹.

Эта короткая цитата касается принципиальных вопросов, с которыми столкнулась Австро-Венгрия после получения оккупационного мандата в 1878 году: прежде всего того обстоятельства, что под господство Габсбургов попала многочисленная, насчитывающая сотни тысяч человек, мусульманская часть населения. Каковы же были те конфессиональные особенности, которые отныне следовало учитывать австро-венгерским служащим и жандармам, учителям и врачам при общении с мусульманской частью населения страны? Таким образом могли отсталые по своей экономике и инфраструктуре местности влиться в государственную систему Дунайской монархии?

В данном случае нас в меньшей мере интересуют узловые моменты административной и экономической истории Боснии и Герцеговины.

С моей точки зрения, в центре внимания должен стоять вопрос о том, какие специфические требования в общении с "исламом под двуглавым орлом" вставали перед Веной, которая в результате османской экспансии на Балканах столкнулась с населением южнославянского происхождения, перешедшим в ислам, что привело к созданию уникальных региональных структур и культурного многообразия².

Что в принципе значила для мусульман ситуация, при которой они были вынуждены внезапно оказаться из-за изменившейся политической ситуации в неисламском государстве, под неисламским господством?

Исламское право – если вслед за Позефом Шахтом говорить о наиболее типичном, вероятно, проявлении исламского "образа жизни" – не давало и не дает на этот вопрос никаких вполне удовлетворительных ответов. В рамках шариатного права существует целый ряд законоуложений, посвященных тому, как следует вести и заканчивать войну, как обращаться с покоренными территориями и их немусульманским населением. Они являются результатом сложных и неоднозначных исторических процессов и традиций. Но как должны вести себя мусульмане, чья родина на неопределенное время попала под немусульманское господство, – на этот счет не существовало и не существует никакого определенного руководства. Однако уже в XIX веке в Османской империи были некоторые сферы деятельности (среди них, например, торговля и экспортное хозяйство), которые регулировались помимо шариатного права отдельными государственными законами. Здесь можно упомянуть составленную между 1860 и 1880 гг. османскую Книгу гражданских законов "Мечелле", которая, правда, регулировала лишь имущественное и связанное с долговыми обязательствами право. Те области права, которые касаются брака, семьи и наследства, должны были – как оговаривалось во введении к "Мечелле" – рассматриваться на основе исламского права³.

Существенные территориальные изменения, последовавшие за Берлинским Конгрессом 1878 года, поставили перед оказавшимися в новых государственных границах мусульманами, как и перед всей дипломатией того времени – "концертом держав" – вопрос о том, как следует обращаться с мусульманами на территориях, оказав-

шихся под христианским господством. Для мусульманского населения необходимость постоянно проживать в неисламском государстве означала совершенно новую ситуацию. До этого мусульмане в подобных случаях добровольно или принудительно покидали свое бывшее отчество, предпочитая переселение в Османскую империю жизни под новыми христианскими властями, поскольку – как я уже отмечала – существование в неисламском государстве виделось им сомнительным, а иногда и немыслимым.

Переход власти в Боснии к австрийской администрации в 1878 г. означал некую цензуру в жизни мусульманского населения страны. *Австрийские органы власти, со своей стороны, столкнулись с абсолютно неизвестной им правовой системой – исламским правом – основное содержание которого следовало как можно скорее перевести на немецкий язык.* Необходимо было возможно скорее осуществить уподобление всех областей права к действующей в монархии юрисдикции, но в отношении мусульман возникли сложности.

Ислам как "Проект общественного порядка" и в своем значении "Бытия вечной, данной Богом и независимой от человеческой воли системы правил, определяющей необходимое устройство общества" лишил боснийских мусульман возможности провести строгое разделение между государством и религией. Тем самым, даже административные акты или реформы, явно не касающиеся конфессиональных проблем, приобретали для мусульман религиозный оттенок. Об этом говорит выдержка из "Донесения об административном управлении Боснии и Герцеговины" от 1906 года:

"Согласно постановлениям Берлинского Конгресса, повлекшим за собой территориальные изменения на Балканском полуострове, значительная часть мусульманского населения переселилась из Болгарии, Восточной Румелии, Фессалии, а в последнее время также с Крита*. Подобная массовая эмиграция не произошла лишь в Боснии и Герцеговине. Вместе с тем, имели место небольшие по масштабам повторные эмиграции, следствием которых было значительное ослабление исламского элемента в стране. Причиной тому была, как уже упоминалось ранее, реакция населения на введение реформ чисто административного характера, которые, хотя и не имели ничего

*Имеется в виду переселение в Османскую империю. – Ред.

общего с религиозными вопросами, первоначально понимались и оценивались неправильно: сказалось влияние лозунгов, распространявшихся оппозицией против реформ либо по спекулятивным соображениям"⁴.

Уже на первом этапе австрийского владычества было установлено, что религиозные принципы и "старинные религиозные воззрения населения" будут "надлежащим образом" учтены. Это означало, что в отношении мусульман должны были быть учреждены суды шариата по делам, связанным с брачным и семейным правом⁵.

"Под вниманием к магометанскому фактору подразумевались прежде всего организация переводческих служб в органах власти и сохранение церковной юрисдикции в семейном и наследственном праве магометан"⁶.

Именно установление брачного и семейного права определяет специфику правовой системы монархии. В декабре 1881 года в Вене было проведено заседание комиссии, состоявшей из представителей юридической администрации Боснии и Герцеговины, а также Австрии и Венгрии. Было пересмотрено действующее законоуложение, предложены или проведены необходимые реформы. Брачное, семейное и наследственное право были приведены в соответствие как с принципами ханефитического юридического труда "Мультака-аль-абхур", состоящего из 57 книг, так и важнейших правовых актов "фатвы". Эти законоуложения были составлены делегатом от земельного правительства и шариатским судьей и изданы земельным правительством Сараева в Вене в 1883 году под названием "Брачное, семейное и наследственное право магометан согласно ханефитическому ритуалу". В статье 27 этого труда, оформленного в виде справочника, говорилось и о полигамии, но надо иметь в виду, что в Боснии полигамия была не слишком распространена. Согласно переписи населения от 10.10.1910, лишь в округе Бихач был зарегистрирован один брак с четырьмя женами и 22 брака с тремя женами; наиболее часто встречались браки с двумя женами. Что касается расторжения брака, то муж мог удалить супругу "с соблюдением известных формальностей", при этом разведенная женщина имела возможность заявить юридически ограниченные имущественные претензии⁷. В том, что касается гражданского права, следует отметить, что продолжали существовать шариатские су-

ды – как религиозные судебные инстанции. Круг их задач определялся специальными законами; они были действительными для "братьев по вере" в вопросах брака, но не в имущественных. Сохранившиеся "с учетом религиозных нравов и обычаяв населения" шариатские суды постепенно встраивались в общую систему судов; 1-го сентября 1883 года в Боснии вступил в силу новый "Гражданский процессуальный кодекс"⁸.

Таким образом, шариатская юрисдикция сохранялась. В то же время, в борьбе за церковную автономию мусульмане добились успеха 1 мая 1909 года, когда статус автономии вступил в силу. До 1878 г. церковные дела боснийских мусульман решались частично общинами, частично с помощью отдельных функционеров и лишь до некоторой степени централизовано в Стамбуле – таким образом, у боснийских мусульман центральной религиозной власти в стране не было. "Императорским постановлением" от 17 февраля 1910 года Боснии был предоставлен статус земли. Тем самым должно было быть осуществлено "намерение, заявленное монархом при аннексии 5 октября 1908 года", предоставить боснийскому населению "конституционные учреждения" для "полного законного обеспечения его правового состояния и удовлетворительного регулирования его внутренних дел". 15 июля 1912 года последовало наконец "признание приверженцев ислама в качестве религиозной общины", при этом признание ограничивалось первоначально признанием хаджитов – одной из четырех правовых школ ислама, к которым причислялись мусульмане монархии.

Каковы же итоги австро-венгерского господства в Боснии и Герцеговине?

Всегда подчеркивалось, что в других, доныне турецких, областях вне Австро-Венгрии ислам представляет собой в лучшем случае "терпимое вероисповедание"; напротив, в Боснии как гражданская, так и военная администрация уделяла исламу большое внимание. В заключение следует отметить, что королевское и императорское законодательство в Боснии осталось в силе и после 1918 года. В юридической практике применялись прецеденты из королевских и императорских времен. Конституция Югославии в 1931 году (статья 100), как и утвержденный уже в 1929 году закон о шариатском суде, разрешали мусульманам регулировать вопросы брака и наследства согласно шариатскому праву.

Один из лучших знатоков истории и культуры Боснии, Смайл Балич, оценивая положение мусульман после 1918 года пришел к следующему выводу:

"В то время как под властью Австро-Венгрии мусульмане по меньшей мере могли извлекать выгоду из правительственной системы правового государства, во вновь возникшем и воспринимавшем себя как национальное образование государстве они должны были мириться с положением граждан второго сорта⁹".

Примечания

¹ Walther C. Österreich-Ungarns Verwaltung und Wirtschaftspolitik in Bosnien und der Herzegowina. // Zeitschrift für Politik, Bd. III (1910), S. 147.

² "Ситуация, сложившаяся в Боснии и Герцеговине в результате турецкого завоевания, была уникальна на Балканах. Правящими землевладельцами были в основном принявшие ислам славяне, известные как беги и ага. Этот класс был консервативнее, нежели сами турки. Его представители были связаны с центральной властью в Константинополе. Некоторые черты ислама существовали в Боснии и Герцеговине дольше, чем в Анатолии, откуда произошли". Lockwood W. Bosnian // Weekes R.V. (Ed.) Muslim Peoples. A World Ethnographic Survey. Westport, Conn, 1978, P. 112–113.

³ Kornrumpf H.-J. Scheriat und christlicher Staat. Die Muslime in Bosnien und in den europäischen Nachfolgestaaten des Osmanischen Reiches // Saeculum, Heft 1/1984, S. 23; Dilger K. Tendenzen der Rechtsentwicklung im islamischen Orient // Die Welt des Islam zwischen Tradition und Fortschritt. Zeitschrift für Kulturaustausch, 35. Jg. (1985), 4 Vj., Teil II, S. 433.

⁴ Bericht über die Verwaltung von Bosnien und der Hercegovina. Herausgegeben vom k.u.k. Gemeinsamen Finanzministerium. Wien, 1889, S. 133.

⁵ Eichler E. Das Justizwesen Bosniens und der Hercegovina. Wien, 1889, S. 133.

⁶ Szlávy, J. von Zur Orientierung über den gegenwärtigen Stand der bosnischen Verwaltung. Wien, 1881, S. 4.

- 7 Schmid F. Bosnien und die Hercegovina unter der Verwaltung Österreich-Ungarns. Leipzig, 1914, S. 138–139.
- 8 Civil-Process-Ordnung für Bosnien und die Hercegovina. Wien, 1883, S. 3–5; Schmid, Bosnien, S. 128–129.
- 9 Balic S. Das unbekannte Bosnien. Europas Brücke zur islamischen Welt. Köln; Weimar; Wien, 1992, S. 5.

С.А. Романенко (Россия)

АВСТРО-ВЕНГРИЯ ИЛИ ЮГОСЛАВИЯ?

Кровавый распад Югославии – результат всей европейской истории, ее следствие и один из факторов, определяющих будущее континента. Из-за войны, начавшейся с австро-сербского конфликта, прекратила существование Австро-Венгрия во главе с австронемецкой династией Габсбургов и возникло на фундаменте сербской монархии Карагеоргиевичей совместное независимое государство югославян, которое рухнуло и возродилось в результате новой мировой войны, сопровождавшейся взаимоистребительной борьбой югославянских народов между собой. И новый распад Югославии в конце 20 в. привел населявшие ее народы к междуусобной войне, грозящей превратиться в мировую.

Как связаны между собой существование и исчезновение этих государств с войнами, в которые втягиваются многие страны? Почему кризисы на Балканах приводили к мировым войнам? Являются ли распады Югославии – в 1941 и 1992 гг. – продолжением распада Австро-Венгрии, или это историческое возмездие югославистам за их деятельность против государства Габсбургов?

Дискуссии о направленности и содержании национальной идеологии, о соотношении общеюгославянского и национального сознания каждого народа, о федерализме и унитаризме, о роли монархии Габсбургов в развитии хорватской и словенской наций и сербского государства, о хорватско-сербских отношениях и самой исторической легитимности государства начались в Югославии чуть ли не с момента ее создания в 1918 г. и продолжились после воссоздания в 1945 г.

Отношение к монархии Габсбургов было существеннейшим элементом национального исторического сознания сербов, хорватов и

словенцев во все периоды существования Югославии. Оценка роли Австро-Венгрии была важна для национального – исторического и политического – сознания этих народов и как обоснование легитимности требований национальных движений, и как обоснование традиций, культуры, психологии, образа жизни, своего места в истории Европы. Она была резко негативной во всей сербской историографии и публистике и доходила до апологии у хорватских и словенских интеллектуалов. Да и в массовом национальном историческом сознании монархия Габсбургов, особенно в последние годы существования Югославии, ассоциировалась с большей степенью национальной свободы, с возможностью мирного разрешения проблем в отношениях между народами многонационального (полиэтнического) государства.

Австро-Венгрия распалась в результате процессов национального самоопределения, неспособности центральных властей к реформированию и децентрализации, первой мировой войны и поражения в ней. Югославия в первый раз распалась в результате военного поражения, обусловленного внутренней слабостью централистского полиэтнического государства, во второй – продолжения процессов национального самоопределения, совпадения в один исторический момент четырех кризисов – коммунистической экономики и идеологии, этнотерриториальной федерации, тоталитарной политической системы и югославизма – одной из региональных разновидностей "славянской идеи", а также окончания раздела мира на два противостоящих лагеря, в котором Югославия играла роль "буфера" и посредника, в чьей стабильности были заинтересованы все стороны. Какой же фактор оказался решающим в развале этих государств и в создании и в воссоздании Югославии – внешний или внутренний, экономические, политические или этнические процессы?

События, свидетелями которых мы являемся – это результат процесса национального самоопределения югославянских народов и их соседей, но это также и проблема европейской политики и дипломатии, итог двух мировых и двух Балканских войн, многочисленных перекроек карт Балкан, сделанных "великими державами" в 19–20 вв.

Одна из главных причин развала государства Габсбургов состояла в том, что это полигэтническое и многонациональное государственное образование не выдержало процесса модернизации. Развал Югославии обусловлен среди прочего и тем, что эта этно-территориальная федерация не выдержала перехода от коммунизма к рыночной экономике, гражданскому обществу и демократии. Означает ли это, что прав был Карл Каутский, считавший, что "пестрые в национальном отношении государства являются "всегда государствами, внутреннее сложение которых по тем или иным причинам осталось ненормальным или недоразвитым (отсталым)", что такие государства не соответствуют требованиям капитализма?¹,

На первый взгляд, королевская, а затем и "титовская" Югославия победили государство Габсбургов, хотя даже в свое время многие считали их нежизнеспособной альтернативой. История же стократически поштутила — ныне Австро-Венгрия часто видится как альтернатива Югославии, ничего кроме конфликтов и страданий не принесшей прежде всего самим югославянским народам. Ибо ни одна из проблем, приведших к развалу государства Габсбургов, в Югославии, так и не была решена. В первую очередь, это относится к проблеме национального самоопределения и сохранения целостности государства.

Борьба центробежной и центростремительной тенденций присуща любому многонациональному и полигэтническому государству независимо от социально-экономического строя и политического устройства. Эта борьба обусловлена самой природой этнической общности, стремящейся к самоопределению, на каждом витке своей истории — в новой форме. Центробежная тенденция может быть смягчена только максимальной демократизацией в полигэтническом государстве. А усиление авторитарных и централистских тенденций, нарушение нормального развития общегосударственного рынка и нарастание сопротивления неполноправных народов в условиях войны, военного поражения или чрезмерно милитаризованной экономики ведет к утрате широкой полигэтнической социальной базы государства, к его развалу. Вместе с тем, этническая общность не может быть субъектом государственного права, не в состоянии составить

фундамент государства, что лишь полизтическое гражданское общество может составить его прочный фундамент. Центробежные тенденции могут быть смягчены только максимальной демократизацией. Опыт показывает также, что развитие полизтических и многонациональных государств с этнически родственным составом населения подчиняется тем же закономерностям, что и подобных государств, в которые входят этнически далекие друг от друга народы².

Однако сама по себе постановка вопроса о национальном самоопределении в многонациональном государстве носит объективный характер и вовсе не тождественна ни требованию выхода каждого отдельно взятого народа из этого государства, ни стремлению к его развалу. Программы политических партий неполноправных народов Австро-Венгрии свидетельствуют об их поддержке сохранения целостности государства при проведении широких социально-политических и национально-государственных реформ. В 1900–1910 гг. существовало несколько возможных вариантов исторического развития полизтического и многонационального государства Габсбургов – в области социальной, политической, национально-государственной и национально-территориальной.

Выдвигавшиеся проекты реформ были объективным отражением реальных тенденций в жизни государства. Проекты федеративного и конфедеративного переустройства не были тождественны требованию полного государственного отделения. Как сто лет назад власть имущие не принимали проекты федерации, так и в конце 80–начале 90-х годов 20 в. коммунистические правители шарахались от слова "конфедерация", не сумев понять, что именно осуществление этих проектов в конкретных исторических условиях позволило бы народам добровольно, мирно и на взаимовыгодных началах сосуществовать в едином государстве в переходный период определения своей дальнейшей судьбы, для мирного самоопределения. Каждый народ искал свои пути обретения самоопределения и его формы. Это длительный процесс, не завершенный и сегодня, а не только политический лозунг или правовой принцип. Его не возможно достичь в результате единовременного политикореволюционного акта.

Неизбежно ли югославизм вел к распаду Австро-Венгрии? Был ли он для югославянских народов единственной альтернативой существовавшему до первой мировой войны положению вещей? Действительно ли югославянский вопрос был главной причиной развала монархии?

Австрославизм опирался на противопоставление славян всем остальным народам этого государства. В его основе лежало чувство неполноправия славянских народов, этническое родство, общность происхождения, близость культур и языков. Но признавая за каждым славянским народом безусловное право на суверенитет и этническую индивидуальность, австрослависты не воспринимали славян монархии Габсбургов как полизтическую общность, которая должна стать единым субъектом государственного права в монархии. Австрославистские тенденции совпадали по направленности с интеграционными процессами в государстве, отражали возможность развития этнических и политических процессов самоопределения без разрушения государства Габсбургов, но при проведении реформ. Совпадали они и с социальной тенденцией преобразования государства³.

Основой югославизма было этническое родство народов. Его идеи проявлялись в исторической, государственно-правовой, политической, культурной формах сознания. Югославизм в основном существовал как политическое течение на уровне идеологии, не имея глубоких корней в психологии каждого народа. Лишь некоторые его элементы совпадали с тенденцией к самоопределению, к сохранению этнической индивидуальности.

Югославизму во всех его формах были присущи отрицание политической индивидуальности каждой славянской этнической общности, отказ от права на самоопределение каждого славянского народа, признание преобладания прав этнической общности перед индивидуумом и права межэтнической общности перед правом отдельного этноса. С другой стороны, он противостоял государственной идеи и правовой практике государства Габсбургов. В перспективе он вел к конфликтам, не мог служить реальной и долговременной альтернативой идеи монархии. Он противоречил внутри- и межэтническим

ческим интерграционным процессам, способствовал партикуляризму, изоляции более отсталых областей. Национальное и этническое единство нескольких народов было иллюзией, так же как и попытка примирить противоречия между ними путем их объединения в одно государство.

Концепция единства югославянских народов, прежде всего сербов и хорватов, которая и легла в основу создания в 1918 г. после Первой мировой войны нового государства – Королевства сербов, хорватов и словенцев (с 1929 г. – королевства Югославия) – получила относительно широкое распространение во второй половине 19 – начале 20 вв. Хотя и тогда были периоды подъема ее популярности и спада, когда она уступала место узкому национализму, как хорватскому, так и сербскому. В югославянских землях Австро-Венгрии – Хорватии, Славонии, Далмации, Истрии, Риеке – идеи югославизма разделяли представители разных политических партий и идейных течений – от либералов до социал-демократов. Каждое из них по-своему трактовало эту теорию. Естественно, существовали и областные, и национальные различия в подходе к югославизму (напр. хорваты Хорватии и Далмации, сербы в независимой Сербии и сербы в Хорватии и т.д.). Идея считать два народа единой нацией и единой национальностью была и результатом процесса национального самоопределения в условиях смешанного проживания, и при отсутствии своих независимых государств.

В основе югославизма лежали идеи и ценности совместной борьбы за самоопределение каждого народа, за общую демократизацию внутривластной жизни и системы государственного управления. С другой стороны, в ней видели альтернативу узкому сербскому и хорватскому этническому национализму, она была попыткой смягчить противоречия между сербами и хорватами, чей этноним совпадал с названием административно-политического образования в королевстве Венгрия (с 1868 г.) и восходил к названию средневекового государства (10 в.). Необходимой составной частью многих вариантов югославизма была идея об этническом и государственном единстве сербов и хорватов.

Югославизм во всех его формах был внутренне противоречив: исходя из идентичности национальности и нации и будучи средством и идеологией борьбы за самоопределение, он содержал в себе как раз его отрицание. Отрицая

национализм, основанный на этнической общности, был одной из уточненных паннациональных теорий и иллюзий, за которые народам пришлось дорого заплатить. Югославизм не стал и не мог стать альтернативой моногенетическому национализму, ибо исходил из представления "одна территория – одна национальность – одна нация – одно государство – один язык".

Он исходил из приоритета этнической общности перед личностью, полигенетическую общность рассматривал как субъект государственного права. Нация отождествлялась с национальностью, а несколько национальностей, проживавшие на одной или соседних территориях превращал в одну национальность, одну нацию, объединенную в одном государстве.

Вместе с тем нельзя не сказать, что в определенных исторических условиях конца 19 – начала 20 вв. югославизм сыграл свою положительную роль, послужив противовесом узкому этническому хорватскому национализму на территории Хорватии, отрицавшему сам факт существования сербов на этой территории и великодержавным устремлениям Сербии, сербскому национализму, восходившему к идеи создания единого государства всех сербов, где бы они ни проживали. Эта концепция в тот период отчасти совпадала по направленности с интеграционными процессами в государстве Габсбургов, с процессом самоопределения проживавших в нем народов. Что, однако, вовсе не было идентично развалу существовавшего и созданию новых независимых государств.

Дискуссии о взаимоотношениях и национальной идентичности хорватов и сербов велись в конце 19 – начале 20 вв. очень широко. И хорватское, и сербское национальные движения исходили из того, что только этническая общность может быть субъектом государственного права и собственником территории. Обе стороны отдавали предпочтение правам этнической общности перед правами индивидуума. Эта традиция – результат несформированности гражданского общества – проходит в буквальном смысле слова "красной", кровавой нитью через всю историю отношений между сербами и хорватами в 20 в.

В противовес представлению о нации как об исключительно политической, государственной общности в идеологию национальных движений постепенно в 19 в. проникает представление о ней как о совокупности людей, обладающих общностью языка, культуры, са-

мосознания, религии, психического склада, образа жизни и мышления, исторических судеб и происхождения. Разрабатываются принципы буржуазного государственного права, в основе которого лежали национальный (этнический) принцип и естественное право. В отличие от стран Западной Европы национальность становится субъектом государственного права⁴.

Колебания между центростремительными и центробежными тенденциями проистекали из усиления социальных и экономических связей между различными частями государства Габсбургов, из представления о монархии как о гаранте социальной стабильности и национального существования, а с другой – из неудовлетворенности степенью своего участия в государственном управлении, уровнем национального развития.

В центре программ, выдвигавшихся представителями различных национально-политических течений в национальных движениях – консерваторами, либералами, радикалами, демократами – стоял вопрос о возможности самоопределения народов в границах существовавшего государственного образования, о формах этого самоопределения. В подавляющем большинстве идеологии национальных движений югославянских народов Австро-Венгрии, включая и сербское, стояли на позициях целостности монархии и как государства, и как формы правления, правившей династии. В зависимости от своей социальной и национальной принадлежности и политической ориентации авторы выдвигавшихся проектов реформ придерживались одной из децентралистских в своей основе концепций: реформы дуализма, превращение монархии в трехцентровое государство, ее переустройство на принципах федерации. Этим планам противостояли вышедшие из австро-немецкого монархического лагеря проекты дальнейшей централизации государства, а также концепция "единой венгерской политической нации", отрицавшей этническую и политическую индивидуальность невенгерских народов.

Необходимо иметь в виду различия между проектами триализма и федерализации. Триализм предполагал появление третьего государственного образования в рамках монархии Габсбургов. Эти планы опирались прежде всего на историческое государственное право. В конце 19 века государственно-правовые идеи становятся неотъемлемой частью программных установок чешских и хорватских

политических партий, народов, обладавших в средние века собственной государственностью. Государственно-правовая идеология должна была утвердить принцип непрерывности на всем протяжении развития правового существования государственности народов, волею исторических судей оказавшихся в составе монархии Габсбургов. На рубеже 19–20 вв. государственно-правовая доктрина интерпретировалась по-разному, приобретая все более национально-либеральный характер. Как триализм, так и персональная уния способствовали партикуляристским тенденциям, отделению более развитых экономически областей от более отсталых.

Федералистская концепция в тот период в большей степени отвечала духу буржуазного развития Австро-Венгрии и сохранению ее целостности. Хотя некоторые ее сторонники также опирались на историческое государственное право своих народов, она в большей степени учитывала существование не только "исторических", но и других народов, предоставляла большую, чем триализм национальную свободу⁵.

Значительной вехой в развитии идеологии хорватского национального движения была программа Объединенной оппозиции 1894 г. В ней провозглашалось его традиционное требование – политическое объединение хорватских этнических территорий, создание "самостоятельного государственного образования хорватского народа, проживающего в границах Габсбургской монархии", т.е. триализм.

Признание равноправия сербов, по мнению сторонников Й. Франка, – ориентированных на династию хорватских националистов, привело бы к образованию на территории Хорватии "государства в государстве". В поисках обретения хорватами государственности партия стремилась найти поддержку со стороны Австрии и выступала за ориентацию хорватского национального движения на Германию, в отличие от ориентации на Россию и Францию А. Старчевича, поскольку с их помощью так ничего добиться и не удалось. Загреб рассматривался ими как центр возможного политического образования, созданного югославянами, будь то в границах монархии Габсбургов или вне ее⁶.

Суть политики "нового курса" – югославизма начала 20 в. – выразил один из ее творцов, далматинский хорват Франко Супило.

Она состояла из двух элементов: "Во-первых, самым опасным врагом нашего народа является "Дранг нах Остен" и система, которая его обслуживает. Необходимо соглашение со всеми, кому угрожает та же опасность. Во-вторых, хорваты и сербы везде составляют одну единую нацию с двумя равноправными национальными наименованиями". Но даже такая трактовка югославизма в самом своем либеральном варианте, содержала в себе элемент отрицания этнической индивидуальности, права и возможности самоопределения других югославянских народов, прежде всего, сербов, проживавших на территории Хорватии⁷.

В первом манифесте Хорватско-сербской коалиции 1905 г. была продолжена разработка трактовки принципа национального самоопределения. Его авторы писали, что "дуалистическое устройство монархии, основанное на привилегиях одних и угнетении других наций и классов, шатается в самом своем основании". Они восставали против "данного государственного объединения", увязывая право на национальное самоопределение с "решением хорватско-сербского спора", как с "одним из условий нормальной жизни нации"⁸.

Хорватская объединенная партия независимости в своей программе 1910 г. обязалась: "В соответствии с принципами национального единства и самоопределения, а также согласно государственно-правовым договорам, законам и королевским присягам, выступать за объединение всех тех земель Габсбургской монархии, на которых проживает нация хорватского и сербского наименования"⁹.

Сербы Хорватии, поддерживавшие "новый курс", вносили существенные поправки в позицию своих хорватских партнеров-соперников по Хорватско-сербской коалиции. Они делали упор на достижение политического и правового равноправия сербов с хорватами, на получение ими такого же статуса, что привело бы к появлению в Хорватии-Славонии еще одной "политической нации".

Выступая на съезде Сербской национальной партии независимости в 1911 г., один из ее виднейших представителей Светозар Прибичевич заявил: "Мы выступаем за то, чтобы Хорватия была отечеством сербов, а не только хорватов", поскольку "сербы столь же сильно любят Хорватию, как и хорваты". Он высказался против

трактовки идеи "национального единства", согласно которой "раз хорваты и сербы – одна нация, то не имеет значения, серб это или хорват". При этом крупнейшая сербская партия в Хорватии утверждала, что интересы сербов и хорватов по отношению к Венгрии идентичны¹⁰.

Югослависты начала 20 в. полагали, что смогут осуществить право на национальное самоопределение в границах монархии Габсбургов, провозгласив хорватско-сербскую общность субъектом государственного права монархии. Но опыт показал, что политическая общность даже близких по своему происхождению народов, не может быть субъектом государственного права, что при смешанном и чересполосном проживании населения разных национальностей не осуществим принцип "одна национальность – одна нация – одно государство".

Попытки провести достаточно глубокие внутренние реформы в начале 20 в. окончились неудачей. Апрельский пакт 1906 г. между Габсбургами и венгерской оппозицией был политическим компромиссом только между двумя сторонами, в то время как государство превращалось в многоцентровое, и настоятельно необходима была децентрализация. Неспособность монархии пойти по пути реформ и положила предел самому ее существованию как единого многонационального и политического государства в Средней Европе. Политической социальной базы, развитого общего рынка создано не было. Монархия достигла той точки в своем государственном и этническом развитии, когда именно централистская политика и отказ от реформ приводят к краху и распаду государства.

Хорватская народная крестьянская партия А. и Ст. Радичей некоторое время из тактических соображений отказывалась от четкой формулировки своего отношения к монархии и от оценки Соглашения 1868 г. Но при этом она давала понять, что не выходит за рамки общих принципов и требований хорватского национального движения, оставаясь сторонницей сохранения единства монархии в существовавших границах. Более четкую позицию партия заняла в 1909 г. после аннексии Боснии и Герцеговины. "Естественно, что наш правитель, являющийся и австрийским императором, – писал С. Радич, – правит иначе, чем правитель, обретший свою силу и честь благода-

ря тому, что является хорватским королем". Но коронование в Загребе австрийского императора хорватской короной вовсе не означало бы ослабление связей с империей. Братья Радичи выступали за превращение Австро-Венгрии в союз национальных областей, за ее федерализацию и введение персональной национально-культурной автономии, при которой в национальное представительство "избирались бы лица, относящиеся к данному народу на всей территории империи"¹¹.

Социал-демократы Хорватии стремились свести воедино представление о народе и как о социальной, и как об этнической общности из-за в то время частого совпадения социального и национального угнетения. Большую часть кхославянского населения составляли слои, которые социал-демократы объединяли понятием "трудовой народ". Лидер родственной СДПХСл Югославянской СДП, действовавшей в словенских землях государства Габсбургов, Этбин Кристан, один из создателей известной теории "культурно-национальной автономии", говорил: "Мы должны решительно протестовать против проведения различий между нацией и народом"¹².

Если в 90-е годы 19 века партия сосредоточила свое внимание в основном на проблемах собственно Хорватии и Славонии, то с 1908 г. ее руководители уже отчетливо осознают тесную связь "хорватского вопроса" с социальными и национальными проблемами монархии в целом. На V съезде партии в апреле 1908 г. ставится вопрос о необходимости разработки общей для всей социал-демократии Австро-Венгрии позиции по отношению к дуализму. Резко критикуя политику "венгерских буржуазно-помешичьих кругов", СДПХСл заявляла, что они не могут быть друзьями хорватского народа, но лишь его врагами – и классовыми и национальными. Для решения социально- и национально-политических проблем партия выступала за сотрудничество с венгерскими демократическими кругами. "Трудовой народ нашей страны может принять помощь только от трудового народа Австрии и Венгрии, поскольку у них общие интересы и общий враг", – считали социал-демократы. Реформу монархии они видели в установлении ее на "фундамент демократической конституции, гарантирующей народу полную хозяйственную, политическую и культурную свободу".

21–22 ноября 1909 г. в Любляне состоялась конференция югославянских социал-демократов, в которой приняли участие и представители СДПХСл. В резолюции конференции говорилось, во-первых, о стремлении югославян Австро-Венгрии к "полному национальному объединению всех югославян", во-вторых, о ликвидации "искусственно воздвигнутых препятствий, государственно-правовых и политических", чтобы иметь возможность "жить общей жизнью как свободное национально-автономное целое в рамках полностью демократической конфедерации народов". VI съезд СДПХСл, проходивший в августе 1910 г. провозгласил, что партия воспринимает Люблянскую резолюцию как свой собственный документ.

Вскоре после Любляны в январе 1910 г. в Белграде была организована Балканская социалистическая конференция. Выступая на ней, представители хорватских и сербских социал-демократов также говорили о "мирном обретении нациями автономии". Словенский представитель Хенрик Тума, например, заявил, что "историческая миссия Австро-Венгрии состоит в том, чтобы предоставить такую автономию". В противном случае, по его мнению, она должна распасться¹³.

Идею сохранения и преобразования Австро-Венгрии на федеративных (или автономных) началах югославянские социал-демократы в основном поддерживали и на организованной летом 1917 г. Стокгольмской конференции социал-демократов Европы по вопросу о возможности компромиссного мира. Но среди них были и сторонники решения югославянского вопроса вне границ монархии Габсбургов¹⁴.

Выдвигавшиеся проекты реформ были объективным отражением в сознании реальных тенденций в развитии государства Габсбургов. Проекты федеративного устройства не были тождественны выходу из монархии. Наоборот, их осуществление в тех условиях позволило бы суверенным нациям сосуществовать в едином государстве.

Небольшие уступки, не носившие принципиального характера, не могли повлиять на наметившийся с 1912 г. поворот в общественном мнении и национальной психологии хорватов и сербов монархии. Отвергнув в 1905–1907 гг. опыт революции в России, под влиянием

Балканских войн, давших пример способа решения национальных проблем на Юго-Востоке Европы, отчаявшись от бессилия национально-либеральных кругов, часть общества стала на путь политического террора во имя "освобождения". Состоялись покушения на банков Хорватии Славко Чувая и Йована Скерлеца. Возможность мирным путем проводить принципиальные реформы и тем самым, возможно, избежать конфликта с Сербией и войны, была упущена. Паконец, прозвучал выстрел Гарилы Принципа.

Первая мировая война, начавшаяся конфликтом монархии с независимой Сербией (провоцировавшей Габсбургов в расчете на поддержку России), привела к разрушению нормальных экономических связей, росту партикуляризма, размыванию полиэтнической социальной базы государства. Государство Габсбургов в виде дуалистической Австро-Венгрии не могло долго просуществовать, особенно в условиях войны. Но его распад не означал невозможности существования единого многонационального и полиэтнического государства в Средней Европе.

Югославизм начала 20 в. был тесно связан с концепцией сохранения единого многонационального государства Габсбургов при проведении реформ социально-политической системы и национально-государственного устройства. Он носил австрославистский и монархический характер. Хотя некоторые политики до войны теоретически и допускали возможность создания югославянского государства вне границ монархии, на деле все они, по крайней мере до Балканских войн высказывались за сохранение его целостности. Причина этого коренилась и в набиравшем силу процессе экономической интеграции, подрывавшем обособленность и замкнутость югославянских земель, и межэтнической интеграции, и в представлении о монархии как о гаранте национального существования перед лицом политики Германии, и в сложившейся этнической ситуации, когда ни сербы, ни хорваты не могли создать свое "чистое" monoэтническое государство. Все это говорит о том, что распад Австро-Венгрии при всех ее внутренних недостатках, противоречиях и конфликтах в случае мирного развития вовсе не был фатально неизбежен.

Но впоследствии межэтнические противоречия, слабость либеральных и демократических элементов в национальных движениях

всех народов, включая австрийских немцев и венгров, нарушение во время войны нормальной экономической жизни, вынужденная централизация и авторитаризация власти, поражение в войне, утрата правившими кругами монархии способности к лавированию, которую они неоднократно демонстрировали на протяжении всей истории государства, привели в конце концов к развалу и созданию нескольких независимых государств. Образовавшееся в 1918 г. независимое полигэтническое югославянское государство в числе других проблем унаследовало от монархии межэтнические конфликты. Распад единого многонационального государства в Средней Европе и образование нескольких независимых мононациональных, но полигэтнических государств, не снял с повестки дня вопрос о самоопределении народов Средней и Юго-Восточной Европы. Во многих из них установились авторитарные или даже тоталитарные централистские режимы. Для национальных меньшинств и "не-титульных" народов они не стали "своими" государствами, несмотря на этническое родство с государствообразующей этнической общностью.

Как показали первые же годы существования Королевства СХС, централистская монархия, которая основывалась на фундаменте сербского моноэтнического государства, не имевшего ни опыта, ни традиций, ни желания разрешать межэтнические конфликты, не решала проблем национального самоопределения ни одного из вошедших в него народов, в том числе и самих сербов.

Традиции национальных движений Югославянских народов — сербов, хорватов, словенцев, македонцев, боснийских мусульман, албанцев, венгров и других — продолжались и во вновь созданном общем государстве и до, и после Второй мировой войны. Попытки Югославии пойти по пути монархии Габсбургов, сумевшей создать в 18–20 вв. тонкую систему взаимных увязок и учета противоречий, успеха не имела.

Страна сталкивалась с теми же противоречиями, что и монархия Габсбургов начала века, и спустя еще пятьдесят лет новая Югославия. Правители Югославии — и до Второй мировой войны, и после нее — не усвоили урок монархии Габсбургов: что рано или

поздно принцип централизма и унитаризма, этнотERRиториальной Федерации и автономии, себя изживает, что фундаментом государства может стать только развитое гражданское полизтическое общество. Таковое так и не сформировалось в Югославии за все восемьдесят лет ее существования. А чем сильнее централизаторские, тенденции в политике правящих кругов и в настроениях государствообразующей "титульной" национальности-нации, тем сильнее центробежные, децентралистские антитоталитарные тенденции национальных движений, тем больше в государстве растет взаимная межэтническая нетерпимость, тем меньше шансов сохранить целостность этого государства. Экстремизм порождает экстремизм. Национальная независимость не может и не должна отождествляться с демократией, а демократия – с национальной независимостью.

Примечания

- 1 См.: Ленин В.И. О праве наций на самоопределение //Полн. собр. соч. Т. 25. С. 260.
- 2 См.: Романенко С.А. Проблема национального самоопределения в программах буржуазных политических партий югославянских народов Австро-Венгрии (конец XIX – начало XX вв.)// К 70-летию образования самостоятельных государств в Центральной и Юго-Восточной Европе. Вып. II. М., 1989. С. 106–120.
- 3 См.: Романенко С.А. "Новый курс": реформа государства Габсбургов или шаг к "национальной революции южного славянства"//Балканские исследования. Вып. 12. Революции и реформы на Балканах. М., 1994. С. 145–146.
- 4 См.: Романенко С.А. Проблема национальной государственности в программах политических партий Хорватии-Славонии и Воеводины в конце XIX – начале XX вв. // Балканы в конце XIX – начале XX века. М., 1991. С. 119–121.
- 5 См.: Ненашева З.С., Романенко С.А. Формирование концепций национальной государственности и проблема сближения славянских народов Австро-Венгрии на рубеже веков (соотношение и взаимосвязь) //Балканы в конце XIX – начале XX века; С. 91–96.

6 Kršnjavi I. Zapisci. Sv. 2. Zagreb, 1986. S. 504.

7 Supilo F. Politika u Hrvatskoj. Zagreb, 1953. S. 132.

8 Ibler J. Hrvatska politika. Druga knjiga. 1904–1906. Zagreb, 1914–1917. S. 465.

- 9** Hrvatska ujedinjena samostalna stranka. Zagreb, 1911. S. 5.
- 10** Србобран. Загреб, 1911. 30 апр. (13 мај). Бр. 93; Програм српске народне самосталне странке. Загреб, 1903. С. 4, 6.
- 11** См. напр.: Фрейдзон В.И. Судьбы крестьянства в общественной жизни Хорватии XIX – начала XX в. М., 1993; Gross M. Naciona-lnointegracijske ideologije kod Hrvata od kraja ilirizma do stvaranja Jugoslavije //Drustveni razvoj u Hrvatskoj od 16. do početka 20 stoljeća. Zagreb, 1981. S. 283–305.
- 12** Sloboda. Zagreb, 1896. Br. 15.
- 13** См.: Istorijski arhiv KPJ. Т. IV. Beograd, 1950. S. 114, 118, 119, 121, 137–138; Zgodovinski arhiv KPJ. Т. V. Beograd, 1951. S. 201–203.
- 14** Никифоров К.В., Зеленин В.В. Социал-демократия в югославских землях в 1917 г. //Европейское социалистическое движение 1914–1917 гг. Разрубить или развязывать узлы? М., 1994. С. 237–254.

Ирина Барахова (Россия)

ПЕРЕОРИЕНТАЦИЯ ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКОГО КУРСА МОНАРХИИ ГАБСБУРГОВ

(1866–1871)

(К вопросу о политической деятельности
Фридриха Фердинанда фон Бойста)

После всего можно сказать, что я проиграл, но нельзя утверждать, что я ошибался.

Ф. Бойст¹

Поражение Австрии в войне 1866 г. полностью обнажило экономическую, политическую и военную отсталость страны, а также коренным образом изменило ее международное положение. В этой связи стало неизбежным внутреннее преобразование империи и формирование новой внешнеполитической концепции. В ситуации остройшего политического кризиса император Франц-Иосиф доверил руководство страной бывшему министру Саксонии, графу Фридриху Фердинанду фон Бойсту, назначив его министром иностранных дел, а позднее и райхсканцлером Австрии.

Выбор именно этого деятеля уже свидетельствовал о том, в каком направлении будет развиваться политика монархии. "Само по себе приглашение этого озлобленного саксонского министра в руководители венской политики приводило к заключению, что Австрия вступит на путь реванша", – считал Бисмарк². "Взяв на себя в 1866 г. управление министерством, Бойст дал обещание отомстить Пруссии", – писал в своем дневнике один из сотрудников австрийского министерства иностранных дел Бела Орчи³. В связи с этим широко распространенным мнением Бойст был принят в

большой европейской политике более чем прохладно⁴. В нем видели лишь неудачника, который не может смириться с поражением и стремится повернуть события вспять, не понимая, что время его уже давно прошло. Прусские газеты писали, что этот человек не имеет других заслуг, кроме "хронического банкротства всех своих начинаний". "Он уничтожил Саксонию, уничтожил конфедерацию, уничтожит и Австрию". "Этот политик напоминает акробата, который не знает каната, по которому танцует", – таково мнение большинства дипломатов, не считавших нового австрийского министра серьезным политиком⁵.

Современники любили с иронией говорить о том, что Бойст пытается соперничать с Бисмарком. В этом поединке австрийский канцлер представлялся тщеславным интриганом, стремящимся любыми путями превзойти своего гениального противника. После 1871 г. был даже распространен анекдот, что когда-нибудь в энциклопедии о Бисмарке напишут примерно так: "Бисмарк Отто фон – известен своей оппозицией Бойсту". Подобное мнение о деятельности Бойста прочно вошло и в историографию. Тон здесь задавали, естественно, апологеты Бисмарка. Однако как бы не менялись взгляды немецких историков на проблемы создания второй империи, под какой бы точкой зрения ни оценивалась деятельность "железного канцлера", отношение к Бойсту оставалось неизменным: он считался малозначительным, неинтересным политиком, в деятельности которого видели исключительно отрицательные моменты. "Тщеславный интриган", обладающий не более чем "журналистским талантом", "не понимающий сути происходящих событий", подчинивший политику империи целям "личного соперничества" – такую характеристику давали Бойсту австрийские историки начала века Н. Фридюнг и Е. Вертхаймер. "Бойст был, как выражались его противники, чистым оппортунистом. Он руководствовался прежде всего тем, что в данной стране политически было легче провести и что быстрее всего обещало успех", – так писал Л. Галл в одной из последних биографий Бисмарка, вышедшей уже в наши дни⁶. Подкрепляя свою мысль, автор цитирует слова Бисмарка: "Как от осла нельзя ожидать иного, чем от простой говядины, так и от Бойста ничего большего, чем от честолюбивого саксонского домашнего политика-интригана"⁷.

Следует отметить, что в ходе послевоенной дискуссии, когда историки, оглядываясь на немецкую катастрофу 1945 г., выступили с радикальной критикой политики Бисмарка, католический историк Франц Шнабель, сторонник идей К. Франца о срединной Европе, поставил вопрос о Бойсте как реальном антипode Бисмарка, предлагавшем Германии другой, возможно, более удачный путь национального развития⁸. В 70-е гг. в австрийской историографии появилось несколько работ о деятельности Бойста, авторы которых вновь попытались привлечь внимание к этому политику⁹.

Необходимо отметить, что хотя Бисмарк и расточал столь уничижительные характеристики в адрес Бойста, его действия свидетельствуют о том, что он видел в этом политике серьезного противника, которого было необходимо убрать с политической арены¹⁰. В 1866 г. после разгрома Австрии и ее союзников Бисмарк недвусмысленно дал понять, что Саксония может рассчитывать на приемлемый мир, только если Бойст уйдет в отставку. К сожалению саксонского короля и многих своих коллег Бойст был вынужден принять это условие. Но карьера Бойста на этом не оборвалась, наоборот, он получил более высокое назначение – пост министра иностранных дел монархии Габсбургов. Бисмарк вынужден был на время смириться. Однако став хозяином положения после поражения французов, он первым делом поспешил организовать кампанию в прессе с целью способствовать свержению Бойста. 6 сентября (т.е. через 4 дня после капитуляции армии Наполеона III) в Берлине получили указания: "Прошу провентилировать в прессе мысль, что на пути восстановления лучших отношений с Австро-Венгрией стоит только один человек, который не является австрийцем и служит одной цели – реваншу за Кенигтрец(Садову)"¹¹. 12 сентября кампания началась статьей Лотара Бухера. На этот раз Бисмарк получил желаемое. Бойст был вынужден покинуть свой высокий пост и отправиться послом сначала в Лондон, а потом в Париж. Но и теперь Бисмарк не терял из виду своего противника, если в австро-германских отношениях возникала напряженность, причину этому сразу же приписывали "интригам Бойста". Стоило ли тратить столько усилий, чтобы расправиться с "провинциальным политиком-интриганом"?

В чем же причина столь различных мнений о Бойсте: общественное мнение того времени и большинство историков говорят о его малозначительности и отсутствии у него всякого политического дарования, в то же время австрийский император Франц-Иосиф доверяет ему руководство внешней политикой империи в решающий период ее жизни, а великий канцлер Германской империи стремится во что бы то ни стало убрать его со своего пути? Однажды после Никольсбругского перемирия один саксонский политик спросил К.Ф. фон Савиньи, который долгое время был прусским посланником в Саксонии и хорошо знал взаимоотношения Бисмарка и Бойста: "Почему Бисмарк так ненавидит Бойста? Насколько я знаю, лично он ему ничего плохого не сделал". "Должен Вам сказать, — ответил с только ему присущим остроумием Савиньи, — это отвергнутая любовь"¹². Что это означает? Что представляет собой этот загадочный политик, который до сих пор остается "в тени Бисмарка"?

* * *

"Великий министр маленького государства", как шутливо называли Бойста, долгое время занимал пост министра иностранных и внутренних дел Саксонии¹³. Свою главную задачу, как и задачу всех среднегерманских государств, он видел в том, чтобы обеспечить себя и от прусского, и от австрийского влияния. Для этого необходимо было в рамках Германского союза сохранять равновесие между Берлином и Веной, при котором главный голос принадлежит середине. Оптимальным решением германского вопроса Бойст считал создание конфедерации на основе трех равноправных сил: Пруссии, Австрии и средних государств. Впервые идея немецкого триализма прозвучала во время Крымской войны на конференции средних немецких государств в Бамберге. Бойст предложил, чтобы средние немецкие государства присоединились к австро-прусскому договору 20 апреля 1854 г. (о взаимной помощи в случае нападения России) в совокупности, как некая третья сила: "Королевские правительства приходят к убеждению, что тесное сотрудничество Австрии и Пруссии и союз между ними приведут при дальнейшем расширении к немецкому единству во благо отечества", — писал он¹⁴.

Бойст, как и Бисмарк, был убежден, что для решения германского вопроса необходимо коренным образом изменить внутригерманские союзные отношения. Но если Бисмарк добивался поистине революционной ломки всех прежних структур, то Бойст видел в Германском союзе "одно из самых прекрасных творений германской организации", которое призвано обеспечить национальное единство. Он признавал, что Германский союз был создан в 1815 г. с целью законсервировать раздробленность страны и изначально не имел ничего общего с национальной идеей. Но, несмотря на все эти расчеты, Германский союз, выросший из общенародной борьбы против Наполеона, способствовал сплочению немцев, появлению сознания общего отечества. Немецкие государства перестали воевать друг с другом и заключать союзы с иностранными державами против своего германского соседа. Время существования Германского союза было временем материального и духовного процветания немецкого народа. Хотя Союз играл лишь пассивную роль и никогда не был руководящей силой этого развития, его гибель неизбежно вела к внутренним войнам и вмешательству иностранных держав. По мнению Бойста, в 1848 г. германские правительства вполне обоснованно отвергли этот путь. Однако в тех условиях, писал он впоследствии, было необходимо использовать вызванные революцией идеалы национального единства, чтобы реформировать деятельность союзных органов в соответствии с духом времени и общественными надеждами. Недальновидные действия властей, которые слепо возрождали старые формы Союза, лишь дискредитировали его идею. В Союзе на долгое время воцарился полицейский режим, вскоре превратившийся в систему отношений. Ненависть, питаемая к нему в народе, переносилась на весь Союз, который стал восприниматься как препятствие на пути к национальному единству, являясь на самом деле первым шагом к нему. В то время как росли противоречия между двумя великими германскими державами, в структурах союза царили медлительность и бездействие¹⁵.

В 1861 г. Бойст выступил с проектом реформы германского союза, целью которой должно стать создание вместо существующего "союза государств" (*Staatenbund*) "союзного государства"

(Рундесштат) ¹⁶. Бойст отдавал себе отчет, что предлагаемая им реформа не обеспечит быстрого процветания Германии. Она была призвана устранить последствия Ольмюца и Дрезденской конференции, а также постепенно наладить сотрудничество немецких государств, устранив всякое недоверие между ними. Саксонский проект реформ был одобрительно встречен в прусском правительстве, но вызвал целую бурю негодований в Вене. Напрасно Бойст пытался доказать, что речь идет о том, чтобы Австрия "поделилась" с Пруссией лишь своим историческим правом председательствовать на заседаниях бундестага. Это незначительная уступка, которая не может изменить суть дела. Но исключительное обладание Австрии этим правом приводит к тому, что Пруссия и ее сторонники повсюду трубят о гегемонии Австрии в Союзе и требуют перестройки существующих отношений в соответствии с материальным и моральным весом Пруссии в Германии. Необходимо остановить это движение и провести преобразования, которые будут способствовать сплоченности Союза и отражать суть вещей ¹⁷. Но в империи Габсбургов упорно не хотели замечать усиления Пруссии. По инициативе Австрии южногерманские государства направили в Дрезден ноты протesta, и реформа была сорвана.

Только испытав унижение Кениггрецкого поражения в 1866 г., в Вене поняли, что федерализм Бойста является единственной силой, способной противостоять малогерманской политике Бисмарка, и единственной возможностью для Австрии остаться в Германии. Франц-Иосиф предложил Бойсту возглавить австрийское министерство на Бальхаузплац, видя в нем прежде всего руководителя оппозиции средненемецких государств, который не считал свое дело проигранным и видел пути для его осуществления. Что касается самого Бойста, то он был предан своей стране и саксонской правящей династии, но в то же время он понимал, что это лестное предложение означает признание его идей и возможность их осуществления. Иначе быть не могло, ведь его прошлая деятельность не позволяла говорить о больших заслугах перед Австрией. Во время Крымской войны, в вопросах о Таможенном союзе, о реформе Германского союза позиция Бойста была скорее в пользу Пруссии, в шлезвиг-ольденбургском деле он вообще выступил против обеих великих немецких держав.

* * *

Как писал сам Бойст, став австрийским министром он выполнял лишь то, о чем раньше писал и говорил в качестве министра Саксонии¹⁸. Война 1866 г. и образование Северогерманского союза лишь изменило его триалистическую схему решения германского вопроса, которая теперь выглядела следующим образом: Австрия – Южногерманский союз – Северогерманский союз. Теперь главная задача Бойста состояла в том, чтобы предотвратить вхождение южных государств в прусскую конфедерацию и способствовать их сплочению в собственную, которая будет ориентироваться на Австро-Италию и служить связующим звеном между двумя великими державами Германии. Эта политика имела свою правовую основу. 4 статья Пражского мирного договора гласила, что немецкие государства, расположенные к югу от линии Майна, могут заключить союз, который будет иметь независимое международное существование.

Однако после того, как Бойст стал в 1866 г. министром иностранных дел Австро-Италии, ему пришлось столкнуться со всеми проблемами разноплеменной империи Габсбургов, которые требовали незамедлительного решения. Саксонец, погруженный в германские проблемы, едва ли мог постичь всю сложность взаимоотношений национальностей в этой стране, а тем более найти верный выход из создавшегося положения. Бойст понимал, что для дальнейшей борьбы за решение германского вопроса необходима сильная Австро-Италия, а это возможно только при устранении конфликтов между ее народами. Руководствуясь этими соображениями, он считал разумным ускорить заключение соглашения с Венгрией и, упрочив таким образом внутреннее положение империи, приступить к решению внешнеполитических задач. Однако этот расчет оказался неверным. Соглашение 1867 г. не стало волшебной палочкой, по мановению которой в монархии Габсбургов воцарились бы спокойствие и гармония. Компромисс с Венгрией, дав возможность на время преодолеть послевоенные трудности, впоследствии оказался лишь источником новых, еще более острых конфликтов. В 1871 г. "Отечественные записки" констатировали: Бойст занял важный пост в австро-Италии правительстве "в самое критическое время, когда страну

нужно было спасать от крушения, и он спас ее, но таким странным способом, что после его помощи она еще более стала нуждаться в спасении"¹⁹.

Не оправдались и внешнеполитические расчеты, связанные с дуализмом. Бойст недооценил значение так называемого прусско-венгерского "союза интересов". Исторически сложилось так, что Габсбурги были вынуждены идти на уступки своим венгерским поданным, чтобы получить их помощь в борьбе с возвышающейся Пруссией. Существовала и обратная связь: политическое влияние Венгрии в Австрии являлось залогом господства Пруссии в Германии²⁰. Эта своеобразная взаимозависимость не могла остаться незамеченной. В конце 50-х гг. в северной Германии появилась публицистика, в которой говорилось, что "особое положение" Пруссии в Германии требует поддержания "особого положения" Венгрии в Австрии²¹.

Надо отметить, что Бисмарк всегда понимал значение прусско-венгерского "союза интересов" и старался максимально использовать его в своих целях. Прусский премьер-министр при осуществлении своей "революции сверху" активно использовал "революционные методы", поддерживая освободительное движение венгров. Во время войны 1866 г. был даже организован венгерский легион под командованием генерала Д. Клапки, который должен был пересечь границу Венгрии и вызвать там восстание²². Сразу после решающей победы прусской армии при Кениггреце Бисмарк направил свои усилия на скорейшее восстановление отношений с побежденной империей. Его главная задача была выполнена: Габсбургов удалось вытеснить из Германии, теперь надо было превратить их в надежного союзника новой Германии во главе с Пруссией. "Необходимо избежать, чтобы Австрии была нанесена тяжелая рана, большая, чем это нужно, горечь и потребность в реванше, – наставлял он своего опьяниенного военными победами короля. – Мы, наоборот, должны снова сблизиться с нашим теперешним противником и при всех случаях видеть в австрийском государстве фигуру на европейской шахматной доске, а в возобновлении отношений с ним – такой шахматный ход, который мы должны оставлять себе открытым"²³. Праж-

ский мирный договор, завершивший австро-прусскую войну, содержал, по настоянию Бисмарка, лишь необходимый минимум требований к побежденной стране. Бисмарку нужна была дружественная Австрия, а это было возможно только при условии, если она забудет о своем германском прошлом и направит свою активность на восток, где будет нуждаться в поддержке Германии. И на этом пути у Бисмарка был надежный союзник – Венгрия, которая по Соглашению 1867 г. получила формальное равенство прав с Австрией. "Вот здесь, между Карпатами и Дунаем находятся венгры. Для нас это то же самое, как если бы там были немцы, т.к. их судьба тесно связана с нашей. Они держатся и падают вместе с нами," – писал позднее один из ближайших помощников Бисмарка Бернгард фон Бюлов. После 1867 г. венгры вовсе не склонны были поддерживать активную западную политику²⁴. Граф Дьюла Андраши, возглавивший венгерский кабинет, всегда считал, что помогать Австрии в решении немецкого вопроса не его дело. Габсбурги были вынуждены подписать дуалистическое соглашение вследствие ослабления, вызванного потерей позиций в Германии, так зачем же способствовать восстановлению их прежнего могущества, которое даст возможность не считаться с мнением венгров? Поражение в последней войне покончило с положением, когда Австрии приходилось распылять силы, отстаивая свои интересы в борьбе и с Италией, и с Германией, и с Россией одновременно. Теперь перед ней остался один жизненный вопрос – восточный, и один соперник – Россия. На этом пути, опираясь на союз с венграми, Австрия может стать по-настоящему великой державой. Взгляды канцлера Северогерманского союза и венгерского премьер-министра на дальнейшую политику империи Габсбургов настолько совпадали, что недруги Андраши стали называть его "венгерским доверенным Бисмарка".

Что мог противопоставить Бойст этому союзу? Благодаря своему личному авторитету и как глава австрийского правительства он имел достаточно мощных союзников внутри Германии. Германские суверены, вся южногерманская общественность от левых демократов Вюртенберга до консервативной партии патриотов Баварии симпатизировала Габсбургам, видя в них либеральную альтернативу наступающему прусскому милитаризму²⁵. Но и здесь приходилось

оставаться реалистом. Заключив с южногерманскими государствами военные договоры, Бисмарк уже фактически перешел "линию Майна". Кроме того, Бойст как никто другой знал, что Пруссия уже давно объединила Германию экономически при помощи Таможенного союза. Экономика не собиралась считаться с династическими стремлениями и требовала от политиков преодоления раскола страны. Учитывая все эти обстоятельства, Бисмарк не спешил с объединением. Объясняя позицию прусского канцлера, русский посланник в Берлине, П.П. Убри писал: "Таможенный союз, военные и другие договоры позволяют дожидаться своего срока, не опережая событий и не компрометируя излишним нетерпением результат, который в данной ситуации только вопрос времени"²⁶.

Главной задачей Бойста в данной ситуации было сохранить, упрочить, а в дальнейшем и развить *status quo*, закрепленный Парижским мирным договором. Понимая, что Австро-Венгрия не в состоянии в одиночку остановить развитие прусской инициативы, главную ставку в борьбе за преобладание в Южной Германии Бойст сделал на игру европейских сил, надеясь, что великие державы не допустят еще большего усиления Пруссии. Решение германского вопроса, которое он предлагал, соответствовало интересам великих европейских держав. Наиболее активным сторонником этой комбинации была Франция: "С точки зрения императора Наполеона превосходство Пруссии в Германии более выгодно Франции и России, чем главенство Австрии. Но, чтобы сохранить равновесие, он считает целесообразной мысль о создании Южногерманской конфедерации наподобие Северной. В центре Европы появятся три отдельные группы: пропруссская конфедерация на Севере, южная конфедерация и Австрия, причем две последние могли бы объединиться"²⁷. Наполеон III неоднократно указывал на то, что "в интересах России поддерживать возвращение Австрии в Южногерманскую конфедерацию как для того, чтобы избежать давления Венгрии, так и для восстановления равновесия в Германии после Садовой"²⁸. Министр иностранных дел России А.М. Горчаков придерживался аналогичных взглядов. "Не претендую на неподвижность европейского равновесия, мы желаем его поддержания. Спокойствие Европы требует поиска комбинации, которая его восстановит. Наиболее простым

средством для этого будет создание на юге Германии конфедерации во главе с Австрией как противовес северной прусской"²⁹, — писал он в 1866 г. Подобное разделение страны казалось ему вполне реальным и обоснованным, т.к. "сама природа разделила ее на две отдельные зоны: одна северная, протестантская в большинстве, с большим торговым пространством на Балтике и Северном море, другая — южная, католическая, сосредоточившая свои интересы в Италии, Адриатике, Востоке"³⁰. Однако, отмечал Горчаков, кроме общеевропейского интереса существовал еще один момент, заставлявший Россию желать, чтобы Австрия оставалась германским элементом. Дело в том, что лишенная всех связей с Германией и Италией Дунайская монархия неизменно обращала свои взоры на Восток, где сталкивалась с интересами России. Горчаков был также убежден, что "привязанность к Германии является главной силой, цементом, единственным смыслом всего этого нагромождения наций, которые без нее будут повергнуты в хаос"³¹.

Несмотря на надежды, которые Бойст возлагал на позицию России и Франции, он начал постепенно налаживать отношения и с Пруссией. В определенной степени это было обусловлено осторожностью, которую должна соблюдать ослабленная страна к сильному соседу, желанием стать арбитром в обостряющихся отношениях между Францией и Северогерманским союзом. Но главное, вся концепция Бойста о германском федерализме основывалась на сохранении самых дружеских отношений между Веной и Берлином. В данный момент восстановление австро-пруссих отношений, с точки зрения Бойста, было необходимо, чтобы упрочить независимость южногерманских государств, которые хотя и боялись попасть под влияние Пруссии, но были вынуждены искать у нее защиты против пополновений Франции. У государств Южной Германии были все основания бояться франко-австрийского союза, в случае заключения которого они просто стали бы разменной монетой в сделке двух великих держав. Восстановление австро-пруссих отношений значительно облегчало их положение. Они приобретали свободу действий и могли, образовав самостоятельную конфедерацию, играть роль центра.

Поэтому Бойст, преодолевая сопротивление реваншистски настроенной дворцовой партии, довольно быстро пошел на восстановление дипломатических отношений с Пруссией. В начале декабря 1866 г. состоялся обмен посланниками. В следующем году Бойст заключил торговый договор с Таможенным союзом и восстановил старое прусское шефство над разными австрийскими полками. "Венский кабинет вроде бы примирился со своим положением и ищет только установления торговых, дипломатических и комерческих взаимовыгодных связей с двумя фракциями, олицетворяющими Германию", – писал А.М. Горчаков в отчете за 1866 г.³² В Берлине хотя и видели, что Австрия не способна к активной политике³³, но считали необходимым как можно скорее наладить отношения с ней. Сообщая в Вену о подписании военных договоров с южно-германским государствами, Бисмарк постарался, насколько возможно, смягчить краски. Он заверял, что это чисто оборонительная мера против возможных претензий Франции, которая послужит связующим звеном между Австро-Венгерией и Северогерманским союзом, и что он желает заключения с Австрией самого прочного союза³⁴. В апреле 1867 г. Бисмарк через баварского дипломата Тауфкирхена действительно предложил Австрии заключить союз³⁵. Вряд ли Бисмарк серьезно верил в успех этой миссии, т.к. он даже не потрудился что-либо предложить Австрии (и России) взамен на ее поддержку в назревающей борьбе Пруссии против Франции. Скорее всего этот шаг был сделан, чтобы успокоить южногерманские государства.

Бойст разгадал намерения Бисмарка. Он заявил Тауфкирхену, что расценивает предложение Берлина как "приятную шутку". "Мы не сомневаемся в добрых намерениях Пруссии, но можете ли вы серьезно думать, что при нерешенности германского вопроса и возможного конфликта с Италией Австрия пойдет на ухудшение отношений с Францией с такими гарантиями,"³⁶ – говорил Бойст. Он всячески избегал произносить слово "отказ" и предостерегал от того, чтобы его действия были поняты в этом смысле, подчеркивая возможность союза в будущем. Однако как только закрылась дверь за спиной Тауфкирхена, Бойст поспешил проинформировать Наполеона III о прусском предложении³⁷.

Среди европейских политиков было широко распространено мнение, что прямым следствием поражения Австрии в войне с Пруссией будет ее союз с Францией. "Еще в Виллафранке император Наполеон подчеркивал, что, отказавшись от своих видов в итальянском направлении, Венский кабинет приобретет мощный и устойчивый союз, основанный на общности интересов. Сегодня, — писал Горчаков, — когда Австрия потеряла свои итальянские земли, момент кажется подходящим, чтобы восстановить программу Виллафранки"³⁸. Назначение Бойста министром иностранных дел Австрии в 1866 г. еще более укрепило это мнение³⁹. Однако сам Бойст хорошо понимал, что Наполеон III искал в союзе с Габсбургами то, чего он так и не смог получить от Бисмарка за свой нейтралитет во время австро-пруссской войны, а именно — возможности территориальных приращений на левом берегу Рейна. Бойст не мог решиться на подобную авантюру, т.к. это означало навсегда потерять доверие и симпатии южных немцев. Кроме того, поскольку Бойст не собирался проводить политику реванша, союз с Францией не был ему так необходим. Побежденная и ослабленная Австрия неожиданно оказалась в довольно благоприятной международной ситуации, т.к. оба ее недавних противника — Франция и Пруссия добивались ее расположения, стараясь обогнать друг друга. Поэтому Бойст посчитал более разумным не связывать себя односторонним союзом, а занять роль арбитра во франко-пруссском споре. Когда летом 1867 г. в Зальцбурге Наполеон III предложил Францу-Иосифу заключить оборонительный и наступательный союз, Бойст посоветовал своему монарху не принимать это предложение. "Война за германский вопрос должна разразиться на Рейне, — постоянно внушал он Францу-Иосифу. — Но Австрия не может встать на сторону Франции, принимая во внимание интересы собственного немецкого населения"⁴⁰. Австрийский император вынужден был признать правоту своего ministra. Кроме того, он не доверял французскому монарху. Опыт недавних событий доказывал, что Наполеон III вполне способен в самый решающий момент покинуть своего союзника и заключить выгодный договор за его спиной. В Зальцбурге не было принято никаких определенных решений, Бойст не пошел на обязательства, которые бы могли вовлечь Австрию в военный конфликт.

с Пруссией¹¹. "Весь мир увидел, что на отношения Вены и Парижа пала тень отчуждения. Наполеон мог скоро убедиться, что Австрия будет оказывать мало содействия в его проектах против Пруссии", — писал Горчаков об итогах 1867 года⁴². В Вене, даже в военных кругах, все больше убеждались, что союз с Францией и последующая за ним война с русско-прусским блоком может иметь самые плачевые последствия⁴³. Кроме того, против подобного курса возражали венгры, чье согласие было необходимо для принятия каждого внешнеполитического решения. Андраши негативно отнесся к зальцбургской встрече⁴⁴. Учитывая все эти обстоятельства, в ходе дальнейших переговоров с Наполеоном⁴⁵ Бойст стремился, не связывая себя обязательствами, подчинить австро-французское сотрудничество планам Вены⁴⁶.

Австрийская дипломатия попыталась возродить идею так называемого "католического альянса", примирив Париж с Флорентийским кабинетом. К этому союзу можно было бы привлечь и государства Южной Германии⁴⁷. Но переговоры окончились неудачей, Наполеон не пожелал пойти на уступки итальянцам в римском вопросе, в результате, накануне войны с Пруссией Франция оказалась в полном одиночестве. Андраши только радовался дипломатической неудаче своего политического противника. Но больше всех был доволен, разумеется, Бисмарк.

С целью создания антипрусского фронта в Европе австрийский канцлер постарался сблизиться с Петербургом. Здесь необходимо отметить, что возглавив правительство Австрии, этой по сути дела полуосточной державы (еще К. Меттерних любил повторять, что Азия начинается за окнами его венского министерства), Бойст остался прежде всего немцем и европейцем; восточный вопрос был для него, как и для Бисмарка, только приложением к западной политике. Поэтому, опираясь на старую традицию австрийской дипломатии, он видел в сотрудничестве с Россией на Балканах средство изолировать Пруссию. 1 января 1867 г. в специальной ноте он предложил созвать европейскую конференцию для пересмотра оскорблявших достоинство России статей Парижского договора 1856 г. о нейтрализации Черного моря⁴⁸. Этот шаг не означал отказа от выгод на Востоке, но в данный момент Австрия была заинтересована в

устранении конфликтов в этом регионе для укрепления внутреннего положения в империи. Кроме того, улучшение отношений с Россией, наряду с французской дружбой давало возможность использовать в своих интересах их противоречия на Балканах. (Бисмарк в это время старательно разжигал страсти на Востоке, стараясь помешать этим планам)⁴⁹.

Намерения Бойста натолкнулись на резкие возражения в Париже и в Лондоне и встретили настороженное отношение в Петербурге. Отказ России⁵⁰, а также резко отрицательная реакция внутри страны, в первую очередь со стороны венгров, оказали должное воздействие на Бойста, который и сам никогда не испытывал особых симпатий к славянам⁵¹. Тревожное положение в империи, рост выступлений австро-итальянских славян, усиление панславистской агитации вынуждали Бойста все больше внимания уделять восточной политике. Постепенно он стал приходить к мысли столь естественной и понятной для Андраши, что Австрия не может играть на Балканах роль нейтрального арбитра, в силу своих национальных особенностей она должна проводить активную политику в этом направлении.

Развитие инициативы на Востоке неизменно толкало Австро-Венгерскую монархию в давно распахнутые объятия Бисмарка. Получив известие о длительных беседах Бисмарка с австро-итальянским генералом Вимпфеном, наблюдая за появлением в австро-итальянской печати статей, симпатизирующих Пруссии⁵², Горчаков пришел к выводу о том, что Вена стремится привлечь Пруссию к антирусской группировке на Балканах.

Окончательное решение германского вопроса во многом зависело от исхода франко-пруссского конфликта. Вопреки мнению реваншистски настроенной "дворцовой партии", Бойст решительно выступил за соблюдение вооруженного нейтралитета в предстоящей войне: непредсказуемость развития событий, русская угроза, военная неподготовленность заставляют забыть о чувствах 1866 г. и по-прежнему придерживаться политики "свободы рук". Только когда не останется сомнений в поражении Пруссии, Австрия ультимативно потребует точного выполнения Пражского договора и в случае отказа объявит войну. Премьер-министр Венгрии, Д. Андра-

ши, также отверг идею вмешательства в войну на стороне Франции, но он потребовал соблюдения "твёрдого нейтралитета", который, по его мнению, мог быть нарушен только в случае вступления в войну России. Франц-Иосиф поддержал точку зрения Андраши, ибо без согласия венгров предпринимать какие-либо решительные шаги все равно было невозможно.

В Австрии, да и во всей Европе были уверены в победе французов. Хоффбург деятельно готовился к вооруженному выступлению. Шла активная военная и дипломатическая подготовка. Российский посол в Вене сообщал о существовании плана Бойста – Грамона⁵³, направленного на то, чтобы предотвратить участие южногерманских государств в войне. Бойст рассчитывал, что Франция максимально использует те необходимые для мобилизации прусских войск три недели, чтобы обрушиться в центр Германии, помешать мобилизации войск южногерманских государств и присоединить их к нейтралитету. Этого очень боялся Бисмарк. Наблюдая за ситуацией в южной Германии, Горчаков пришел к выводу, что расчеты Бойста – Грамона отнюдь не беспочвенны⁵⁴. Договоры южногерманских государств с Пруссией всегда были чисто формальными. Однако Бойст переоценил военную готовность Франции и недооценил силу национальных чувств. Как отмечал Горчаков, "симпатии германского населения Австрии (не говоря уже о южногерманских немцах – Б.И.) были на стороне Пруссии и высказывались с такой энергией, что венгры забеспокоились, несмотря на их старый союз с Пруссией"⁵⁵. Решительные победы прусской армии разом перечеркнули планы Вены, позволив ей утешаться мыслью, что и самоуверенный потомок великого Бонапарта также не смог избежать своего "Кениггреца".

И все же Бойст не собирался отступать. Опираясь на Пражский мир, он попытался сохранить независимость юга Германии. Действуя в духе политики сближения центрально-европейских государств, инициатором которой была прусская сторона, австрийский канцлер стремился представить южногерманские государства как необходимое связующее звено северогерманско-австрийского альянса. Бойст сделал некоторые шаги в сторону укрепления отношений с Пруссией, постоянно подчеркивая, что без строгого соблюдения Пражского договора дружеские связи неизменно рушатся. Эта концеп-

ция могла иметь реальное значение только в контексте европейской политики⁵⁶. Великие державы были недовольны усилением Пруссии и склонялись к поддержке планов Вены. Россия пыталась отговорить Пруссию от аннексий французских территорий. Южно-германские государства предлагали включить спорные области в южногерманскую конфедерацию. На этой основе, считали в Российском министерстве иностранных дел, был возможен союз России, Австро-Венгрии и Южногерманских государств, который поддержали бы и остальные великие державы и который мог стать действенным оружием против прусских амбиций⁵⁷. Поэтому Бойст направил свои усилия в первую очередь на то, чтобы наладить сотрудничество с Петербургом⁵⁸, после чего уже легче будет договориться с Лондоном⁵⁹. Однако, как только разговор зашел о сближении с Россией, запротестовали венгры; если невозможна дальнейшая ориентация на Францию, то союзником должна стать Пруссия, тем более что она не имеет интересов на Востоке. Кроме того, в Петербурге по-прежнему не доверяли Бойсту, считая его "нервозным, ажиотажным политиком, бросающимся из стороны в сторону, которого невозможно иметь союзником". Поэтому в Петербурге дали себя убедить Бисмарку, который уверял, что Германия ищет лишь собственной безопасности⁶⁰. Одно время Горчаков высказывал мысль о созыве международной конференции для обсуждения мира, на которой, без сомнения, победы Пруссии были бы значительно урезаны, но вскоре отказался от этого, полагая что настал момент позаботиться о "собственных интересах России".

19 октября 1870 г. русское правительство направило странам, подписавшим Парижский трактат 1856 г., депешу, в которой оповестило об одностороннем отказе соблюдать часть статей договора, касающихся ограничений на Черном море. Циркуляр Горчакова произвел в мире впечатление "разорвавшейся бомбы"⁶¹ и, нарушив намечающееся единство Европы, развязал Бисмарку руки в отношении Франции. Это был сильный удар для Бойста. Под давлением выступлений Андраши ему пришлось отречься от своих предложений 1867 г. и занять непримиримую антируссскую позицию⁶², вследствие которой Австрия оказалась в довольно сложном положении.

жении. Благодаря поддержке Бисмарка Лондонская конференция стала подлинным триумфом русской дипломатии и главным достижением в политической карьере А.М. Горчакова.

Австрия оказалась в полной изоляции перед лицом двух усилившихся противников⁶³. Реалистично оценивая ситуацию, Бойст понимал, что нет ничего более опасного, чем продолжать связывать судьбу монархии с ориентацией на Францию и на реванши. С образованием германского национального государства в Австрии появилась еще одна сила, которую приходилось учитывать при определении внешнеполитического курса – немецкий национализм. Венгры также призывали к ориентации на Берлин, стремясь найти там поддержку в осуществлении антирусских планов. Уже на Лондонской конференции стало заметно, что Бисмарк будет строить политику Германской империи независимо от Петербурга и не потерпит никакого давления с его стороны. Реваншистские настроения двора, а также стремления чехов не могли стать достаточным противовесом этому немецко-венгерскому блоку⁶⁴.

Единственным выходом в данной ситуации было признать объединенную Германию и установить с ней дружеские связи. Через Берлин лежал путь к нормализации отношений с царской империей, что давало возможность выйти из опасной изоляции. Международная ситуация и внутреннее положение заставляли недавних противников искать упрочения своего положения во взаимном сближении, в котором Австрия видела, с одной стороны, средство против усиления пангерманизма, а с другой – необходимую опору в борьбе с внутренним и внешним панславизмом. Пруссия же хотела получить гарантии, что католическая Вена не будет поощрять южногерманский партикуляризм. Кроме того, южногерманские государства не раз давали понять, что они не могут пойти на заключение договора с Северогерманским союзом, если за этим последует разрыв с Габсбургами. Идеи австро-пруссского союза были очень популярны, т.к. многие немцы воспринимали его как реальный путь преодоления национальной междуусобицы и осуществления велико-германской идеи.

Получив депешу Бисмарка о будущем устройстве Германии (составленную в подчеркнуто скромных тонах), Бойст направил от-

ветную ноту и передал Делегациям (декабрь 1870 г.) очередную "Красную книгу", указав, что Австрия не будет настаивать на соблюдении Пражского договора и готова сотрудничать с Герmaniей⁶⁵. Русский посол сообщал из Вены, что австрийский канцлер под воздействием седанской катастрофы избавился от "французской мании" и ищет соглашения с Берлином⁶⁶. Тон австрийской прессы еще более подтверждал эти сведения. "После франко-пруссской войны Австрия была вынуждена оставить свой прежний курс и повернуться в сторону победительницы"⁶⁷. – писал Горчаков. А в мае 1871 г. Бойст положил на стол Франца-Иосифа доклад о необходимости переориентации внешнеполитического курса империи с целью достижения "фактического преобладания Средней Европы на чаше весов европейской судьбы через соглашение Австро-Венгрии и Прусско-Германии во всех жгучих вопросах с целью сохранения мира"⁶⁸. Первыми шагами в русле новой программы явились встречи обоих кайзеров летом этого же года в Ишле и Зальцбурге, а также встреча их канцлеров в Гаштейне, в продолжение которых не было заключено никаких соглашений, а лишь продемонстрировано желание поддерживать самые дружеские отношения.

Таким образом, мы видим, что оценивать внешнеполитический курс Бойста исключительно как "реваншизм" означает непростительно огрублять, сужать сущность его концепции. По существу он предлагал альтернативный бисмарковскому путь объединения Германии. На протяжении своей деятельности на посту министра Саксонии и канцлера Австрийской империи он отстаивал идею немецкого федерализма, основывающуюся на прочном австро-пруском сотрудничестве при привлечении Средней Германии в качестве третьего, равноправного союзника. Высказываясь за сближение с Германской империей после ее образования, Бойст надеялся, что восстановление дружбы двух немецких держав явится первым шагом к образованию общегерманской конфедерации. Хотя южная Германия и вошла формально в состав Германской империи, но там по-прежнему было сильно влияние Вены. Южные земли были активными сторонниками сближения с Габсбургами. При существовании такого союза они так или иначе продолжали играть роль некой третьей силы. Бойст считал, что Прусско-Германия может стать надежным партнером новой австрийской политики⁶⁹.

Бисмарк же стремился к сближению с Веной, чтобы ослабить сепаратизм южногерманских земель и укрепить внутреннее и внешнее положение новоиспеченной империи. В Австро-Венгрии он хотел видеть скорее не равноправного союзника, а лишь надежного попутчика, зависимого от своего поводыря.

Совсем иной смысл в австро-германское сотрудничество вкладывал премьер-министр Венгрии, Д. Андраши. Если Бойст делал все, чтобы Габсбурги с помощью такого союза остались немецкой державой, то Андраши, так же как и Бисмарк, предпочитал забыть о германском прошлом Дунайской монархии и вести активную политику исключительно в восточном направлении. Но при этом он не желал подчинения политики Австро-Венгрии планам Бисмарка. Андраши искал антирусского союза с Германией, к которому в дальнейшем присоединилась бы Англия.

Различия во взглядах германского канцлера и венгерского премьер-министра проявилась позднее, на данный момент их обоих не устраивала политика Бойста. К этому времени в Вене все больше стали убеждаться, что Бойст мало подходит для налаживания отношений с Германией. Во время встречи Франца-Иосифа и Вильгельма в Зальцбурге с немецкой стороны прозвучали недвусмысленные высказывания, что его отстранение существенно облегчит путь к согласию. А в Гаштейне Бисмарк начал уже прямые переговоры с Андраши по этому поводу. Осенью 1871 г. Бойст подал в отставку и министром иностранных дел Австро-Венгрии стал Андраши.

Примечания

¹ Beust F. Aus drei Viertel-Jahrhunderten. Erinnerungen und Aufzeichnungen. Stuttgart, 1887. Bd. 2. S. 34.

² Бисмарк О. Мысли и воспоминания М., 1940. Т. 2. С. 51–52.

³ Цит. по: Wertheimer E. v. Graf Julius Andrassy. Sein Leben und seine Zeit. Stuttgart, 1910. Bd. 1. S. 241.

⁴ Факт назначения Бойста министром иностранных дел Австрии довольно долго держался в тайне из страха сорвать мирные переговоры с Пруссией.

⁵ *Ibidem*. S. 243.

⁶ Gall L. Bismarck. Der weisse Revolutionär. Fr/M; B; Wien 1980. S. 409.

⁷ Бисмарк — Герлаху 18.12.1853 // Bismarck O. Gesammelten Werke. B., 1924. Bd. 14. S. 332.

⁸ Schnabel F. Das Problem Bismarck //Abhandlungen und Vorträge 1914–1965/Hrsg. von H. Lutz. Freiburg, 1970; впервые напечатано в: Hochland 42 (1949/50).

⁹ Rumpler H. Die Deutsche Politik des Freiherrn von Beust 1848–1850. Zur Problematik mittelstaatlicher Reformpolitik im Zeitalter der Paulskirche. 1972; Rumpler H. Beust im Schatten Bismarcks. Grenzen und Bedingungen einer Persönlichkeitsbeurteilung //Objektivität und Parteiligkeit in der Geschichtswissenschaft. München, 1977.; Lutz H. Österreich-Ungarn und die Gründung des Deutschen Reiches, Fr/M; B; Wien, 1979.

¹⁰ Позднее таким же образом Бисмарк вел себя по отношению к российскому канцлеру А.М. Горчакову, профранцузская политика которого серьезно угрожала его политике трех императоров.

¹¹ Шит. по: Rumpler H. Beust im Schatten Bismarcks // Objektivität und Parteiligkeit. München, 1977. S. 215.

¹² Beust F. Op. cit. Bd. 1. S. 317. Интересно заметить, что как раз в гостях у Савиньи Бойст впервые увидел Бисмарка.

¹³ С 1836 по 1848 гг. Бойст был саксонским посланником в Берлине, Париже, Мюнхене, Лондоне. В 1849 г. он был назначен министром иностранных дел Саксонии и министром культуры, а в 1853 г. стал министром внутренних и иностранных дел.

¹⁴ Beust F. Op. cit. Bd. 1. S. 184–188.

¹⁵ Beust F. Denkschrift zur Einführung des sächsischen Bundesreform-Projektes von 1861 // Beust F. Op. cit. Bd. 1. S. 279–198.

¹⁶ Бойст хотел преобразовать бундестаг в кратковременную конференцию министров, которая будет состоять, как и бундестаг, из¹⁷ представителей правительства. Но если существующий бундестаг Германского союза заседал целый год при полном равнодушии общественности, то новый орган должен собираться два раза в год и председательствовать на нем будут поочередно Австрия и Пруссия. Наряду с конференцией министров проект Бойста предусмат-

ривал создание собрания представителей всех ландтагов. Оно должно было состоять из 128 человек, из них Австрия и Пруссия выбирали по 30 депутатов, а остальные голоса были распределены между средними германскими государствами. Таким образом исключалась возможность дуалистического преобладания Австрии и Пруссии и повышалась роль средних государств. (*Entwurf des sächsischen Bundesreform-Projekts* //Beust F. Op. cit. Bd. 1. S. 298–302).

¹⁷ Beust F. Op. cit. Bd. 1. S. 276–277.

¹⁸ Ibidem, Bd. 2. S. 6.

¹⁹ Отечественные записки. 1871. Т. 171. С. 357–358.

²⁰ Так, например, нестабильное положение в Венгрии заставило Габсбургов в августе 1865 г. прекратить спор с Пруссией по поводу Шлезвига и Гольштейна и подписать Гаштейнскую конвенцию, которая нанесла сильный удар по престижу Австрии в Германии. Саксонские газеты считали, что после подобной сепаратной сделки, нарушившей принцип федеральной политики, среднегерманские государства будут строить свою политику без участия Австрии, а французские газеты прямо назвали заключение этой конвенции прусским реваншем за Ольмюц. См.: АВПР, Канцелярия, 1865, Д. 182. Л. 4–8. Д. 47. Л. 145. – оценка конвенции в доносении российского посла в Вене, а также 2-я газетная экспедиция, 1865, Д. 142 – отклики прессы.

²¹ Rosenberg H. Die nationalpolitische Publizistik Deutschlands (1859–1866). München; Berlin, 1935. S. 218.

²² Kienast A. Die Legion Klapka. Eine Episode aus dem Jahre 1866 und ihre Vorgeschichte. Wien, 1900.

Доклад Бисмарка королю 24 июня 1866 г. // Бисмарк О. Мысли и воспоминания. М., 1940 г. Т. 2. С. 43.

²⁴ АВПР, Отчет МИД за 1869 г. Л. 41.

²⁵ См. подробнее: Becker J. Der Krieg mit Frankreich als Problem der kleindeutschen Einigungspolitik Bismarcks 1866–1870 // Das kaiserliche Deutschland. Politik und Gesellschaft (1870–1918). Dusseldorf, 1970. Австрийский историк Х.Лутц даже считает, что здесь скрывалась основа для действенной конкуренции малогерманской политике: Lutz H. Von Königgrätz zum Zweibund //Historische Zeitschrift Bd. 217, Н. 2. Oktober 1973. S. 356.

- 26 АВПР. Канцелярия. 1867. Д. 18. Л. 516–518; Отчет МИД за 1867 г. Л. 142–143.
- 27 АВПР. Ф. 137, 1866. Л. 51–51об.; Друэн де Люис – Талейрану, 26 июля 1866. // *Les Origines diplomatiques de la guerre de 1870/71. Paris*, 1910–1931. (далее: *Les Origines*). Т. XI. № 3149.
- 28 АВПР. Отчет МИД за 1869 г. Л. 23об.
- 29 АВПР. Ф. 137. 1866. Л. 52–52об.
- 30 Там же.
- 31 Там же. Л. 53.
- 32 АВПР. Отчет МИД за 1866 г. Л. 74.
- 33 *Auswärtige Politik Preussens 1858–1871. Oldenburg*, 1935–1939. Bd. 8. № 161.
- 34 APP. Bd. 8. № 373 (Вимпфен – Бойсту, 31 марта 1867 г.), 424 (Бисмарк – Вертеру, 5 апреля 1867 г.).
- 35 Тауфкирхен сообщил в Вену, что Пруссия готова гарантировать Австрии сохранение целостности, а также подписать соглашение по сохранению *status quo* в турецких пограничных владениях. (См.: *Auswärtige Politik Preussens. Bd. 8. N 474, 478, 485, 498, 508, 522*). Одновременно Бисмарк поручил послу в Петербурге выяснить мнение России на предмет присоединения к этому соглашению. (См. там же: № 488, 502, 504; а также: АВПР. Канцелярия. 1867. Д. 48. Л. 92–97; Д. 98. Л. 185–186). Некоторые историки видят в этих событиях попытку создания союза трех императоров: (*Platzhoff W. Die Anfänge des Dreikaiserbundes // Preussische Jahrbücher*, 1922. Bd. 199. Н. 1).
- 36 Beust F. Op. cit. Bd. 2. S. 122.
- 37 *Les Origines*. Т. 16. № 4791.
- 38 АВПР, Отчет МИД за 1867 г. Л. 39об.–40.
- 39 Бывший саксонский министр Ф. Бойст, был "persona grata" у Наполеона III, и Р. Меттерних, австрийский посол в Париже, рекомендовал использовать его как "последний козырь", чтобы добиться расположения французского императора. (См.: Wertheimer E. Op. cit. Bd. 1. S. 241).
- 40 !ит. по: Dioszegi I. *Die Aussenpolitik der Österreich-Ungarische Monarchie 1871–1877. Wien; Köln; Graz*, 1985, S. 14.

41 Oncken H. Die Rheinpolitik Kaiser Napoleons III von 1863 bis 1870 und der Ursprung des Krieges von 1870/1871. B. 1–926. Bd. 2. N 510; АВПР. Канцелярия. 1867 г. Д. 106. Л. 228–231.

42 АВПР. Канцелярия. Отчет МИД за 1867 г. Л. 40–41.

43 Австрийский военный атташе в Париже, граф Вельзерхайм, изобразил их следующим образом. На первой картинке он нарисовал начало турнира. Пруссия на боевом коне, оглядывается и жестью подгоняет Россию, которая спешит ей на помощь. Против них выступает блестящий рыцарь, символизирующий Наполеона III. Его "полет" на врага замедляется тем, что ему приходится тянуть упирающуюся Австрию. На втором рисунке – окончание турнира. На земле лежит поверженный Наполеон. Пруссия и Австрия тоже находятся в довольно жалком виде. Потеряв оружие и доспехи, они осыпают друг друга проклятиями. Единственный победитель – русский – спокойно покидает поле боя, отягощенный добычей. (Lutz H. Op. cit. S. 360).

44 Les Origines. T. 21. N 6715. Wertheimer E. Op. cit. S. 450–451.

45 Переговоры с Наполеоном тянулись до начала франко-прусской войны, но так и не вышли за рамки консультативного пакта.

46 АВПР. Отчет МИД за 1868 г. Л. 26–26об.

47 АВПР. Отчет МИД за 1869 г. Л. 13.

48 Beust F. Op. cit. Bd. 2. S. 56–62.

49 См. подробнее: Giller W. Die Orientkriese 1868/1869 mit besonderer Berücksichtigung der österreichischen Haltung. Innsbruck, 1957.

50 Горчаков оценил усилия Бойста, направленные на ревизию Парижского трактата. Он отмечал и то, что под руководством Бойста Австрия заняла новую позицию в восточном вопросе благожелательную России. Но в то же время Горчаков считал, что главное направление политики империи Габсбургов, вытекавшее из системы дуализма, неизбежно поведет ее на другой враждебный России путь. Бойст же был одним из авторов системы дуализма. Поэтому в Петербурге ему не доверяли и не хотели портить отношения со всей Европой ради сомнительного союза. "Лихорадочная активность, которая отмечает теперешнего австрийского канцлера, не может изменить природу наших напряженных отношений", –

писал Горчаков. АВПР, отчет МИД за 1867 г. Л. 36об. –38. В России не понимали политики Бойста. Горчаков недоумевал, почему он, с одной стороны, делает шаги в сторону примирения с Пруссией, а с другой – не скрывает своего удовлетворения ввиду обострения франко-пруссских отношений? (АВПР, Отчет МИД за 1870 г. Л. 37). Надо отметить, Бисмарк сделал все от него зависящее, чтобы о Бойсте в Петербурге сложилось самое неблагоприятное впечатление. АВПР. Отчет МИД за 1868 г. Л. 42об.–43.

51 Бойст любил шутить, что его антиславянская политика объясняется ущербом, нанесенным ему славянским элементом уже в первый день жизни. Отец будущего австрийского канцлера, раздаясь рождению сына, в знак благодарности послал няньке новорожденного дюжину бутылок старого рейнского вина. Однако она не поняла смысла подарка, т.к. была сербкой и плохо говорила по-немецки, и искупала малыша в этом прекрасном вине 1683 г. "Таким образом, – пишет Бойст, – я напился уже в день своего рождения". (Beust F. Op. cit. Bd. 1. S.15).

52 АВПР. Канцелярия. 1868 г. Д. 18. Л. 74–75; Отчет МИД за 1868 г. Л. 14–15.

53 Грамон А. – с 1861 г. по май 1870 г. являлся французским послом в Вене, 15 мая 1870 г. стал министром иностранных дел Франции.

54 АВПР. Отчет МИД за 1870 г. Л. 16об–17, 33об.–34об.

55 АВПР. Отчет МИД за 1970 г. Л. 38.

56 Lutz H. Von Königgrätz zum... S. 364–366.

57 АВПР. Отчет МИД за 1870 г. Л. 62–65.

58 Недавно назначенный послом в Петербург граф Хотек, который до сих пор занимал пост посланника в Штуттгарте и имел хорошие отношения с сестрой царя княгиней Ольгой, получил инструкции предпринять шаги к сближению с Россией и устраниТЬ всякое недоверие между дворами. Горчаков расценил эти шаги как попытку заручиться поддержкой России для давления на Пруссию (АВПР. Отчет МИД за 1870 г. Л. 55–57).

59 Diószegi I. Österreich-Ungarn und ... S. 138–146.

60 АВПР. Отчет МИД за 1870 г. Л. 65.

61 Oncken H. Die Rheinpolitik Kaiser Napoleon III von 1863 bis 1870 und der Ursprung des Krieges von 1870/71. Berlin; Leipzig, 1926. Bd. 1. N 59.

62 Горчакову пришлось с сожалением признать, что политика Бойста стала определяться в основном соперничеством с Андраши, которое угрожало его положению и лишало самостоятельности действий. "Несмотря на ошибки Бойста, его буйную активность мы склонны рассматривать как более выгодную для нас, чем приход Андраши, при котором будут доминировать исключительно политические тенденции Венгрии, гораздо более опасные для наших отношений", — писал он. (АВПР, Отчет МИД за 1870 г. Л. 129об.—130об.).

63 Ibid. S. 179–226; Diószegi I. Beust, Andrassy et la question de la Mer Noir 1870–1871 //Annales Universitatis Scientiarum. Budapest. Sectio Historia 9 (1967).

64 В России отмечали, что немецкая партия удовлетворена перспективой союза с германской империей. Венгры также с удовлетворением наблюдают, как рушится последняя связующая нить, препятствующая маршу дуализма. (АВПР. Отчет МИД за 1870 г.; Канцелярия. 1870. Д. 146, 212 — донесение Новикова Горчакову о попытках чехов и хорватов убедить в необходимости союза с Россией).

65 АВПР. Канцелярия. 1871. Д. 122. Л. 64–69.

66 АВПР. Канцелярия. 1870. Д. 147. Л. 118–121.

67 АВПР. Отчет МИД за 1870 г. Л. 246 об.

68 Lutz H. Zur Wende der österreich-ungarischen Ausenpolitik 1871. Die Denkschrift des Grafen Beust für Franz-Joseph vom 19. Mai 1871 //Mitteilungen des Österreichischen Staatsarchivs. Bd. 25. 1972. S. 180; Diószegi I. Österreich-Ungarn und der französisch-preussische Krieg 1870–1871. Budapest, 1974. S. 40–67.

69 Lutz H. Österreich-Ungarn und die Gründung des Deutschen Reichs. Fr./M.; Wien; B., 1979. S. 20.

ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА И НАЦИОНАЛЬНЫЙ ВОПРОС В ЭРУ КАЛЬНОКИ

20 ноября 1881 г. австрийский император назначил руководителем внешней политики человека, которому суждено было почти 14 лет возглавлять ведомство на Бальхаузплац, в связи с чем его пребывание на посту министра иностранных дел стало самым длительным в истории правления Франца Йосифа. Граф Густав Кальноки, родившийся в 1832 г. недалеко от Брно, принадлежал к типично консервативным, централистски настроенным карьерным дипломатам своего времени. Это во многом определило его действия в национальном вопросе Дунайской монархии¹.

Для Кальноки место Австро-Венгрии в европейской политической системе определялось прежде всего ее национальным составом. В конце 80-х гг. он написал меморандум: "Национальный вопрос в Австро-Венгрии в его воздействии на внешнюю политику монархии", в котором пришел к мнению, что развитие империи Габсбургов всегда шло скорее "в направлении власти, нежели в направлении государственности". Стремление к внешней экспансии соответственно представлялось ему более значимым, чем фактор государственного строительства. Даже после Соглашения не могло быть ни одной более устойчивой идеи "чем та, что внешняя политика монархии должна как и прежде выражать единую, основанную на совокупности интересов совокупность стремлений"².

Кальноки четко сознавал значение интегрирующих функций династии. В век национализма восстановление "династической идеи в Австро-Венгрии в ее первозданной чистоте и неподдельности" он считал "первой заповедью государственного искусства". "Полная свобода внешних решений обусловлена внутренней властью и силой". Ничто не может более сдерживать свободу этих решений, чем пусты

даже только "моральное тяготение отдельных народных элементов" к пунктам притяжения вне монархии. Таким образом из внутреннего этот вопрос быстро может стать внешним. Поэтому задачу первостепенной важности Кальноки видел в общемонархическом принципе усиления "австро-венгерского сознания".

Кальноки, представитель мелкого дворянства, централист, всецело преданный Габсбургам, близкий верным конституции богемско-моравским крупным землевладельцам, с возрастающим беспокойством следил за автономистскими тенденциями отдельных народностей Австро-Венгрии. Поэтому в своем меморандуме он резко осуждал подобные стремления некоторых сторонников чешского государственного права: "Нет ничего более желательного, чем возможность полного удовлетворения чешских стремлений до тех пор, пока они не выходят за рамки конституции и условий современной государственной системы. Но удовлетворение чехов ценой длительного отчуждения немецкого элемента вряд ли было бы целесообразно. (...) Возвышение богемского местного патриотизма, которое ведет к адекватному уменьшению имперского патриотизма немцев, было бы самой последней целью, к которой следовало бы стремиться".

Министра иностранных дел беспокоило еще два вопроса: в Трентино в чертах ирредентизма он видел постоянно усиливающуюся ориентацию на Италию, которая угрожала завершившейся присоединением южного Тироля к королевству (т.е. Италии – прим. пер.), и этим создавала опасность заключенному им самим Троиценному союзу, а также европейскому *status quo*.

Вопрос Галиции он рассматривал также в связи с внешней политикой, поскольку гегемония там поляков могла повлиять на отношения с Германией и с царской Россией. Дискриминация же русинов создавала предпосылки для подрывных тенденций славянских агитаторов.

Напротив, принимая во внимание различное вероисповедание и косность населения, он не испытывал опасений по поводу южнославянского вопроса. Эта проблема, стоящая в органической связи с восточной политикой Габсбургов, могла стать опасной только в случае революции. По сравнению с этим румынский ирредентизм содержал уже большее количество взрывчатого вещества. В Трансильвании, как и в королевстве Румынии, венгерская языко-

вая политика воспринималась как "ненавистная, беспощадно попирающая права национальных меньшинств административная политика". Поэтому этот внутренний вопрос мог также привести к внешним изменениям.

Столь презираемые им мадьяры, напротив, и в этом он был убежден, больше всех были заинтересованы в сохранении империи Габсбургов: "Только благодаря монархии мадьярское племя утвердило свое политическое значение в Европе; вне этой границы оно не имеет национальной опоры". Из всех народов монархии для Кальноки только немцы были теми, "чье внутреннее отречение от дела империи представляло наибольшую опасность: немецкий народ имеет самую сильную национальную опору". Из этого министр делал логические вызыды для существующего государственного устройства Австро-Венгрии: "Руководству империи следует основываться, с одной стороны, на той национальности, чьи интересы наиболее прочно связаны с ее дальнейшим существованием, и с другой стороны, на ту национальность, чей моральный отрыв может поставить под вопрос существование монархии,— в этом состоит логическое оправдание дуалистической системы в Австро-Венгрии с точки зрения внешней политики".

Когда министр-президент Тааффэ осенью 1893 г. попытался провести реформу избирательного права, возмущенный министр иностранных дел расценил это как опаснейший и самый далеко идущий шаг со времен заключения Соглашения. Принимая во внимание чешский и южнославянский национализм, он боялся за привилегированное положение немцев и итальянцев в рейхсрете. Так, 15 октября он писал Тааффе, что славянское большинство в парламенте может потрясти основы государственной системы. И все же, когда обозначилась неспособность Тааффе далее сдерживать противостояние как либеральной, так и консервативной оппозиции, Кальноки очень сожалел об этом кабинете, т.к. "он представлял необычную стабильность и состоял из хороших профессионалов, с которыми было приятно работать и общаться". "Если бы Тааффе и дальше придерживался своей системы, — с грустью писал Кальноки своему брату Шандору 7 ноября, — он безусловно оставался бы министром вплоть до своей смерти. Ему не оставалось бы ничего другого, как просто плыть по течению, но мы все были бы этим довольны". Последователи Тааффе еще меньше представля-

ли, как добиться согласия между соперничающими национальностями австрийской половины империи, и вели монархию Габсбургов к кризису, который, по мнению Кальноки, сильно угрожал существованию монархии.

После того, как была рассмотрена позиция Кальноки по внутреннему устройству Австро-Венгрии, необходимо кратко остановиться на том, каким образом национальности оценивали его внешнюю политику. В середине восьмидесятых годов венгерская делегация все больше критиковала министра иностранных дел. Спорный вопрос заключался в отношении к царской империи. Антируssские настроения венгерских политиков в это время были усилены беспокойством о росте славянского населения, в связи с чем они выступали за политику сохранения *status quo* на Балканах.

Ярый противник России со времен подавления венгерского восстания, а также предшественник Кальноки на посту министра иностранных дел, Дьюла Андраши, назвал на заседании делегации заключенный в 1881 г. Союз трех императоров невыгодной, "неестественной группировкой". "Вынужденное сотрудничество" превратило двухсторонние интересы в острейшее противоречие, чего бы не произошло при другом развитии событий, и поставило германскую империю в "совершенно невозможное положение". Учет Бисмарком балканских интересов России способствовал подрыву Двойственного союза.

Джек Силади, позднее венгерский министр юстиции и президент палаты депутатов, напротив, заинтересовался расширением диапазона действий Союза трех императоров. Он предлагал существование "соглашения с определенной целью...", в результате которого в соответствии с берлинским договором отношения на Балканском полуострове должны будут быть модифицированы". Силади выступал за то, чтобы внешняя политика Австро-Венгрии не исчерпывалась только восстановлением существовавшего ранее *status quo*, которое давно уже было "нарушено" событиями. Главные усилия должны быть направлены на то, чтобы вопреки происходящим изменениям сохранить господствующее положение монархии Габсбургов на Балканском полуострове. Подчеркивая необходимость отказа от экспансивной политики, депутат далее говорил: "Австро-Венгрия должна стремиться к тому, чтобы

на нашей границе создавались такие государства, которые бы не испытывали влияния других держав. Необходимо облегчать, а не мешать попыткам этих государств избавиться от иностранного влияния. Нужно все более укреплять среди государств Балканского полуострова убеждение, что Австро-Венгрия не только не является врагом их стремлений, а в соответствии с требованиями ситуации проводит активную и инициативную политику. Они должны чувствовать, что ни без нас, ни против нас они не смогут образоваться"³. Наконец, Силади выступил даже за восточную политику, конкурирующую с Россией, а также за обращение к западным державам.

В отличие от венгров, Кальноки желал "доверительных" отношений с Россией и не оставлял в этом сомнений у Делегаций. Досадуя на "детский шовинизм" мадьяр, он считал дружеские отношения с царской империей "счастьем" и не хотел отказываться от этого принципа ни при каких обстоятельствах. "Если кто-нибудь при таких внутренних условиях возьмет на себя смелость вести активную политику или предпринимать антирусские действия на Балканах, я этого не сделаю". "Подстрекаемая Андраши "болтовня" и "закулисные разговоры", — писал он однажды своему брату Шандору, — причиняет много бед." Как он неоднократно сетовал, положение общего министра иностранных дел между двумя правительствами и двумя парламентами означает находиться "в воздухе, без земли под ногами, что практически невозможно"⁴.

И все же, вследствие болгарского кризиса зимой 1887/88 гг. австро-руssкие отношения ухудшились вплоть до возникновения угрозы войны. Союз трех императоров не был возобновлен. Теперь Кальноки делал ставку наряду с Двойственным союзом и Тройственным альянсом более на сотрудничество с Англией в Средиземноморье и на Востоке. В то время как эта новая ориентация в 90-е годы находила поддержку у немцев, венгров, итальянцев и поляков, она встречала сильную оппозицию младочехов. Спорная проблема развивалась теперь как антирусский союз с Берлином. 12 января 1892 г. в венском рейхсрете во время дебатов о торговых договорах Австро-Венгрии с Германией, Италией, Бельгией и Швейцарией Карел Крамарж вместе с двумя университетскими профессорами Томасом Г. Масариком и Йозефом Кац-

лем, лидером так называемых "реалистов", провозгласил себя решительным противником Тройственного союза: "Тройственный союз нам несимпатичен, — доказывал он, — не потому, что мы не хотим мира, а напротив — он нам не нравится, т.к. из-за политики Тройственного союза мы боимся за мир". Младочешское движение открыто продемонстрировало их антипатии по отношению к Прусско-Германии не только внутри Дунайской монархии, но и за границей. Так, члены организации "Сокол" в 1992 г. в связи с визитом в Нанси заявили, что враги Франции являются также и их врагами.

На втором заседании австрийского бюджетного комитета 3 октября 1892 г. венский корреспондент "Народного листка" и делегат рейхсрата, Густав Эйм, не оставил никаких сомнений в том, что весь чешский народ относится к Тройственному союзу без враждебности, но "с большим и непреодолимым недоверием": "Мы все враги Тройственного союза", — самоуверенно провозгласил он и предложил вместо него активное сотрудничество с Россией. "Народы монархии, — продолжал он далее, — не могут избавиться от страха, что Австрия превратится в орудие Германии на Востоке и даст себя увлечь на опасные эксперименты". Договор может быть выгоден только Германии, которая считает себя незаинтересованной на Востоке. Германская империя определенно имеет "гарантированного врага во Франции и возможно-го в России". Таким образом, соглашение представляется только как австро-венгерское прикрытие Германии против французской агрессии.

Эйм указал также на недоверие, исчисляемое столетиями, которое "богемцы" испытывают к Пруссии. История показывает, что Пруссия была бы плохим советчиком для монархии Габсбургов. Несмотря на это, Австро-Венгрия вступила в тесный союз с Германией. Но "вечный и неизменный союз" означает отказ от суверенитета наиболее слабой стороны. За границей теперь будут идентифицировать монархию исключительно с Германией. Наконец, Италия также является старым противником монархии Габсбургов, так что Тройственный союз является не чем иным, как "союзом с двумя противниками". При данных отношениях Франция остается "ес-

тественным" и Россия "историческим" союзником Австро-Венгрии. Не из панславистских, а из династических и государственно-политических мотиваций монархия должна стремиться к дружеским отношениям с Россией, которая, в отличие от Италии и Германии, не извлекала выгоду от ее территориальных потерь. Сближение с царской Россией было бы, таким образом, неоценимым противовесом преимуществам Пруссии и более чем достаточной заменой для союза с Италией. Эйм отказывался по "национальным и религиозным" признакам относить монархию к числу восточных держав. Австро-Венгрия, по его мнению, должна преследовать на Балканах торгово-политические, а не завоевательные интересы. Гель, к которой следует стремиться, состоит в сближении с Россией и выяснении противоречий с юго-восточной Европой посредством двусторонней честной нейтрализации Балканского полуострова.³

То, что в австрийском рейхсрате со славянской солидарностью дело обстояло не совсем благополучно, доказал выступивший потом представитель Галиции, барон Апполинор фон Яворский, который высказал взгляды "диаметрально противоположные" позиции Эйма. Сильная польская группировка в рейхсрате находилась в серьезном конфликте с младочехами. Вследствие подавления национального восстания, поляки придерживались по отношению к государству Габсбургов стратегии оппортунизма, которая сводилась ко взаимной лояльной политике. Это проявлялось в их привилегированном положении по отношению к русинам в Галиции, а также в сильном польском представительстве в различных министерствах и в Генеральном штабе. Оставаясь опорой венского двора, польские консерваторы приспосабливались к тогдашней внешнеполитической линии монархии, которая была для них символом стабильности и порядка в Центральной Европе. Естественно, что политика трех императоров поддерживалась очень вяло, зато живо приветствовалось окончание сотрудничества с русским заклятым врагом. Напротив, союз с Германией, несмотря на реструктивную польскую политику Берлина, почти безоговорочно поддерживался из-за ожесточенной вражды к царской империи, хотя он и означал одновременно подавление всепольской концепции, которая, естественно, могла быть направлена и против Пруссии. Поэтому поляки находились перед не-

разрешимой дилемой: Прусско-Германия была необходима для разгрома царской империи, но победоносная Германская империя никогда не уступила бы населенные поляками области Познании, Верхней Силезии и Западной Пруссии. Тем не менее, Яворский все же признал систему союзов Австро-Венгрии "верной политикой в концепции общей центрально-европейской политики и основой для мира и безопасности монархии". Выражая солидарность поляков с внешней политикой Вены, Яворский оценил Тройственный союз как гарантию мира: "Этот Тройственный альянс был стражем решений Берлинского конгресса, он был прочной гарантией мира и сохранялся таковым в течении лет, несмотря на многие препятствия и несмотря на многие инциденты"⁶. Яворский отбросил также идею союза с "республиканской и реваншистски настроенной Францией" и "абсолютистской Россией". Принимая во внимание русское угнетение, младочешские симпатии панславизму он расценил как химерические мечтания. Австро-Венгрия должна действовать, в полной мере сознавая свою силу и мощь как великой державы.

Южные славяне не представляли единую линию. Для словенцев и хорватов на первом месте стояло усиление славянского элемента в монархии. Действия по отношению к России были противоречивы: с одной стороны, часто демонстрируемое русофильство, и с другой – разочарование от реально существующего угнетения национальностей в царской империи. Все же фактом оставалось то, что монархия Габсбургов заключила договор с двумя главными противниками словенцев, с немцами и итальянцами. Хорваты в то же время проявляли больше интереса к южнославянской, в том числе к великохорватской идее, чем к политике союзов монархии, одновременно спекулируя на угрозе распада Австро-Венгрии или ее уничтожении в войне с Россией. В то время, как учитель из Герца Векослав Спинич ввиду германизации и итальянизации в Приморье голосовал в Делегации против политики Тройственного союза, словенский теолог Антон Грекорич, несмотря на свои опасения внешнего влияния на внутреннюю политику монархии, согласился с системой союзов, предложенной Бальхаузом⁷.

Делегации 1892 г. привели к некоторым изменениям. Если мадьяры под руководством Андраши в середине 80-х гг. субтильно

критиковали Кальюки за его вроде бы русофильскую политику, все же, как государствообразующая национальность, они голосовали за бюджет министерства иностранных дел. По другому обстояло дело с младочехами, которые не только решительно наступали на венскую политику союза с Германией и Италией, но и голосовали против общего государственного плана. Все же чешские националисты не находили поддержку своей оппозиции, и из-за этой изоляции Кальюки легче было выдержать массивное наступление в конце обессиленных чехов, чем критику доминирующую представлена в монархии Габсбургов венгров.

В пленарных дебатах австрийской делегации 14 июня 1893 г. в первую очередь Массарик – не зная, правда, дословного текста – критиковал формулировки тройственного договора, который слишком сильно привязывал монархию к немецким интересам. Так как не было необходимости бояться Германию и Италию, Тройственный союз не являлся для монархии необходимым. Кроме того, голоса из Германской империи, согласно которым Чехия должна была быть германизирована, вызывали у чешского народа недоверие против Тройственного союза и против "несколько нервозной" имперско-немецкой политики. Поэтому для монархии было бы разумнее вести дипломатию, которая бы не вела к объединению Берлина и Петербурга. Массарик, который уже в это время не поддерживал идею хороших отношений с Россией, подчеркивал необходимость культурно и торгово-политически ориентированного влияния империи Габсбургов на Балканах и критиковал при этом немецкую и русскую политику: "Россия сильно ошибается, если полагает, что сможет решить свою задачу по отношению к малым национальностям на Балканах только с помощью своей силы". Пражский профессор закончил свою речь, выразив желание о достижении великодержавности Австро-Венгрии. Однако для этого еще отсутствовала необходимая гармония между внутренней и внешней политикой. Поэтому он выступал за "политику сосредоточения и обдумывания", которая, наконец, начнет учитывать социальные элементы во внешне-политических делах⁸.

И все же не активная критика чехов в первой половине 1890-х гг. заставила уйти в отставку министра иностранных дел. После почти 14-летнего руководства внешнеполитическим ведомством, в мае

1895 г., утомленный службой Кальноки ввязался в конфликт венгерских либералов с Ватиканом-в так называемое "Дело Альярди". Когда возникла угроза разрыва отношений со Святым престолом, и правительство Банфи оказалось перед угрозой свержения, Франц Иосиф, наконец, решился принять вторую просьбу Кальноки уйти в отставку. Министр иностранных дел потерпел неудачу из-за взаимодействия между внутренней и внешней политикой. Судьба, которая должна была постигнуть и его последователей⁹.

Примечания

¹ К вопросу о личности Кальноки и его политике см.: Rauscher W. Zwischen Berlin und St. Peterburg. Die österreich-ungarische Außenpolitik unter Gustav Graf Kalnoky 1881–1895. Wien; Köln; Weimar, 1993.

² Memorandum Kalnokys: "Die Nationalitätenfrage in Österreich-Ungarn in ihrer Rückwirkung auf die äussere Politik der Monarchie" //Haus-, Hof- und Staatsarchiv Wien, PA XL/316. Опубликовано: Rutkowskij Er. P.v. Briefe und Dokumente zur Geschichte der österreichisch-ungarischen Monarchie unter besonderer Berücksichtigung des böhmisch-mährischen Raumes. Teil 1. Der Verfassungstreue Grossgrundbesitz 1880–1899//Veröffentlichungen des Collegium Carolinum 51/1. München; Wien, 1983. S. 490–500; также: Jelavich B. Foreign Policy and the National Question in the Habsburg Empire. A Memorandum by Kalnoky //Austrian History Yearbook. Vol. 6–7. 1970/71. P. 142–159. Кальноки взял этот меморандум, написанный в 1888 г. или раньше, с собой в Предлиц. После смерти Кальноки этот документ был передан его братом Шандором Эренталю и снабжен заметками Глуховского.

³ Wiener-Zeitung, 15.11.1885. S. 2.

⁴ Kalnoky an Sandor Kalnoky, 4.11.1885. Haus-, Hof- und Staatsarchiv Wien. Nachlass Aehrenthal/2.

⁵ Ср.: Neue Freie Presse. 4.10.1892. Morgenblatt. S. 2.

⁶ Цит. по: Rauscher W. Op. cit. S. 184.

⁷ Ibid. S. 184.

⁸ Ibid. S. 208–214; Engel-Jánosi F. Graf Kalnokys Rücktritt als Aussenministr im Mai 1885://Idem. Geschichte auf dem Ballhausplatz. Essaye zur österreichischen Außenpolitik 1830–1945. Gratz; Wien; Köln, 1963. S. 233–259.

Джон К. Свансон (США)

ОТТО БАУЭР НА ПОСТУ МИНИСТРА
ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ АВСТРИИ:
ПЕРЕОСМЫСЛЕНИЕ ПОЛИТИКИ АНШЛЮСА

Внешняя политика [австрийской] социал-демократической партии после ноября 1918 г. в значительной мере определялась идеей, что ближе к концу войны господствующей тенденцией в революционных движениях в Центральной Европе было желание достичь национального самоопределения. Для немецкого народа это означало осуществление великой цели революции 1848 г. – объединение всех немцев.¹

Отто Бауэра часто изображают как воплощение стремления социал-демократов к аншлюсу – объединению Австрии и Германии. Восемь месяцев его пребывания на посту министра иностранных дел (21 ноября 1918 – 26 июля 1919 г.) обычно рассматривают как неудачную попытку осуществить эту цель.² Как явствует из многочисленных исследований, посвященных проводимой Бауэром политике аншлюса,³ его действительно можно считать инициатором этой политики осенью 1918 г.⁴

В документах министерства иностранных дел Австрии, равно как и в сочинениях самого Бауэра, отчетливо выражено желание как Бауэра, так и социал-демократической партии объединиться с Германией. Из документов также следует, что в январе 1919 г. Бауэр осознал необходимость отложить объединение, хотя и не отказался от этой идеи. Упрощенный взгляд на Бауэра как на министра иностранных дел с неизменной политической линией ведет к недооценке усилий, предпринятых Бауэром для вывода Австрии из того опасного положения, в котором она оказалась. Моя цель – по-

казать, как Бауэр, полагая, что новое австрийское государство нежизнеспособно, сначала хотел осуществить аншлюс, но встретив многочисленные препятствия, направил свои усилия на заключение союза с Италией и Венгрией.⁵

12 ноября 1918 г. временное национальное собрание, состоявшее из представителей социал-демократической, христианско-социальной и германской национальной партий (причем ключевые посты находились в руках социал-демократов), провозгласило Немецкую Австрийскую республику.⁶ Карл Реннер стал канцлером, Отто Бауэр — министром иностранных дел;⁷ социал-демократы получили также посты министра внутренних дел и министра обороны. Статья вторая временной конституции провозглашала Немецкую Австрию составной частью республики Германия. Все три партии пришли к соглашению, правда без особой поддержки со стороны христианской социальной партии, что новое государство нежизнеспособно и поэтому должно объединиться с молодой Германской республикой. Отто Бауэр доказывал, что Немецкая Австрия является аморфной массой разнородных земель, чья политическая солидарность и экономическая основа существования были разрушены с распадом старой империи⁸. Когда Бауэр стал министром иностранных дел, он решил осуществить аншлюс; он доказывал, что если "мы сейчас выразим свою волю, [тогда] Антанта вряд ли сможет помешать нам ее осуществить"⁹.

Прослеживая развитие проводимой Бауэром политики аншлюса, нетрудно заметить, что поворотным пунктом, по крайней мере в отношении выбора момента для присоединения Австрии к Германии, стал конец первой мировой войны. В работе "Национальный вопрос и социал-демократия" (1907) Бауэр выдвинул аргументы в пользу социалистических Соединенных Штатов Европы¹⁰. Он писал:

Социалистический способ производства так меняет людей, что в результате человечество неизбежно объединится в национальные сообщества. Международное разделение труда неизбежно приведет к объединению этих национальных сообществ в социальную структуру более высокого порядка. Все нации объединятся для совместного управления природой, но этот союз будет организован в национальные сообщества, которые будут обладать правом самостоятельно развивать и свободно пользоваться достижениями своей национальной культуры. Таков социалистический подход к вопросу о нациях¹¹.

В отличие от многих марксистов Бауэр верил в идею культурно-национальной автономии (*Kulturnation*) и всячески ее поддерживал. В "Национальном вопросе" Бауэр часто трактует австрийскую историю как часть немецкой, хотя неясно, считал ли он, что будущее Австрии в объединении с Германией. Позднее Бауэр доказывал, что даже в 1907 г. он считал, что если власть династии будет сломлена, и чехи, поляки и украинцы создадут свои собственные государства, австрийским немцам не останется ничего, кроме как присоединиться к "германскому отечеству"¹².

Несмотря на этот аргумент, Бауэр вплоть до 1918 г. продолжал поддерживать вариант "единство во множестве"¹³. Так, он поддержал план социал-демократов, выработанный на конгрессе в Брюнне, в котором звучал призыв реорганизовать монархию¹⁴. В "Праве наций Австрийской империи на самоопределение", опубликованной в 1918 г. в "Дер Кампф", Бауэр писал:

До тех пор пока нам противостоит германский империализм, единственно приемлемое решение австрийской проблемы, соответствующее не только интересам народов Австрии, но и интересам европейской демократии в целом, это превращение Австрии в федеральное национальное государство (*Nationalitätenbundesstaat*)¹⁵.

Осенью 1918 г., поскольку многие народы империи Габсбургов требовали независимости, Бауэр начал высказывать свои взгляды на аншлюс. 11 октября 1918 г. на собрании немецкой фракции социал-демократической партии Бауэр представил проект декларации, в которой немцам цислейтанской части Австрии рекомендовалось образовать три государства, и если объединение с другими народами Австрии окажется невозможным, присоединиться к Германской империи¹⁶. Бауэр разъяснил свою позицию в ряде статей для "Арбайтер Цайтунг". В последней статье Бауэр подчеркивал, что немецкие социал-демократы в Австрии все еще верят, как они верили в это в 1899 г., что реорганизация Австрии в федеративное государство свободных наций возможна. Но если другие народы отказываются, социал-демократия вынуждена вернуться к программе 1848 г., "программе новой Европы, в которой немецкий народ по примеру других народов объединит всех немцев в рамках независимого национального государства"¹⁷.

После провозглашения Австрийской республики Бауэр считал, что настало время осуществить аншлюс. Он доказывал, что Австрия могла бы поставить мирную конференцию перед свершившимся фактом¹⁸. В своем письме к президенту Вильсону от 14 ноября 1918 г. он объяснял, что временное национальное собрание Немецкой Австрии считает себя составной частью Германской республики. Он утверждал, что Немецкая Австрия осуществляет свое право на национальное самоопределение и хочет лишь "восстановить тесные законные отношения, которые 52 года назад были разрублены мечом"¹⁹. Бауэр также надеялся пропагандировать свою политику аншлюса, используя членов социалистических партий стран Антанты в качестве своих "курьера".

31 декабря 1918 г. Бауэр получил телеграмму от австрийского представителя в Берне барона Гаупта. В ней Гаупт доказывал, что раскрыть свои карты сейчас было бы для Австрии преждевременным шагом. Он предлагал подождать с аншлюсом. Гаупт отмечал, что аншлюс, по его мнению, возможен лишь против воли Антанты. Это создаст сложности для немцев в Судетской области, а также трудности с продовольствием и финансами. Гаупт рекомендовал прежде всего обезопасить национальные позиции немцев в Судетах и проявить в свою очередь готовность войти в Дунайскую конфедерацию, которая может спасти Австрию от национального банкротства²⁰.

Политика аншлюса столкнулась с рядом препятствий. Против нее выступила не только часть Антанты, главным образом Франция, но идею объединения не поддержали некоторые австрийцы и немцы. Австрийская христианско-социальная газета "Райхспост" печатала одну за другой статьи против аншлюса²¹. Многие католики и консерваторы в Австрии не желали объединяться с протестантской и ярко выраженно социалистической Германией²². Кроме того, часть аристократии, государственных служащих и офицеров склонялась к идеи Дунайской конфедерации, которая казалась им восстановлением дуалистической монархии²³. Бауэр также сознавал, что часть немцев выступает против аншлюса.

В самой Германии опасались, что присоединение Австрии поставит под угрозу большие отрезки немецкой террито-

рии на западе и востоке империи... Поскольку мало кто верил, что Германии позволят выйти из войны с существенным приростом населения, Германия боялась, что ей придется заплатить за присоединение Австрии потерей территорий, на которые претендуют Франция и Польша²⁴.

Понимание Бауэром сложившейся ситуации и его попытка переосмыслить политику аншлюса, судя по переписке Бауэра с Лудо Гартманном, австрийским представителем в Берлине и убежденным сторонником Великой Германии, относится к январю 1919 г. В письме к Гартманну от 3 января 1919 г. Бауэр пишет, что французская и большая часть австрийской буржуазии настроены против аншлюса, в связи с этим он полагает, что аншлюс не является сто процентно приемлемым решением и что нельзя отказываться от обсуждения иных возможностей. Бауэр предложил выразить готовность вести переговоры о Дунайской конфедерации²⁵.

То, что Бауэр осознал невозможность осуществления аншлюса немедленно, не означало, что он отказался от этой идеи как долгосрочной политики. Он продолжал писать членам социалистических партий в странах Антанты, вдохновляя их поддерживать аншлюс²⁶. В феврале он решает вступить в переговоры с Германией, так чтобы когда настанет удобный момент, аншлюс мог бы быть осуществлен²⁷. 27 февраля Бауэр отправился в Берлин, 2 марта он и немецкий министр иностранных дел граф Брокдорфф-Ранцау подписали протокол, в котором изложили свои взгляды на экономические и административные условия аншлюса²⁸.

Несмотря на то, что Бауэр не отказался полностью от своей политики аншлюса, уже в январе 1919 г. он понял, что с объединением придется повременить. Его вера в то, что Австрия как государственное образование лишена жизнеспособности, вела его к убеждению, что она не может существовать в изоляции и нуждается в союзниках. Как министр иностранных дел он действовал в соответствии с этим убеждением и стремился установить хорошие отношения с двумя соседями Австрии – Италией и Венгрией.

Сам Бауэр утверждал, что его первая и главная задача как министра иностранных дел заключается в установлении добрососедских отношений с Италией²⁹. Бауэр понимал, что Австрия в своем конфликте с Францией может апеллировать к Италии. Первое

упоминание этой политики встречается в инструкциях Бауэра барону Гаупту от 9 января 1919 г. Бауэр очень надеялся на то, что Гаупт установит контакты с итальянскими дипломатами. Интересы Австрии и Италии во многом совпадали: обе страны боялись создания Дунайской конфедерации, которая привела бы к усилению южных славян, и обе не хотели, чтобы славянам досталась Каринтия. Бауэр подчеркивал, что Австрия может быть полезна Италии, что она могла бы оставить Италии находящиеся в ее владении ценные объекты на Балканах, что обезопасило бы позиции Италии в этом регионе. Однако, по мнению Бауэра, Италия должна была уйти из Южного Тироля³⁰.

25 января 1919 г. Бауэр проинформировал официальных представителей в Гааге и Берне, что если Антанта настаивает, Австрия готова приступить к переговорам об условиях создания Дунайской конфедерации. Он также настойчиво требовал, чтобы представители установили контакты с итальянскими дипломатами. Австрия была готова отказаться от своих интересов на Балканах – восточных железных дорог, сахарных заводов, банков и пр.– в пользу Италии³¹. В феврале Бауэр провел переговоры с полномочным представителем министерства иностранных дел Италии, но вский раз оговаривал, что Италия должна пойти на компромисс относительно Южного Тироля³². Отказ Италии пойти на уступки вынудил Бауэра вновь обратиться к поиску партнера.

В июле Бауэр писал, что отказ Италии вести переговоры о статусе Южного Тироля укрепил его в мысли о необходимости смены ориентации, теперь его внимание привлекала франко-американская сторона. Бауэр полагал, что установление дружественных отношений с Францией потребует его собственной отставки, французы видели в нем убежденного сторонника Великой Германии, большевика и проитальянски ориентированного дипломата³³. 25 июля Бауэр написал президенту Австрии Карлу Зейцу письмо с объяснением причин своей отставки. Он начал с заявления, что одной из ведущих целей его политики было установление дружественных отношений с Италией. Однако отказ Италии обсуждать проблему Южного Тироля отнял последнюю надежду на примирение. "Итальянский империализм вынуждает нас искать новых путей, но я не считаю себя тем лидером, который подходит для осуществления этой задачи", – писал Бауэр³⁴.

Попытки Бауэра установить дружественные отношения с Венгрией имели место в то же время, что и усилия по сближению с Италией. Первая Венгерская республика была провозглашена Михаэлем Каройи 16 ноября 1918 г. и продержалась до 21 марта 1919 г. Венгерская республика, возглавляемая Михаэлем Каройи³⁵, находилась в той же экономической ситуации, что и Австрия – обе страны были жертвами блокады Антанты и своих соседей. Тем не менее, похоже, что Австрия и Венгрия не имели почти никаких контактов. В течение третьей недели марта Бауэр, Каройи и Карл Реннер запланировали встречу на 23 марта³⁶, но 21 марта к власти пришел Бела Кун.

Вследствие этого активизировались контакты между Венгерской Советской республикой и Австрией³⁷. Австрия была единственным соседом советской Венгрии, который установил с Венгрией дипломатические отношения. Однако это поставило Бауэра в непростую ситуацию³⁸. Он желал установления дружественных отношений с Венгерской республикой³⁹, но не хотел затронуть интересы Антанты, опасаясь потерять продовольственные поставки, которые получала от нее Австрия⁴⁰. Кроме того, попытки Венгрии поддержать большевистскую революцию в Австрии делали надежды Бауэра на добрососедские отношения еще менее реальными⁴¹. Бауэр недвусмысленно отвергал существовавшую в Венгрии большевистскую форму правления, но продолжал демонстрировать солидарность, которую можно было истолковать двояко. Союз с Венгрией означал не просто союз с Венгерским государством, но союз с большевизмом. Бауэр понимал это, равно как и тот факт, что Антанта не допустит тесных связей между Австрией и большевизмом.

Возможно, лучший пример понимания Бауэром отношений между Австрией и Венгрией, а также между социал-демократией и большевизмом – 16 страниц его письма к Куну от 16 июня 1919 г. Бауэр начал письмо с описания внутренней ситуации в Австрии, чтобы показать, почему диктатура пролетариата невозможна на данном историческом этапе. Согласно Бауэру, лучшим подтверждением того, что Австрия не может стать большевистской, являются "факты" (*Tatsachen*), из которых Куну предстояло сделать свои собственные выводы.

Прежде всего Бауэр доказывал, что Австрия это не государство, а скорее очень тесный агломерат провинций, которые постоянно играют с идеей отделения от метрополии, являющейся в данном случае оплотом пролетариата. Во-вторых, Бауэр отмечал, что продовольственное снабжение Вены и деятельность индустриальных регионов страны зависят от импорта из стран Антанты, которые прекратят поставки просто потому, что большевистская Австрия перестанет быть целью, оправдывающей средства. Наконец, в-третьих, стратегически Австрия для Антанты была несравненно важнее Венгрии. Антанта не потерпела бы, если ей перекрыли бы дорогу через Вену на Чехословакию и Польшу.

Несмотря на то, что Бауэр решительно отверг возможность установления в Австрии советской диктатуры, он хотел, чтобы Кун знал, что во имя солидарности он поддерживает его. Бауэр отмечал, что контрреволюция в Венгрии будет представлять большую угрозу и для Австрии. Бауэр писал:

Эта связь между нашими судьбами создает далеко идущую общность наших интересов вопреки всем несовпадениям в наших взглядах и нашей тактике, которые, по моему мнению, коренятся в разнице экономической и военной ситуации⁴³.

Бауэр демонстрировал солидарность с Куном и той формой большевизма, которую тот воплощал, а также пытался установить хорошие отношения между Австрией и Венгерской Советской республикой⁴⁴.

Очевидно, что изначально цель Бауэра как министра иностранных дел была объединение Австрии с Германией, но не менее важно, что предпринял Бауэр, когда немедленное осуществление аншлюса стало невозможным. Попытки Бауэра установить отношения с Италией и Венгрией показали, что он признал и принял ту реальность, что аншлюс необходимо отложить и что Австрия нуждается в иных союзниках, если намерена действовать как независимое государство. Он продолжал верить в идею аншлюса как долгосрочную цель. Для Бауэра Австрия всегда оставалась частью немецкой "культурной" нации, но если союз был невозможен, Австрии нужно было искать иные варианты.

Примечания

1 Gulick Ch.A. Austria: from Habsburg to Hitler. Berkley: Univ. of California Press, 1948. Vol. I. P. 112.

2 Braunthal J. Otto Bauer; Eine Auswahl aus seinem Lebenswerk. Wien: Verlag der Wiener Volksbuchhandlung, 1961 и Kerekes L. Zur Aussenpolitik Otto Bauers 1918/1919: Die Alternative zwischen Anschlusspolitik und Donaukonföderation //Vierteljahrsschreite für Zeitgeschichte. Vol. XXII. 1974. Кроме этого деятельность Бауэра на посту министра иностранных дел была рассмотрена всего в двух статьях: Garamvölgyi J. Otto Bauer zwischen Innen- und Aussenpolitik //Politik und Gesellschaft / Eds. I. Ackerl, W. Hummelberb, H. Mosen. Wien: Verlag für Geschichte und Politik, 1981 и Haas H. Otto Bauer als Ausserpolitiker//Otto Bauer (1881–1938): Theorie und Praxis / Eds. E. Frösch, H. Zoitl. Wien: Europa Verlag, 1985.

3 См. Panzelböck E. Die Weichenstellung in der österreichischen Sozialdemokratie für die Republik und den Anschlussgedanken // Österreich in Geschichte und Literatur. Vol. XXX–XXXI. 1986–1987 . Idem. Ein deutscher Traum: Die Anschlusspolitik bei Karl Renner und Otto Bauer. Wien: Europa Verlag, 1985. Pichler Ch. Die Anschlusspolitik Otto Bauers 1918/1919.: Diss. Univ. of Klagenfurt, 1990. Low A.D. Otto Bauer, Austro-Marxism and the Anschluss Movement 1918–1938 //Canadian Review of Studies in Nationalism. Vol.VI. No. 1 (spring 1979). Idem. The Anschluss Movement 1918–1919 and the Paris Peace Conference. Philadelphia: American philisophical society, 1974. Schäfer T. Die Genesis der Anschlussbewegung und die Anschlussdiplomatie 1918–1919.: Diss. Univ. of Vienna, 1970. Steiner H. Otto Bauer und die "Anschlussfrage" 1918/1919 //Die Auflösung des Habsburgerreiches / Eds. R.G. Plaschka, K. Mack. München: Verlag R. Oldenbourg, 1970.

4 Hass H. Otto Bauer und der Anschluss 1918/1919 //Sosical-demokratie und Anschluss / Ed. H. Konrad. Wien, München, Zurich: Schriftenreihe des LBI für Geschichte der Arbeiterbewegung. Vol.9. P. 36.

5 Мой довод, что Бауэр также пытался установить отношения с Италией и Венгрией, противоречит доводам Герберта Штанера, что Бауэр не хотел тесных контактов между Австроией и какими бы то ни было соседями кроме Германии. Steiner, P. 475.

6 В настоящей статье понятия "Немецкая Австрия" и "Австрия" взаимозаменяемы.

⁷ Бауэр официально стал министром иностранных дел 21 ноября, но он исполнял обязанности министра иностранных дел после смерти Виктора Адлера с 11 ноября.

⁸ Bauer O. *The Austrian Revolution.*: Trans. H.J. Stenning. N.Y.: Burt Franklin, 1925; rpt. 1970. P. 74.

⁹ Kerekes L. Von St Germain bis Genf: Österreich und seine Nachbarn.: Trans. J. Till. Budapest: Akademiai Kiado, 1979. P. 29.

¹⁰ Bauer O. *Die Nationalitätenfrage und die Sozialdemokratie.* Wien 1907; 2nd ed. Wien 1924 //OBW. I. P. 403–404.

¹¹ Idem. *Die Nationalitätenfrage.*: Rpt. and trans//Austro-Marxism / Eds. T. Bottomore, P. Goode. Oxf.: Clarendon Press, 1978. P. 117.

¹² Idem. *Acht Monate auswärtiger Politik.* //OBW. II. p. 188.

¹³ См. Rabinbach A. *The Crisis of Austrian Socialism, From Red Vienna to Civil War, 1927–1934.* Chicago: Univ of Chicago Press, 1983. P. 36.

¹⁴ См. Rabinbach , P. 35–36; Bauer O. *The Austrian Revolution.* P. 32.

¹⁵ Bauer O. *Das Selbstbestimmungsrecht der österreichischen Nationen.* //Der Kampf. Vol. XI. 1918 //OBW. VIII. P. 947.

¹⁶ Sitzungsprotokolle Parteivorstand, 11 October 1918 //Verein für Geschichte der Arbeiterbewegung, Vienna, Austria.

¹⁷ Bauer O. *Das neue Europa.* //Arveter-Zeitung, 17 October 1918//OBW. VII. P. 287.

¹⁸ Idem. *The Austrian Revolution.* P.110.

¹⁹ NPA, K. 106, St. A.Z. 263, 14 November 1918. Эта и все последующие сноски, начинающиеся с NPA, являются ссылками на Österreichisches Staatsarchiv, Archiv der Republik, Neues Politisches Archiv.

²⁰ NPA, K. 106, P. 207–211, St. A.Z. 1–516, 31 December 1918.

²¹ Steiner. P. 475.

²² Stadler K.R. *The Birth of the Birth of the Austrian Republic, 1918–1921.* Leyden: A.W. Sijthoff, 1966. P. 69.

²³ Ibid. P. 64.

24 Bauer O. *The Austrian Revolution*, P. 110–111.

25 NPA Präs., K. 233, P. 779–782, # St. A.Z. 138, January 1919. 25 января 1919 г. Бауэр также послал политическую информацию двум представителям в Гааге и Берне, доктору Медингеру и барону Гаупту, извещая их, что если Антанта хочет, чтобы Немецкая Австрия вступила в переговоры о Дунайской конфедерации, то готов начать их. NPA Präs., K., 233, P. 797–802, # Z. 575/Präs., 25 January 1919.

26 9 января 1919 г. Бауэр писал Жану Лонге, лидеру крыла французских социалистов, выступавших против войны и внуку Карла Маркса. NPA Präs., K. 233, P. 768–770, 9 January 1919.

27 NPA Präs., K. 159, P. 231–243, *Kabinettsprotokoll Nr. 38 from 11 February 1919*.

28 Копия протокола находится в NPA Präs., K. 233, P. 87–92. Английский перевод дан в Alder D.D. *Otto Bauer's Opposition Policy, 1918–1927.: Diss. Univ. of Oregon, 1966*, P. 250–256.

29 Bauer O. *Acht Monate auswärtiger Politik //OBW.* II. P. 192.

30 NPA, K. 608, P. 395–397, St. A.Z. 413/Präs. (Этого не было в Präsidium), 9 January, 1919.

31 NPA Präs., K. 233, P. 797–802, # Z. 575/Präs., 25 January 1919.

32 NPA Präs., K. 234, P. 222–224, 21 February 1919. Эта информация содержится в письме Бауэра к государственному советнику доктору Эмилиану Шопферу.

33 NPA Präs., K. 233, P. 668–670, 13 July, 1919.

34 NPA Präs., K. 10, P. 179–182, # Z. 2109/Präs., 25 July 1919. Письмо было опубликовано в "Arbeiter-Zeitung" от 26 июля 1919 г. Оно было воспроизведено с ошибочной датой 26 июля 1919 г. в Zum Wort gemeldet /Ed. H. Fischer. Wien:Europa Verlag, 1968. P. 53 – 54. Большая часть письма была опубликована и переведена в Low, The Anschluss Movement 1918–1919, P. 430–431.

35 Это действительно была республика Каройи: он был председателем Национального совета, премьер-министром, министром иностранных дел и президентом республики.

36 См. NPA Präs., K. 234, P. 359–372.

37 См. Low A.D. *The First Austrian Republic and Soviet Hungary //Journal of East European Affairs.* Vol. XX. 1960–1961 . P. 174–203.

38 Bauer O. Acht Monate auswärtiger Politik //OBW. II. P. 196.

39 В телеграфном разговоре с бароном Кноблохом, представителем Немецкой Австрии в Будапеште, Бауэр просил Кноблоха объяснить Куну, что Немецкая Австрия имеет самые дружественные намерения относительно Венгрии. NPA, K. 794, P. 441–446, 28 March 1919. 26 апреля Бауэр направил телеграмму Беле Куну через дипломатическую миссию Немецкой Австрии в Будапеште. В ней говорилось: "Правительство Немецкой Австрии всегда желало и до сих пор желает усилить и укрепить дружественные отношения между Венгрией и Немецкой Австрией". NPA, K. 788, P. 42–43, # Z. 1–3356 (старый 1224/Präs.), 26 April 1919.

40 Согласно Арно Майеру, когда Венгрия стала Советской республикой и "второй цитаделью большевизма в мире – форпостом революции в сердце Центральной и Восточной Европы", к ней оказалось привлечено внимание "большой четверки". Mayer A.J. Politics and Diplomacy of Peacemaking. N.Y.: Alfred A. Knopf, 1967. P. 521.

41 Существует немало тому подтверждений. См., например, Low. The First Austrian Republic and Soviet Hungary. II Kaas A., baron, Lazarovics F., de. Bolshevism in Hungary, the Béla Kun Period. London: Grant Richards, 1931.

42 Бауэр получал много информации, в которой подчеркивался именно этот момент. Он получил телеграмму от графа Дайма из Копенгагена от 3 апреля 1919 г., в которой Дайм отмечал, что "установление дипломатических отношений между Немецкой Австрией и большевистской Венгрией, а также разрешение публичных коммунистических собраний произвели очень плохое впечатление на официальные круги Антанты, особенно на американцев". NPA Präs., K. 234, P. 348, # Z. 1172/Präs., 3 April 1919. Необходимо также отметить, что возможность оккупации Немецкой Австрии Антантою не была столь уж нереальной. "Швейцарская миссия Ів Вене" была буквально атакована посетителями и завалена письменными прошениями, в которых не только требовались поставки продовольствия, но и оккупация Вены войсками Антанты". Garamvölgyi, Otto Bauer, P. 32, особенно примечание № 38. Информация Гарамвельди взята из политических отчетов Буркартса, швейцарского представителя в Вене.

43 NPA Präs., K. 234, P. 393–408, # 2171/Präs., 16 June 1919. Это письмо приведено также в OBW. IX. P. 1056–1061, а также большая часть письма опубликована и переведена в Low. The First Austrian Republic and Soviet Hungary. P. 189–192. Процити-

рованный выше отрывок взят из копии письма, приведенной в
OBW. IX. 1061.

44 Интересно отметить, что в течение первых месяцев 1919 г.
Венгрия пыталась установить тесные отношения с Италией. См.
NPA, K. 792. Но я нигде не обнаружил никаких свидетельств о трех-
сторонних связях Немецкой Австрии, Италии и Венгрии.

Сокращения

OBW = Otto Bauer Werkausgabe.

Гарри Коэн (США)

ПОЛИТИКА В ОБЛАСТИ ВЫСШЕГО И СРЕДНЕГО ОБРАЗОВАНИЯ В АВСТРИИ в конце XIX – начале XX вв.

Развитие высшего и среднего образования в конце XIX – начале XX вв. открывало новые возможности, но и таило трудности для народов и правительства Австрии. Параллельно со сменой старого корпоративного общества современными классовыми структурами и индустриальной рыночной экономикой наблюдался рост общественного интереса к среднему и высшему образованию. Обучение в гимназиях, реальных школах, университетах и высших технических училищах открывало доступ к работе в развивающихся бюрократической и технической сферах, к ученым профессиям и правительенной службе. Поэтому господствовавшее в течение длительного времени в развивающейся социальной структуре немецкоязычное население в альпийских и чешских областях, так же как и поляки в Галиции, стремилось сохранить свои привилегии в области высшего и среднего образования. С другой стороны, исторически лишенные подобных преимуществ чехи, словенцы, украинцы и южные славяне, начавшие разработку политических программ национального развития, требовали для своих народов все более широких возможностей образования на родном языке. Протестантское, иудейское и православное религиозные меньшинства, независимо от национальности, также требовали покончить с исторической дискриминацией со стороны государственных образовательных учреждений, рассматривавших католицизм в качестве господствующей религии. Если находившиеся в невыгодном положении национальные и религиозные группы не желали увековечивания своего прежнего подчиненного положения в возникающем новом государстве, они

должны были разрушить опору старых господствующих групп в учреждениях образования.

Австрийское государство видело выгоды развития высшего и среднего образования, но вскоре и в этой области, так же как на некоторых промежуточных ступенях школьного образования, столкнулось с проблемами. Правительство, сформированное после глубокого кризиса конца 40-х гг., осознало, что десятилетия консерватизма и стагнации в сфере социальной политики привели к огромному разрыву между государством и обществом и почти роковым образом ослабили способность правительства выступать гарантом своей собственной власти. В 50-е гг. новый неоабсолютистский режим првел важные реформы на всех образовательных уровнях с целью подготовки хорошо образованных служащих и специалистов, а также более лояльных и нацеленных на результативную деятельность подданных, которые были необходимы для построения опирающегося на здоровое и процветающее общество государства. В 60–70-е гг. немецкие либеральные министры и чиновники продолжали эти реформы, уделив еще больше внимания формированию слоя ответственных и работоспособных граждан во главе с, как они надеялись, немецкоязычным в основе своей средним классом образованных собственников. Немецкие либеральные чиновники и еще более их преемники-консерваторы в 80-е – начале 90-х гг. также пытались направлять и контролировать развитие высшего и среднего образования. Опасаясь возникновения межэтнических столкновений на почве доступа к образованию, власти волей–неволей брали на себя руководство распространением среднего и высшего образования в чешских, польских, а потом и в румынских, словенских и сербо-хорватских землях. Министерские чиновники начинали также опасаться, что зарождавшееся стремление подданных к высшему и среднему образование может опередить способность экономики задействовать растущее число образованных молодых людей, и предпринимали различные меры по сдерживанию этого роста.

Динамика регистрационных списков в конце XIX – начале XX вв.

Австрийские реформаторы образования 50–60-х гг. вряд ли могли предвидеть такое увеличение общего числа студентов и появление образованных и частично образованных людей, которое наблюдалось во второй половине XIX в. После 50-х гг. Австрия пережила беспрецедентный рост числа учащихся и студентов, зарегистрированных в академических средних школах, университетах и высших технических училищах (см. табл. 1)¹. В период с 1851 по 1910 г. число ординарных студентов в университетах и высших технических училищах возросло примерно в 4 раза². Значительно более быстрый рост регистрационных списков в системе высшего и среднего образования по сравнению с ростом общей численности населения свидетельствовал о том, что относительная доступность или "пропускная способность" академического образования тоже возросла (см. Табл. 1)³.

С точки зрения младших возрастных групп рост регистрационных списков в австрийской системе высшего и среднего образования в конце XIX в. был столь же впечатляющим (см. Табл. 2)⁴. Относительно общей численности населения, мужчин и женщин в возрасте 19–22 лет, объем регистрационных списков на различных факультетах университета увеличился более чем в 2 раза, а количество студентов в высших технических училищах Числейтании росло еще быстрее, чем в университетах, увеличившись в 4 раза (см. Табл. 2)⁵. Фактически к зимнему семестру 1910–1911 гг. цифры регистрационных списков высших учебных заведений Числейтании, учитывающие как ординарных студентов, так и вольнослушателей, превысили показатели Германии, при 1,46 на 1000 от общей численности населения Австрии в сравнении с 1,32 на 1000 общей численности населения Германии⁶. Что касается категории ординарных студентов, данные австрийских регистрационных списков зимы 1909–1910 гг. в пропорции 12,1 на 1000 человек в возрасте 19–22 лет приблизительно сопоставимы с немецкими показателями 1911 г.: 12,4 на 1000 человек в возрасте 20–23 лет⁷. Действительно, развитие высшего образования в Австрии в послед-

ние десятилетия существования монархии шло столь интенсивно, что непосредственно перед первой мировой войной в Австрии по сравнению с любым другим крупным европейским государством наблюдались самые высокие темпы роста регистрационных списков относительно общей численности населения. С этой точки зрения уровень посещаемости в системе высшего образования Австрии зимой 1910–1911 гг. на 30% превышал тот же показатель во Франции, на 75% – в Англии, почти в 2 раза – в Италии, более чем в два раза – в Венгрии и более чем в три – в России⁸.

Поскольку с середины XIX в. в Австрии интенсивно формировалась и существенно расширялась сеть учреждений среднего и высшего образования; в конечном итоге почти все этнические и религиозные группы выиграли от растущих возможностей в сфере образования. В целом же, как свидетельствуют регистрационные списки, австрийских средних и высших учебных заведений конца 50-х–1914 гг., составленные на основе студенческих деклараций о родном языке, численное преобладание немецкоязычных студентов сохранялось, в то же время медленно снижаясь. С точки зрения возможностей высшего и среднего образования немецкоязычное население имело явные преимущества в силу своей традиционно лидирующей роли в австрийском правительстве и обществе и длительного господства немецкого языка в обучении. Тем не менее, начиная с чехов в 50–60-е гг., и затем поляков, некоторые ненемецкие группы населения сделали значительные успехи, поселяясь в растущее число школ с преподаванием на родных языках этих групп. Что касается религии, по меньшей мере 70–80% всех студентов в австрийской системе среднего и высшего образования в 1850–1914 гг. были католиками, но с конца 50-х гг. и позднее доля католиков в этой сфере стала значительно меньшей, чем их доля (90%) в общей численности населения.

Немецкоязычное население всех конфессий имело в среднем образовании более представительные регистрационные списки, чем любая другая крупная национальная группа в Австрии на рубеже XIX–XX вв. (см. Табл. 3)⁹. Тем не менее, представительство чехов достигло к 1870 г. 23 или 24% – т.е. доли чешскоязычных в общей

численности населения. Значительный прирост наблюдался также в регистрационных списках поляков. Неудивительно поэтому, что наиболее резкое падение доли немецкоязычных в регистрационных списках средних учебных заведений отмечалось в период интенсивного развития австрийского среднего образования после 90-х гг., когда почти все славянские группы населения делали значительные успехи как в прямом, так и в переносном смысле. В 1909–1910 гг. показатели регистрационных списков немцев в средних школах по сравнению с их долей населения, все еще значительно превышали уровень посещаемости у чехов, почти в 2 раза превосходили тот же показатель у словенцев и более чем в 2 раза – у украинцев. Активнейшее развитие среднего образования на польском языке в Галиции с начала 90-х гг. привело к тому, что в 1909–1910 гг. польскоязычных учащихся в гимназиях, реальных гимназиях и реальных школах было даже больше, чем немецкоязычных (см. Табл. 3б). Последние все еще составляли примерно 42% всех регистрационных списков средних учебных заведений Числейтании, но в 1909–1910 гг. их доля в общей численности учащихся гимназий – 37,4% – была ненамного больше, чем 35,6% населения Числейтании, декларировавших в цензге 1910 г. немецкий как свой общий, разговорный язык.

В период с 60-х гг. до первой мировой войны немецкоязычное население по сравнению с австрийскими славянскими группами было представлено в реальных школах более широко, чем в гимназиях или реальных гимназиях, что свидетельствует о большей потребности некоторых слоев немецкого населения в образовании, дававшемся реальными школами. Реальные школы развивались наиболее интенсивно и по-прежнему концентрировались преимущественно в крупных городах. Наибольшее их количество находилось в более развитых в экономическом отношении альпийских и чешских землях. Неудивительно, что чехи также настойчиво стремились получать образование в реальных школах; и в 1870 г., так же как и в 1900, и в 1910, чехи по сравнению с поляками, украинцами и южными славянами были представлены в этих школах даже более широко, чем в гимназиях¹⁰.

Отмена в результате революции 1848 г. и конституционных реформ 60-х гг. дискриминационных законов, направленных против религиозных меньшинств, наряду с общим ростом доступа к образованию привели к значительному увеличению в регистрационных списках средних школ числа евреев и протестантов. К концу 60-х гг. доля евреев в регистрационных списках всех австрийских гимназий и реальных школ, составлявшая 10%, была в 2 раза больше, чем их доля в общей численности населения (см. Табл. 4)¹¹. К 1879—1880 гг. студенты-евреи составляли примерно 15% от зарегистрированного в списках общего числа учащихся в системе академического среднего образования, причем эта доля оставалась приблизительно на том же уровне вплоть до первой мировой войны. Протестанты составляли в конце XIX в. немногим более 2% всего населения Австрии, но после 70-х гг. они также были широко представлены в академических средних школах: 2,7% учащихся в 1879—1880 гг. и 3,5% в 1909—1910 гг.

Православное и униатское (греко-католическое) меньшинства, проживавшие в наиболее бедных и слабо развитых районах австрийских земель (Восточной Галиции, Буковине и Далмации), а конце XIX в. были представлены в австрийских гимназиях и реальных школах весьма слабо. В 1910 г. показатели записи в средние школы православных и униатов (относительно общей численности православного униатского населения) составили соответственно 0,7 и 0,5 от аналогичного показателя у католиков (см. Табл. 4)¹². Уровень посещаемости академических школ униатами, подавляющее большинство которых составляли проживавшие в Цислейтании украинцы, возрос с 4,5% от количества учащихся во всех регистрационных списках в 1856—1857 гг. до всего лишь 5,5% в 1909—1910 гг., что было значительно ниже составлявшей 12% доли униатов в общей численности населения в 1909—1910 гг.

Многие тенденции в представительстве различных этнических и религиозных групп в средних школах во второй половине XIX в. прослеживались также в австрийских университетах и высших технических училищах, несмотря на весьма неоднородный состав студентов в этот период (см. Табл. 5, 6, 7 и 8)¹³. Нельзя не видеть привилегированного положения австрийских немцев или немецко-

язычных элементов в университетах и высших технических училищах в конце XIX в. В начале 80-х гг. около 10% студентов этих учебных заведений были уроженцами Венгрии и Хорватии, в большинстве своем владевшими немецким. Однако после 90-х гг. число выходцев из Венгрии заметно уменьшилось, а граждане Германии и Швейцарии на протяжении всего рассматриваемого периода составляли не более 1–2% от общей численности студентов в австрийских учебных заведениях. В австрийском высшем и среднем образовании во второй половине XIX в. существенно увеличилось представительство исторически находившихся на втором плане этнических и религиозных групп: так, количество чехов к концу 80-х гг. начало сравниваться с их долей в общей численности населения Австрии (см. Табл. 5). Показатели регистрационных списков чехов в высших технических училищах к концу 70-х гг. значительно превышали их долю в общей численности населения (см. Табл. 7). Тем не менее, в зимний семестр 1909–1910 гг. уровень представительства немецкоязычных элементов в университетах относительно общей численности немецкоязычного населения все же превышал тот же показатель для чехов (см. Табл. 5). В то же время в высших технических училищах в течение того же семестра уровень представительства чехов в регистрационных списках относительно их общей численности немного превышал тот же показатель для немцев, независимо от вероисповедания (см. Табл. 7)¹⁴.

Аналогично представительству в средних школах, показатели регистрационных списков поляков в университетах после 1900 г. имели тенденцию к превышению их доли по отношению к общей численности населения, хотя сотни студентов из Российской империи и небольших государств Германии, посещавших университеты Кракова и Лemberга (Львова), ежегодно в определенной степени увеличивали общее количество этнических поляков – студентов университетов Цислейтании¹⁵. Если же учесть иностранных студентов, то в 1900 г. уровень представительства индивидуумов, для которых родным языком был польский, относительно численности польскоязычного населения Цислейтании немного отставал от показателя немецких элементов (**0,70** студента на **1000** польскоязычных обыва-

телей Австрии при 0,872 студента на 1000 немецкоязычных). Тем не менее, к зиме 1909–1910 гг. доля представительства польских элементов в университетских регистрационных списках превосходила тот же показатель у немцев (см. Табл. 5). В то же время в конце XIX в. польскоязычное население Австрии проявляло гораздо меньший интерес к высшему техническому образованию, чем немцы и чехи (см. табл. 7).

Уровень представительства поляков среди студентов высших технических училищ относительно общей численности поляков в Цислейтании, хотя и был низок, все же превышал к концу рассматриваемого периода тот же показатель у украинцев, словенцев, румын, сербов и хорватов. Так же как и в среднем образовании, уровень представительства во всех регистрационных списках системы высшего образования у данных групп в конце XIX в. повысился, но все еще намного отставал от уровня немцев, чехов и поляков, причем для первых этот показатель по сравнению с основными этническими группами среди студентов высших технических училищ был гораздо ниже, чем среди студентов университетов (см. Табл. 5 и 7)¹⁶.

Динамика конфессиональных характеристик австрийского студенчества, обучавшегося в университетах и высших технических училищах, в основном повторяла тенденции, прослеживавшиеся в регистрационных списках средних школ. На протяжении всего рассматриваемого периода католики составляли по меньшей мере 70% от общего количества студентов университетов и высших технических училищ, но это было намного меньше, чем доля католиков – 91% – в общей численности населения Цислейтании (см. Табл. 6 и 8). В относительных категориях число иудеев, попавших в высшие учебные заведения, особенно университеты, увеличивалось даже быстрее, чем число евреев, обучавшихся во второй половине XIX в. в средних учебных заведениях. (См. Табл. 4). Среди протестантов и православных, зарегистрированных в австрийских университетах и высших технических училищах в конце XIX в., было значительное число иностранцев, что затрудняет анализ фактического представительства этих религиозных меньшинств, проживавших собствен-

но в Австрии. Тем не менее, около 1900 г. австрийские протестанты были представлены в австрийских высших учебных заведениях на значительно более высоком уровне (относительно их численности в империи), чем австрийское католическое большинство. (см. Табл. 6 и 8).

Несмотря на рост числа австрийских православных в академических средних школах в конце XIX в., представительство православных в высшем образовании увеличивалось довольно медленно. Даже с учетом иностранных студентов доля православных среди студентов всех университетов колебалась после 1880 г. в районе 3%. Если учесть иностранных студентов, то количество православных в регистрационных списках австрийских университетов и высших технических училищ по сравнению с общей численностью православных в Гислайтании возросло, как кажется, в 1880–1910 гг. приблизительно в 2,5 раза (см. Табл. 6 и 8), но фактически большинство этих студентов-православных было, по-видимому, родом из восточно-европейских регионов, находившихся за пределами Австрии.

Как свидетельствует рост посещаемости средних и высших учебных заведений относительно общей численности австрийского населения школьного возраста после 1850 г., высшее и среднее образование в буквальном смысле становилось все более *доступным* ("inclusive", по терминологии автора статьи – Прим. перев.). Но какие же возможности имела молодежь низших классов, и становилось ли высшее и среднее образование более *прогрессивным*, обеспечивая более широкий доступ студентам из низших социально-экономических групп? В этом смысле основные тенденции, наблюдавшиеся в XIX в., трудно определить точно, но растущее представительство в австрийской системе высшего и среднего образования некоторых исторически находившихся на втором плане этнических и религиозных групп ярко свидетельствует о растущей прогрессивности образовательных возможностей.

Академическое среднее и высшее образование в Австрии конца XIX в. было более открыто для молодежи из низшего среднего класса и трудовых слоев, чем это можно представить на основе довольно условной картины элитарного высшего и среднего образования в

Центральной Европе. Большинство учащихся в академических средних школах вело свое происхождение из низших средних классов, хотя сравнительно небольшое число составляли дети наемных работников или более бедных крестьян из отдаленных общин. Выходцы из семей, принадлежавших к состоятельной и образованной верхушке среднего класса, а также высшим слоям общества, составляли большую часть университетских студентов, но даже среди немецких студентов-христиан от 1/3 до 1/2 всех ординарных студентов происходило из ниших средних классов (см. Табл. 9)¹⁷.

Во второй половине XIX в. низший средний класс был широко представлен в австрийском среднем и высшем образовании. После 1860 г., как правило, от 60 до 70% ординарных студентов в Венском и Пражском университетах вели свое происхождение из низшего среднего класса. Только небольшая часть ординарных студентов – 4–10% от общего числа студентов как в Венском, так и в Пражском университете – состояла в 1860–1914 гг. из детей наемных работников; но даже эта цифра значительно превосходит показатель в менее чем 1% от общего числа студентов, типичный в тот же период для прусских университетов. Еще больший процент отпрыски представителей низшего среднего класса и рабочих составляли среди ординарных студентов высших технических училищ Вены и Праги (см. Табл. 10)¹⁸.

Увеличение числа академических средних школ, университетов, высших технических училищ и числа обучавшихся в них в Австрии во второй половине XIX в. было обусловлено целым рядом факторов, в том числе ростом населения, экономическим развитием и новыми перспективами занятости, урбанизацией, правительственной политикой и изменением отношения общества к высшему и среднему образованию. Как свидетельствует неравномерность роста регистрационных списков различных учебных заведений в рассматриваемый период и неожиданные "всплески" в различных областях образования, ни один из существенных факторов не являлся определяющим. Рост численности населения школьного возраста в 1850–1914 гг. представлял собой очевидную предпосылку для значительного увеличения числа обучавшихся в австрийских учебных заведениях, но это увеличение было также следствием качествен-

ных сдвигов в общепринятых ценностях и поведении. Путем открытия новых, расширения и модернизации старых школ чиновники в центральном правительстве, коронных землях и магистратах поощряли стремление все большего числа людей к высшему и среднему образованию. Особенно интенсивно этот процесс шел в 60-е—начале 70-х гг., а также с начала 90-х. Тем не менее, вряд ли можно утверждать, что центральное правительство стремилось или преуспело в контроле над теми темпами распространения образования, которые наблюдались в действительности. Основная часть инициатив по открытию или расширению средних школ принадлежала выборным советам общин или добровольным ассоциациям, а увеличение фактического числа учащихся в наиболее активные периоды часто намного превосходило темпы роста числа учреждений образования.

Меры по ограничению доступа к высшему и среднему образованию

Доступ к высшему и среднему образованию стал в Австрии важным политическим вопросом после 50-х гг. Как многократно отмечалось в исследованиях по политической истории монархии, чешские, польские, словенские, украинские, хорватские и итальянские националисты сделали распространение образования на своих родных языках основной политической целью. Немецкие националисты, со своей стороны, пытались противостоять этим требованиям в смешанных в этническом отношении областях; так, напряженная борьба по поводу высшего образования шла в Праге, а по поводу средних школ — в Каринтии и южной Штирии. Однако историки уделили гораздо меньше внимания взглядам некоторых политиков и чиновников от образования на всеобщий рост регистрационных списков в средних и высших учебных заведениях, так же как и повторявшимся после 70-х гг. попыткам министерских властей ограничить этот рост.

В конце XIX—начале XX вв. многие наблюдатели расценивали рост числа учащихся в высшем и среднем образовании и явное расширение доступа в ряды образованных и частично образованных людей в Западной и Центральной Европе как признаки прогресса. Од-

нако уже в 70-е гг. многие австрийские консервативные политики, чиновники от образования и педагоги предупреждали об опасности подготовки большего, чем нужно обществу, числа людей с высшим и неполным высшим образованием. Опасаясь нежелательного роста стремлений низших классов повысить свой социальный статус, хорошо информированный анонимный наблюдатель высказал в 1899 г. свое беспокойство в особо мрачных тонах: "Это стремление во что бы то ни стало повысить свой социальный статус является по сути темной стороной наших общественных отношений, ибо свидетельствует о глубочайшем непонимании роли и значения образованного крестьянина или ремесленника, о печальном заблуждении, что "выбиться в люди" это большая удача, и об ошибочной вере, что пролетариат в парадных одеждах лучше пролетариата с мозолистыми руками, за которую приходится расплачиваться горчайшим разочарованием, двойной жизнью, бременем ответственности выбранного поприща и ужесточающейся борьбой за существование"¹⁹.

Обеспокоенное признаками "чрезмерного" распространения среднего и высшего образования австрийское министерство религии и обучения, начиная с 80-х гг. предпринимало последовательные усилия по установлению более жесткого контроля над регистрационными списками и ограничению числа учащихся. Чиновников беспокоило, выполняет ли быстро растущее число гимназий основные задачи в сфере образования, а также то, что все больше молодых людей поступало в гимназии без соответствующей подготовки или действительной интеллектуальной склонности к среднему и высшему образованию²⁰. В середине марта 1870 г. министерство религии и обучения издало новые правила приема на первый курс в существовавшие на территории всего государства гимназии, реальные гимназии и реальные школы. Эти правила предусматривали устные и письменные экзамены по основам арифметики, богословия, чтению, письму, правописанию и грамматике основного языка обучения²¹. Позже, в 1870 г., министерская комиссия по надзору за гимназическим образованием согласилась также с прекращением приема девятилетних и усложнила курс обучения по естественным наукам и математике²². Новые правила приема наряду с различными реформами учебных планов вновь

подтвердили элитарный в основе своей характер академического среднего образования, однако подобные меры не привели к резкому сокращению числа учащихся: так, регистрационные списки первоклассников в австрийских гимназиях и реальных гимназиях на протяжении 70-х гг. продолжали непрерывно увеличиваться²³.

В то время как в конце 60-х – 70-е гг. немецкие либеральные министры в целом работали над расширением системы начального народного образования и совершенствованием и распространением образования среднего, консервативные политические силы в эпоху Таафе (1879–1892) пытались ограничить развитие некоторых сфер публичного образования. Австрийские консерваторы считали, что государство зашло слишком далеко в расширении доступа в средние школы, что только отвращало способную молодежь от имевших важное значение сельскохозяйственного и ремесленного производства. В августе 1880 г. министерство религии и обучения приказало всем директорам гимназий и реальных школ представить подробные отчеты о результатах вступительных экзаменов на каждый курс и попытаться ограничить прием, убеждая родителей новых учащихся, особенно тех, кто обладал небольшими академическими способностями и находился в тяжелом материальном положении, обратиться к альтернативной системе профессионального образования²⁴.

Отклики директоров школ на декрет августа 1880 г. продемонстрировали всю сложность, связанную для центральных властей в Вене не только с изменением по сути народных представлений о среднем и высшем образовании, но даже с переменой образа действий местных школьных чиновников в их отношениях с общественностью. Как сообщали многие директора школ, крайне трудно отговорить родителей от записи детей в местную гимназию или реальную школу. Многие родители считали, что их сыновья приобретут больше знаний за несколько лет в академической средней школе, чем за 2 последних года в народной или городской школе, и спрашивали, почему их дети должны лишиться шанса поступить в гимназию или реальную школу на 1 или 2 года и только потом решать, был ли этот выбор правильным²⁵.

При правительстве Таафе министерство религии и обучения пыталось ограничить посещение академических средних школ уча-

шимися, конечный выбор которыми ученой профессии казался представителям министерства нереальным, и стремилось направить таких учащихся в профессиональные школы. Эта политика шла в разрез с реалиями существующей системы образования и сложившимся в обществе предпочтением гимназий и реальных школ, пусть даже посещаемых в течение лишь нескольких лет. Продолжая искать пути сдерживания роста числа учащихся средних школ, министерство в июне 1887 г. издало новые, ужесточенные правила приема. Теперь поступающие в академические средние школы должны были достигать десятилетнего возраста в течение того календарного года, на который приходилось начало первого семестра их учебы²⁶.

Доктор Пауль фон Гауч (Франкентурн), барон, высокопоставленный чиновник министерства религии и обучения, ставший в ноябре 1885 г. министром, предложил новый подход к ограничению распространения образования. Ссылаясь на небольшое количество учащихся, барон Гауч приказал в июле и августе 1887 г. закрыть ряд реальных школ и гимназий. По бюджетным соображениям министерство отменило государственные дотации управлявшимся общинами чешским средним школам, отказалось от планов увеличения числа государственных школ и отклонило требования поставить новые общинные провинциальные средние школы на баланс государственно-го бюджета²⁷.

Инициативы барона Гауча спровоцировали резкий общественный протест в затронутых им обсинах, а также со стороны представителей последних в рейхсрате. Чехи выступили против этих мер особенно резко, и император лично пытался разубедить чешских политиков в том, что школьная политика правительства направлена против чехов, хотя при этом он повторил свои собственные соображения по поводу того, что академические средние школы привлекают чрезмерное количество учащихся²⁸.

В 80–90-е гг. министерские власти Австрии сосредоточили свои усилия в первую очередь на вопросе поступления в академические средние школы. Возможно, министерство могло попытаться оказать давление на советы провинциальных школ и школьных инспекторов, чтобы те ужесточили требования на выпускных экзаменах и повысили процент провалившихся, но как было заставить директоров

школ и преподавателей принять эти изменения, когда они лично знали учащихся и должны были общаться с ними и их родителями?

В результате, австрийские высшие чиновники от образования отказались от попыток принципиально изменить требования к поступающим в высшие учебные заведения. Во-первых, введение дополнительных требований по приему в университеты и высшие технические училища (помимо факта успешного окончания соответствующей средней школы и сдачи выпускных экзаменов) противоречило бы основному предназначению гимназий и реальных школ – готовить студентов для системы высшего образования. Во-вторых, к 70-му, если уже не в 60-е гг., выпускные экзамены в гимназии или их эквивалент в реальной школе приобрели в австрийской академической культуре почти сакральное значение, аналогичное институту выпускных экзаменов (*Abitur*) в Германии, поскольку выступали в качестве основного фактора поступления в высшее учебное заведение.

Действовавшие законы и правила предусматривали несколько механизмов ограничения регистрационных списков в австрийских высших учебных заведениях. Студентам университетов и высших технических училищ была в целом обещана свобода в выборе курсов и преподавателей, но в каждом конкретном случае отдельные профессора могли налагать количественные ограничения на некоторые курсы лекций, семинары и практические занятия²⁹. Реагируя на переполненность учебных заведений и мотивируя это чрезвычайными обстоятельствами, чиновники от образования могли также ограничивать объемы регистрационных списков для отдельных учебных заведений. Иначе введение любых дополнительных требований для приема в университеты и высшие технические училища могло разрушить негласное соглашение с обществом по поводу функций гимназий, реальных школ и экзаменов в них.

Тем не менее, после 80-х гг. все еще велась активная дискуссия по поводу переполненности австрийских высших учебных заведений, особенно медицинских факультетов, а после 1900 г. – высших технических училищ. Министерство религии и обучения изменило требования к государственным экзаменам и экзаменам на получение степени, что подняло стандарты в некоторых областях;

но при этом нужды различных профессий и задачи интеллектуального прогресса пострадали от этих нововведений даже больше, чем от любых других консервативных социальных мер. Стремясь регулировать рост регистрационных списков, консервативные министерские чиновники встречали сильное сопротивление любым радикальным изменениям со стороны профессоров, профессиональных групп*, различных политических партий, общественности и часто считали разумным найти компромисс с интересами различных групп, а не бороться с ними.

Массовое увеличение регистрационных списков в начале 90-х годов вновь создало крайне напряженную ситуацию в австрийском высшем и среднем образовании. Учебные заведения с трудом выдерживали увеличение числа гимназистов в период с 1895 по 1910 гг. на 2/3, а числа учащихся реальных школ почти в 2 раза. Университеты за тот же период в результате роста числа ординарных студентов на 75% исчерпали свои резервы, а увеличение в 4 раза числа ординарных студентов в высших технических училищах повлекло за собой почти катастрофические последствия.

Министерство религии и обучения и другие инстанции ощущали растущую потребность общества в высшем и среднем образовании и постоянно слышали призывы реформировать учебный процесс. В декабре 1895 г. министерство под руководством барона Гауча вернулось к прежним методам борьбы с чрезмерным ростом регистрационных списков, издав еще один декрет, призывающий к еще более жестким требованиям на приемных экзаменах во всех средних школах³⁰. Согласно декрету, министр издал эти распоряжения в интересах непринятых "неподготовленных элементов" и повышения качества обучения. Однако, как и ранее, эти меры провалились³¹.

В самом деле, как отметил Х. Энгельбрехт, способность австрийских центральных властей диктовать характер и направление

*Поскольку в английском языке под "профессией" понимается род деятельности, требующий высшего образования и гарантирующий определенный социальный статус, к профессиональным группам традиционно относят юристов, врачей и т.п. (Прим. перев.)

политики в области образования с середины 90-х гг. постепенно уменьшалась³². Министерство религии и обучения все еще удерживало в своих руках основные полномочия по управлению средними школами, университетами и высшими техническими училищами, а министерские чиновники могли блокировать или по меньшей мере тормозить нежелательные изменения. Но теперь политика рейхсратов и провинциальных парламентов наряду с активизировавшейся в обществе дискуссией по проблемам образования оказывали сильное влияние на министерских чиновников, ограничивая свободу их действий.

На развитие образования начинали влиять массовые политические партии, хотя ни одна из них не рассматривала образование в качестве программного вопроса³³. Христианско-социальное движение не подготовило до первой мировой войны законченную программу в области образования, хотя последовательно стремилось к росту влияния католической церкви в сфере начального образования³⁴. Социал-демократы призывали к равенству доступа к свободному светскому публичному образованию, но сосредоточились в основном на его низших ступенях³⁵. Немецкие националисты и немецкие либералы, со своей стороны, все еще защищали обучение на немецком языке от наступления ненемецкоязычного образования, в то время как националистические партии чехов, словенцев, украинцев и более мелких этнических групп с конца 80-х гг. начали активную борьбу за распространение среднего и высшего образования на их родных языках.

На рубеже XIX–XX вв. министерские чиновники все чаще находили целесообразным подчиниться требованиям расширения системы образования, по меньше мере на уровне начальной и средней школы при условии, что правительство сможет найти необходимые средства и избежать столкновения оппозиционных сил. Каково бы ни было мнение отдельных наиболее консервативных чиновников о быстром распространении высшего и среднего образования, едва ли они могли рассчитывать на поддержку жестких мер в этой области. После бесплодной попытки ужесточить приемные экзамены в публичные гимназии и реальные школы министерские власти вплоть до начала первой мировой войны более не при-

нимали открытых мер по ограничению доступа к среднему образованию.

Значительный рост с начала 90-х годов регистрационных списков в университетах и особенно высших технических училишах и связанные с ним переполненность учебных заведений, высокие нагрузки на студентов и возможный переизбыток выпускников серьезно беспокоили профессоров и министерских чиновников, но как и в 80-е годы, доступ к высшему образованию и свобода выбора факультета или учебного заведения традиционно гарантировались всем сдавшим соответствующий выпускной экзамен. Истощив бюджетные ресурсы³⁶, министерство в 1893–1903 гг. одобрило меры по сокращению периода обучения студентов в университетах путем модернизации экзаменов и требований к соискателям степеней в некоторых областях знаний³⁷.

В марте 1900 г. был принят новый порядок государственных экзаменов, сокращавший период обязательного обучения для некоторых технических и инженерных специальностей³⁸, а после того, как общее число ординарных студентов и вольнослушателей в Венском высшем техническом училище в 1901–1902 гг. достигло 2525, министерство ввело в 1902 г. в приказном порядке ограничения на объем регистрационных списков в этом учебном заведении. В 1905 и затем снова в 1913 г. министерство наложило такие же ограничения на объем регистрационных списков в Немецком высшем техническом училище в Праге, в 1906 и 1908 гг. – в Высшем техническом училище в Граце, в 1912 г. – в Немецком высшем техническом училище в Брно, а в июле 1913 г. – еще раз в Венском высшем техническом училище³⁹.

В ответ на дискуссию, развернувшуюся между педагогами и определенными общественными кругами по поводу организации и учебных планов академических средних школ. в январе 1908 г. министерство приступило к упрощению выпускных экзаменов в гимназиях и реальных школах, постепенному снижению значения итоговых классных оценок и к определенной модернизации учебных планов классических гимназий. Центральные власти санкционировали также создание нового типа школ, восьмилетних реальных гимназий с углубленным изучением наук, латыни и современным языком

вместо греческого⁴⁰. Министерские чиновники очень неохотно приступили к рассмотрению проблемы предоставления женщинам равных возможностей в сфере публичного среднего образования.

Впервые женщины были приняты в качестве ординарных студенток в 1897–1898 гг. на философские, а в конце 1900 г. – на медицинские факультеты австрийских высших учебных заведений, но министерство разрешило им получать полное среднее образование и сдавать выпускной экзамен в их собственных школах только после 1910 г., когда существовавшие ранее 6–летние женские лицеи стали преобразовываться в 8–летние учебные заведения по типу реальных гимназий⁴¹.

В середине 90-х годов австрийские власти были вынуждены провести ряд важных преобразований в системе среднего и высшего образования, уступая давлению растущих потребностей общества. В среднем образовании главными нововведениями стали реформы учебных планов, создание новой реальной гимназии и новых учебных заведений для девочек. После 1902 г. министерство разрешило высшим техническим училищам присуждать докторские степени и провело серьезные преобразования в системе докторских государственных экзаменов и в программах ряда университетов и высших технических училищ.

Австрийские чиновники и преподаватели, осуществляя эти преобразования, искали пути обеспечения быстро растущего числа абитуриентов учебными местами. И тут они неизбежно отступали от прежних посылок реформаторов в середине XIX в., ориентировавших высшее и среднее образование на тщательно отобранныю мужскую интеллектуальную элиту. Несмотря на то, что обучение в гимназиях и реальных школах номинально все еще носило элитарный характер и номинально определялось прежними правилами приема, к середине 90-х гг. доступ в средние школы стал рассматриваться в обществе как всеобщее право. "Я тоже плачу налоги, и поэтому, также как и другие, имею право на образование своего сына в государственной гимназии", – заявил один из родителей, когда директор попытался отговорить менее способных молодых людей от записи в школу⁴².

Накануне первой мировой войны Австрия было все еще далеко до развития массового среднего образования, активизировавшегося позднее в XX в. Высшее и среднее образование все еще оставалось элитарным занятием, (см. Табл. 1). Показатели посещаемости демонстрируют более чем двукратное увеличение численности учащихся и студентов средних школ и университетов по сравнению с 1870 г. и увеличение в 4 раза посещаемости высших технических училиш. Возможно, некоторые высшие министерские чиновники и преподаватели сами по себе противостояли быстрому увеличению числа учащихся и открытию доступа к высшему и среднему образованию новым группам населения, в частности женщинам, но они были не в состоянии повернуть общие тенденции вспять.

Неудивительно, что на рубеже XIX–XX вв. в Австрии наблюдался острый конфликт между существующими академическими учреждениями и меняющимися потребностями современного общества. Дилемма была особенно острой, так как рост населения, экономические преобразования, формирование бюрократии обусловили во второй половине XIX в. значительное увеличение потребностей общества в высшем и среднем образовании и стимулировали быстро возникновение множества новых академических дисциплин и специализаций, особенно в медицине, естественных и прикладных технических науках. Это заставило жестко централизованную государственную систему высшего и среднего образования приспособиться к переменам гораздо скорее, чем можно было ожидать. Некоторые министерские чиновники и преподаватели порой пытались противостоять стремлению общества к переменам, порождаемому развитием экономики, прогрессом в области науки и техники, а существующая сеть учебных заведений и сложившаяся культура среднего и высшего образования служили своего рода буфером, тормозившим этот процесс. Однако ни чиновники ни педагоги не могли вечно не считаться с потребностями населения, профессиональных групп, предпринимательства, промышленности, равно как и с нуждами самого государства.

Примечания

¹ Schimmer G.A. Statistik der Lehranstalten des österreichischen Kaiserstaates für die Studienjahre 1851–1857. Tl. 2//Mittheilungen aus dem Gebiete der Statistik. 7. Heft 4. Wien, 1858. S. 20–21, 78–79 (ниже: Mittheilungen); K.K. Statistische Central-Commission. Statistisches Jahrbuch für das Jahr 1879. Wien, 1882. S. 84–117; Österreichische Statistik. Neue Folge. 7. Heft 3. 1913. S. 40–87 (ниже: Öster. Stat. N.F.) Все итоговые показатели в регистрационных списках средних учебных заведений учитывают как ординарных (“ordentliche”) учащихся, так и экстернов (“privatisten”).

² Schimmer Statistik der Lehranstalten. Tl. 1 // Mittheilungen. 7. Heft 1. 1858. S. 26–27, 125; Öster. N.F. 7. Heft 3. 1913. S. 2, 14. В статистических данных за 1851 г. отсутствуют сведения об учебных заведениях на территории северной Италии, вышедшей из состава Австрийской империи в результате объединения Италии в конце 50-х–60-е годы.

³ Статистические данные о регистрационных списках австрийских учебных заведений (см. в источниках, перечисленных в прим. 1 и 2, а также: Öster. Stat. 28. Heft 4. 1892. S. 2–17, 30–43; 68. Heft 3. 1903. S. 2–19, 32–49; N.F. 7. Heft 3. 1913. S. 2–17, 40–87. Сведения об общей численности населения см.: Urbanitsch P. Die Deutschen in Österreich. Statistisch-deskriptiver Überblick // Die Habsburgermonarchie/Hrsg. A. Wandruszka, P. Urbanitsch. Bd.3. Die Völker des Reiches. Tl. 1–3. Wien: Öster. Akademie der Wissenschaften, 1980. Tl. 1. S. 38 (Tafel 1).

⁴ Статистические сведения о возрастной структуре населения Австрии см.: Bevölkerung und Viehstand der im Reichsrathe vertretenen Königsreiche und Länder nach der Zählung vom 31. December 1869. Heft 3. Bevölkerung nach dem Alter. Wien, 1871. S. 14–461; Öster. Stat. 2. Heft 1. 1882. S. 530–65; 32, Heft 1. 1892. S. 178–83; 63. Heft 3. 1903. S. 14–33; N.F. 1. Heft 3. 1914. S. 2–39.

⁵ См. ссылки на источники в прим. 1, 2, 3 и 4. Поскольку в конце XIX в. учебный план в австрийских реальных школах был на год короче, чем учебный план гимназий, основной возрастной группой, из которой набирались студенты в австрийские высшие технические училища, были люди в возрасте 18–22 лет.

⁶ Haan H. von. Statistische Streiflichter zur österreichischen Hochschulfrequenz//Statistische Monatsschrift. N.F. 22. 1917. S. 159.

⁷ Показатель для Германии см.: Ringer F.K. Education and Society in Modern Europe. Bloomington; London: Indiana Univ. Press, 1979. P. 291–92.

⁸ Haan. Statistische Streiflicher. S. 157, 169.

⁹ Источниками для Табл. 3 и дальнейшего анализа регистрационных списков высших и средних учебных заведений послужили: Schimmer. Statistik der Lehranstalten //Mittheilungen. 7. Heft 1. 1858. S. 32–33; Heft 4. 1858. S. 32–37; Statistisches Jahrbuch für das Jahr 1869. S. 334–87; Statistisches Jahrbuch für das Jahr 1879. S. 11–117; Öster. Stat. 28. Heft 4. 1892. S. 2–43; 68. Heft 3. 1903. S. 2–49; N.F. 7. Heft 3. 1913. S. 2–87. Сравнительная характеристика национального состава населения Цислейтании основана на статистических данных австрийских цензов. См.: Urbanitsch. Die Deutschen in Österreich. S. 38–39, 54–55 (Tafeln 1; 5). Öster. Stat. 32. Heft 1. 1892. S. XVII–XIX; 63. Heft 1. 1902. S. XXXII–XXXIII. В австрийский ценз 1869 г. вопрос о национальности и языке формально включен не был; но с 1880 г. вплоть до распада монархии австрийские цензы включали вопрос о разговорном, обиходном языке (*Umgangssprache*), который традиционно считался показателем этнической или национальной принадлежности. Заполняя вопросы цензов, главы семей могли указать любой мало-мальски знакомый им язык в качестве обиходного вне зависимости от своего происхождения или вероисповедания. См.: Cohen G.B. Politics of Ethnic Survival: Germans in Prague, 1861–1914; Princeton, N.J.: Princeton Univ. Press, 1981. P. 88–91; Brix E. Die Umgangssprachen in Altösterreich zwischen Agitation und Assimilation. Wien; Köln; Graz: Böhlau, 1982.

¹⁰ См. ссылки на статистические источники в прим. 9, а также: Urbanitsch. Die Deutschen in Österreich. S. 88–89.

¹¹ Эти расчеты учитывают только студентов, заявивших в регистрационных формулярах о своей принадлежности к иудаизму. Статистические данные взяты из источников, указанных в прим. 9: данные о религиозной структуре населения см.: Öster. Stat. 32. Heft 1. 1892. S. XVII–XIX, 130–31; 63. Heft 1. 1902. S. XXXII–XXXV; Urbanitsch. Die Deutschen in Österreich. S. 54 (Tafel 5).

¹² Данные по возрастной структуре различных религиозных групп недоступны, но если мы предполагаем более низкий уровень рождаемости и несколько большее число людей старшего возраста среди более урбанизированных австрийских евреев и протестантов по сравнению с католиками, то масштабы гораздо более высокого по сравнению с другими представительства этого еврейского и про-

тестантского меньшинства в среднем образовании видятся даже большими, чем на основе сравнения общей численности этих групп населения. Общие сведения по естественному приросту населения по провинциям в 1871—1913 гг. см.: *Urbanitsch. Die Deutschen in Österreich. S. 42—43 (Tafel 3).*

13 Статистические данные о регистрационных списках высших учебных заведений см. в источниках, указанных в прим. 9.

14 В эти статистические сведения, опирающиеся на полные опубликованные регистрационные списки, никаких поправок на представительство иностранных студентов внести нельзя; но даже учет немецкоязычных студентов из Германии и Венгрии или словаков из Венгрии, которые могли зарегистрироваться как чешскоязычные, оказало бы весьма небольшое влияние на показатели представительства немцев и чехов в 1910 г. (при относительно небольшом объеме регистрационных списков иностранцев в этом году). Число студентов университетов и высших технических училищ Австрии в конце XIX в., которые в соответствии со своим родным языком записались как чехи, или "чехо-славяне" ("Czecho-Slaven") в немецкоязычных регистрационных списках, всегда включало определенное количество словаков из Королевства Венгрия, но их численность была столь мала, что мы можем считать статистические сведения об увеличении числа чехов в регистрационных списках высших учебных заведений вполне достоверными.

15 Например, в зимний семестр 1879—1880 гг. среди 1057 одинарных студентов и вольнослушателей Лембергского университета было 14 подданных Российской империи, а среди 707 студентов Krakovского университета — 30 российских и 13 германских подданных (*Statistisches Jahrbuch für das Jahr 1879. S. 18—19*). В зимний семестр 1909—1910 гг. среди 4710 студентов Лембергского университета было 15 германских и 174 российских подданных, а среди 3250 студентов Krakовского университета — 37 германских и 639 российских подданных (*Öster. Stat. N.F. 7. Heft 3. S. 2—5*). В каждом из этих университетов студентов, декларировавших в качестве своего родного языка немецкий, было немного, поэтому можно совершенно определенно утверждать, что подавляющее большинство студентов из Германии и России составляли польские католики, украинцы, евреи, и, возможно, небольшое число русских. Опубликованные австрийские статистические данные совершенно не учитывают численность студентов с родным русским языком.

16 Например, в зимний семестр 1909—1910 гг., только 837 одинарных студентов и вольнослушателей австрийских университе-

тов зарегистрировали в качестве своего родного языка сербский или хорватский. Вероятно, более половины этих студентов составляли иностранные граждане: среди всех студентов австрийских университетов в этот семестр 312 были гражданами Хорватии—Словении, 145 — Боснии—Герцеговины и 127 — Сербии, хотя мы не можем предполагать, что для всех хорватский или сербский был их родным языком. В австрийских высших технических училишах зимой 1909—1910 гг. было зарегистрировано 238 ординарных студентов и вольнослушателей, декларировавших в качестве родного сербский или хорватский язык; 116 из общего числа студентов высших технических училиш были гражданами Хорватии—Словении. 31 — Боснии—Герцеговины и 10 — Сербии. (Oster. Stat. N.F. 7. Heft 3. S. 2—4, 14—16).

17 Эти статистические данные взяты из образцов регистрационных записей Венского и Пражского университетов. Образцы систематически отбирались из полных, составленных в алфавитном порядке "списков слушателей" (*Katalogen der Hörer*). Эти списки, находящиеся в *Archiv der Universität Wien* и *Archiv University Karlovych, Praha*, не учитывают вольнослушателей (*ausserordentliche/mimorádny*). Различные виды профессиональной деятельности объединены в статье в более широкие социальные категории согласно классификации, предложенной в *Jarausch K.H. Students, Society, and Politics in Imperial Germany*. Princeton, N.J.: Princeton Univ. Press. 1982. Регистрационные записи за 4 отдельных семестра, взятые с 10— или 20-летним интервалом, были отобраны с целью анализа временных циклов, а не выявления единого образца (модели) регистрационных записей для каждого учреждения в течение длительного периода времени, как это сделал Ярауш. В соответствующем временном контексте 1879—1880, 1899—1900 и 1909—1910 гг. представляются наиболее типичными для демографического развития и системы образования в Австрии.

18 Эти статистические данные взяты из образцов регистрационных записей в высших технических училишах Вены и Праги. Образцы систематически отбирались из полных, составленных в алфавитном порядке "списков слушателей" (*Katalogen der Hörer/Katalogy posluchačů*). Списки находятся соответственно в: *Archiv der Technischen Universität Wien* и *Archiv Českého vysokého učení technického, Praha*.

19 Die vor- und nachmärzliche Mittelschule Österreichs. Wien: A. Pichler, 1889. S. 31—32; также процитировано в: Engelbrecht H. Zur Organisation der österreichischen Sekundarschulen in der

zweiten Hälfte des 19. Jahrhunderts // Jahresbericht des Bundesgymnasiums Krems 1975/76. Krems, 1976. S. 45.

20 Ср. вопросы, поднятые доктором Адольфом Фикером, директором департамента административной статистики министерства религии и обучения, в его меморандуме министру от 8. VIII. 1870, опубликованном в: *Verhandlungen der Gymnasial-Fnquéte-Commission im Herbst 1870*. Wien: K.K. Ministerium für Cultus und Unterricht, 1871. S. 3–14 (ниже: *Verhandlungen*).

21 Verordnung des Ministers für Cultus und Unterricht vom 14. März 1870 (Z. 2370) // Verordnungsblatt für den Dienstbereich des Ministeriums für Cultus und Unterricht Jahrgang 1870. Wien: K.K. Hof- und Staatsdruckerei, 1870. S. 173, 230–31. 7 IV. 1878 в эти правила были внесены изменения (Z. 5416), предусматривающие только устный экзамен по богословию, который можно было отменить в том случае, если студент получил в народной школе по этому предмету оценку "хорошо" или выше.

22 *Verhandlungen*. S. 27–54.

23 Schimmer G.A. Der Gymnasial-Besuch in Vergleichung zu den Jahres-Generationen und den Maturitäts-Prüfungen // *Statistische Monatsschrift*. 5. 1879. S. 356–58.

24 Ministerium für Kultus und Unterricht /KUM/. Ministerial-Erlass. 20. VIII. 1880. № 12050, опубликовано в: *Wiener Zeitung*, 28.VIII.1880.

25 Эти аргументы постоянно повторялись в докладах директоров государственных гимназий. См.: *Allgemeines Verwaltungsarchiv* (ниже: AVA) Wien KUM, in gen., Z. 17460/1880, Z. 17623/1880.

26 KUM Ministerial-Erlass. 3.VI.1887. Характеристику см.: Malfertheiner A. Vergleichende Statistik des Unterrichtserfolges der österreichischen Gymnasien. Wien: A. Pichler, 1897. S. 23.

27 Kazbunda K. Krise české politiky a vídeňská jednání o t. zv. punktace roku 1890 // Český časopis historický. 40. 1934. S. 88–89, 94–96.

28 Kazbunda K. Krise české politiky. S. 94–96.

29 Fuchs E. Wien ein Augenarzt die Welt sah. Selbstbiographie und Tagebuchblätter/Hrsg. A. Fuchs. Wien: Urban und Schwarzenberg, 1946. S. 85.

30 AVA Wien KUM 10 D 1 in gen, Z. 30011/1895, 16.XII.1895.

31 Engelbrecht H. *Geschichte des österreichischen Bildungswesens*. Bd. 1–5. Wien : Österreichischer Bundesverlag, 1982–88. Bd. 4. S. 177–178.

32 Ibid. Bd. 4. S. 30. Историческая литература, посвященная политике и административной деятельности в области образования в Австрии в 1897–1914 гг., крайне ограничена.

33 См.: Engelbrecht. *Geschichte des öster. Bildungswesens*. Bd. 4. S. 16–18, 29–31, 177–78.

34 О взглядах христианско-социальной партии на политику в области образования в конце 90-х гг. см.: Boyer J.W. *Political Radicalism in Late Imperial Vienna*. Chicago: Univ. of Chicago Press, 1981. P. 149–54. В содержательной работе Р. Кнолла (Knoll R. *Zur Tradition der Christlich-Sozialen Partei// Studien zur Geschichte der Österreichisch-ungarischen Monarchie*. Bd. 13. Wien; Köln; Graz: Böhlau, 1973) политика в области образования практически не рассматривается.

35 Engelbrecht. *Geschichte des öster. Bildungswesens*. Bd. 4. S. 16–18 О принципах образовательной политики австрийских социал-демократов см.: Weideholzer J. *Auf dem Weg zum ‘Neuen Menschen’. Bildungs- und Kulturarbeit der österreichischen Sozialdemokratie in der Ersten Republik // Schriftenreihe des Ludwig Boltzmann Instituts für Geschichte der Arbeiterbewegung*. Bd. 12. Wien; München; Zürich: Europaverlag, 1981. S. 40–51; Rothschild K.W. *Bildung, Bildungspolitik, und Arbeiterbewegung//Geschichte und Gesellschaft. Festschrift für Karl R. Stadler/Hrsg. G. Botz, H. Hautmann, H. Konrad*. Wien, 1973. S. 339–41.

36 См.: Engelbrecht. *Geschichte des öster. Bildungswesens*. Bd. 4. S. 232–4; *Stručné dějiny University Karlovy/F. Kavka*. Praha: Univerzita Karlova, 1964. S. 222–42, 248–52.

37 Общую характеристику реформ университетских учебных планов и экзаменационных систем на рубеже XIX–XX вв. см.: Engelbrecht. *Geschichte des öster. Bildungswesens*. Bd. 4. S. 232–34.

38 В новых правилах требование обязательного обучения в течение четырех семестров для сдачи первого государственного экзамена было сохранено, , а минимальное число дополнительных семестров, необходимых для подготовки ко второму экзамену по общему и гражданскому машиностроению было снижено с 6 до 5. Сохранялось также старое требование обучения в течение как минимум четырех семестров между первым и вторым экзаменами по машиностроению и химической технологии. См.: *Die k. k. deutsche*

technische Hochschule in Prag 1806–1906 / Hrsg. F. Stark. Prag, 1906, S. 236–41, 257; Lomič V., Horská P. Dějiny českého vysokého učení technického. Praha: České vysoké učení technické v Praze, 1973–78. I. Č. 2. S. 262–66.

39 О соответствующих распоряжениях министерства см.: Jähnl W. *Vorschriften für die Technischen Hochschulen Österreichs*. Wien, 1916. S. 433–37. О динамике изменения объемов регистрационных списков в австрийских высших технических училишах и введении ограничений для этих списков см.: Wurzer R. *Die Stellung der Technischen Hochschule Wien im Ablauf ihrer Geschichte// 150 Jahre Technische Hochschule Wien/Hrsg. H. Sequenz, Bd. 1–3*. Wien: Technische Hochschule Wien, 1965–67 . Bd. 1. S. 48–66, 78, 83–87.

40 Подробнее о нововведениях в области среднего образования в 1908 г. см.: Engelbrecht. *Geschichte des öster. Bildungswesens*. Bd. 4. S. 182–185; а характеристику соответствующей практики см.: Frankfurter S. *Verlauf und Ergebnisse der Mittelschulenquête des Unterrichtsministeriums 21–25. Jänner 1908 and andere Beiträge zur Geschichte der österreichischen Mittelschulreform*. Wien, 1910. Drtina F. *Aus der Mittelschulenquête. Separatabdruck aus der "Čechischen Revue"*. Prag., 1908. (на эти работы ссылается Энгельбрехт). Открытие новой реальной гимназии было санкционировано приказом министерства Z. 34180 от 8.VIII.1908 г.; см.: Safránek J. *Reálné Gymnasium. Obraz jeho vzniku, vývoje a osudu* Praha, 1913. S. 3–4.

41 О развитии среднего и высшего женского образования в Австрии см.: Engelbrecht. *Geschichte des öster. Bildungswesens*. Bd. 4. S. 278–94; *Frauenstudium und akademische Frauenarbeit in Österreich/Hrsg. M. Forkl, E. Koffmann Wien; Stuttgart: W. Braumüller*, 1968; "Durch Erkenntnis zur Freiheit und Glück..." *Frauen an der Universität Wien (ab 1897) //Hrsg. W. Heindl, M. Tichy. Wien: WUV-Universitätsverlag*, 1990; Lind A. *Das Frauenstudium im Österreich, Deutschland und in der Schweiz. Diss. der Rechts- und Staatswiss. Fakultät, Universität Wien*, 1961.

42 AVA Wien KUM 10 D 1 in gre. Z. 17460/1880, K.K. Statthalter von Steiermark als Vorsitzender des Landesschulrats. Graz, Nr. 6877, 12.XI.1880; Bericht des K. K. 2. Gymnasiums in Graz an den Landesschulrat. Nr. 5935. 4. X. 1880.

Таблица 1. Показатели регистрационных списков в австрийском среднем и высшем образовании, 1851-1910 гг.

Гимназии, реальные гимназии и реальные школы.

В конце учебного года	Всего зарегистрировано (ординарных учащихся и экстернов)	На 1000 общей численности населения
1850-51*	25630	1,46
1860-61**+	36262	1,99
1869-70*	43734	2,15
1879-80	65935	3,03
1889-90	71295	3,04
1899-1900	95914	3,74
1909-10	140545	5,03

Университеты и высшие технические училища.

В конце зимнего семестра	Всего ординарных студентов в университетах	На 1000 общей численности населения	Всего ординарных студентов в ВТУ**	На 1000 общей численности населения
1850-51*	5646	0,32	2799	0,16
1860-61**+	4796	0,26	2341	0,13
1869-70*	7904	0,39	1841	0,09
1879-80	8114	0,37	2988	0,14
1889-90	12421	0,53	1608	0,069
1899-1900	14331	0,56	4843	0,19
1909-10	23068	0,82	10110	0,36

* - Цензы 1851, 1857 и 1869 гг. в статистических данных об общей численности населения учитывали только гражданское население.

♦ - Статистические данные об общей численности населения взяты из австрийского ценза 1857 г.

** - Здесь и ниже ВТУ - высшее техническое училище (прим. переводчика).

Таблица 2. Показатели регистрационных списков в австрийском среднем и высшем образовании по возрастным группам, 1870-1910 гг.

Гимназии, реальные гимназии и реальные школы.

В конце учебного года	Всего зарегистрировано (ординарных учащихся и экстернов)	На 1000 чел. в возрастной группе 11-18 лет
1869-70	43734	14,09
1879-80	65935	19,52
1889-90	71295	19,04
1899-1900	95914	23,41
1909-10	140545	30,57

Университеты и высшие технические училища.

В конце зимнего семестра	Всего ординарных студентов в университетах	На 1000 чел. в возрастной группе 19-22 года	Всего ординарных студентов в ВТУ	На 1000 чел. в возрастной группе 18-22 года
1869-70	7904	5,53	1841	1,02
1879-80	8114	5,15	2988	1,53
1889-90	12421	7,59	1608	0,79
1899-1900	14331	7,81	4843	2,16
1909-10	23068	12,08	10110	4,19

Таблица 3. Родной язык учащихся австрийских академических средних школ, 1857-1910.^{*}

Часть А. Данные регистрационных списков средних школ в %.

Конец учебного года	Всего	Немцы	Чехи	Поляки	Украинцы
1856-57 **					
Гимназии	21002	42,6	21,7	11,6	7,8
Реальные школы	7127	60,9	11,2	4,3	0,27
Всего	28129	47,2	19,0	9,7	5,9
1869-70					
Гимназии	30497	43,8	21,4	18,7	6,1
Реальные школы	13237	60,6	24,2	6,7	0,4
Всего	43734	48,9	22,3	15,0	4,4
Конец учебного года	Всего	Немцы	Чехи	Поляки	Украинцы
1879-80					
Гимназии	47968	43,8	29,1	15,6	3,8
Реальные школы	17967	56,0	27,7	7,8	0,6
Всего	65935	47,2	28,7	13,5	2,9
1889-90					
Гимназии и реальные гимназии	52911	43,2	26,6	17,4	4,1
Реальные школы	18384	61,3	23,9	6,1	0,3
Всего	71295	47,9	25,9	14,5	3,1

* - Итоговые показатели регистрационных списков учитывают как ordinariных учащихся, так и экстернов. То же относится к табл.4.

Словенцы/сербы /хорваты		Итальянцы	Румыны	Венгры	Евреи**
Словенцы	Сербы/Хорваты				
6,3	4,3	0,7	-	4,4	
2,2	1,4	-	1,3	7,8	
5,3	3,6	0,5	0,6	5,3	
5,7	3,1	-	-		
2,5	4,4	-	0,8		
4,7	3,5	0,6	0,5		
Словенцы	Сербы/Хорваты	Итальянцы	Румыны	Венгры	
2,6	1,2	2,7	0,6	0,5	
1,0	0,6	4,9	-	0,9	
2,2	1,0	3,3	0,5	0,6	
3,2	1,2	3,1	0,6	0,3	
1,3	0,8	5,3	0,2	0,5	
2,7	1,1	3,7	0,5	0,4	

** - Статистические данные австрийского правительства о развитии образования за 1856-1857 гг. включали категорию "национальность", а не "родной язык" учащихся, а также рассматривали евреев ("израэлитов") как отдельную национальность.

Таблица 3. Продолжение.

Конец учебного года	Всего	Немцы	Чехи	Поляки
1899-1900				
Гимназии и реальные гимназии	64647	41,3	22,4	20,9
Реальные школы	31267	50,0	34,4	8,2
Всего	95914	44,1	26,4	16,7
1909-10				
Гимназии и реальные гимназии	94278	37,4	17,3	28,0
Реальные школы	46267	50,2	34,4	7,8
Всего	140545	41,6	22,9	21,4
Ценз 1910 г.. язык	35,6	23,0	17,8	

Таблица 3.

Часть Б. Распределение учащихся средних учебных заведений по языкам (на 1000 общей численности населения), 1880-1910 гг.
(по данным регистрационных списков).*

Конец учебного года	Всего	Немцы	Чехи	Поляки
1879-80	3,03	3,88	3,65	2,74
1889-90	3,04	4,04	3,37	2,78
1899-1900	3,74	4,61	4,24	3,77
1909-10	5,03	5,88	5,01	6,05

* Итоговые показатели регистрационных списков учитывают как ординарных учащихся, так и экстернов.

То же относится к Табл.4.

Украинцы	Словенцы	Сербы/Хорваты	Итальянцы	Румыны	Венгры
5,2	3,9	1,8	3,2	0,9	0,2
0,7	1,2	1,0	3,9	0,2	0,2
3,7	3,0	1,5	3,4	0,7	0,2
12,6	4,5	2,8	2,8	1,0	0,04

Украинцы	Словенцы	Сербы/Хорваты	Итальянцы	Румыны	Венгры
0,68	1,25	1,16	3,29	1,81	38,9
0,71	1,65	1,20	3,88	1,78	30,2
1,06	2,45	2,01	4,48	2,93	23,0
2,29	3,05	2,26	6,01	4,03	22,8

Таблица 4. Вероисповедание учащихся австрийских академических средних школ, 1857-1910 гг.^{*}

Часть А. Данные регистрационных списков средних школ в %.

Конец учебного года	Всего (100%)	Католики	Униты	Православные	Лютеране	Кальвинисты	Иудеи
1856-57							
Гимназии	21002	87,0	6,0	1,0	1,1	0,3	4,4
Реальные школы	7127	90,1	0,3	0,2	1,4	0,2	7,8
Всего	28129	87,8	4,5	0,8	1,2	0,3	5,3
1869-70							
Гимназии и реальные гимназии	30497	80,8	5,9	1,4	1,1	0,3	10,2
Реальные школы	13237	87,6	0,4	0,5	1,4	0,3	9,4
Всего	43734	82,9	4,3	1,2	1,2	0,3	10,0
Конец учебного года	Всего	Всего католиков		Православные	Всего протестантов		Иудеи
1879-80							
Гимназии и реальные гимназии	47968		81,8	1,1		2,4	14,6
Реальные школы	17967		81,5	0,5		3,4	14,6
Всего	65935		81,7	1,0		2,7	14,6
1889-90							
Гимназии и реальные гимназии	52911		81,9	1,0		2,7	14,3
Реальные школы	18384		80,9	0,4		4,4	14,1
Всего	71295		81,6	0,9		3,3	14,3
1899-1900							
Гимназии и реальные гимназии	64647		82,7	1,6		2,2	13,4
Реальные школы	31267		82,4	0,3		4,2	13,0
Всего	95914		82,6	1,1		2,9	13,3
1909-10							
Гимназии и реальные гимназии	94278		78,6	2,0		2,9	16,4
Реальные школы	46267		83,6	0,3		4,6	11,3
Всего	140545		80,2	1,5		3,5	14,7
(Ценз 1910 г.)		90,8	2,3		2,1		4,6

* - Итоговые показатели регистрационных списков учитывают как ordinарных учащихся, так и экстернов.

Таблица 4.

Часть Б.

Деление учащихся средних учебных заведений по вероисповеданию (итоговые показатели регистрационных списков на 1000 населения, исповедующего данную религию), 1869/1870 гг. - 1909-1910 гг.

Конец учебного года	Зарегистрировано	На 1 тыс.	Всего католиков	Православные	Всего протестантов	Иудеи
1869-70	43734	2,14	3,0	1,09	2,81	5,32
1879-80	65935	3,03	2,66	1,28	4,39	9,59
1889-90	71295	3,04	2,68	1,14	5,11	8,89
1899-1900	95914	3,67	3,33	1,81	5,57	10,41
1909-10	140545	4,92	4,34	3,08	8,26	15,72

Таблица 5. Родной язык студентов австрийских университетов.

Часть А. В процентах от общего количества ординарных студентов и вольнослушателей.

Зимний семестр	Всего зарегистрировано	Национальность/Родной язык						
		Немцы	Чехи	Поляки	Украинцы	Словенцы/ Сербы/ Хорваты	Венгры	Евреи*
1856-57**	5340	38,1	19,9	8,9	5,6	6,3	7,3	9,4
1869-70	8992	45,6	20,2	14,6	5,8	5,4	4,8	-
Родной язык								
Зимний семестр	Всего зарегистрировано	Немецкий	Чешский	Польский	Украинский	Словенский	Сербский/ Хорватский	Венгерский
1879-80	9561	47,5	16,0	16,6	5,0	2,0	2,8	4,2
1889-90	15121	45,4	21,4	15,4	3,8	1,0	3,0	3,1
1899-1900	17209	46,5	20,5	17,3	3,8	2,2	3,6	0,8
1909-10	27531	40,5	16,4	24,4	5,4	2,0	3,0	0,6
(Численность населения по цензу 1910 г.:		35,6	23,0	17,8	12,6	4,5	2,8	0,04
								2,8)

* - Итоговые показатели регистрационных списков за 1856-1857 гг. относятся к университетам, расположенным на входивших в Цислейтианию после 1867 г. территориях. Именно в 1856-1857 гг., в отличие от последующих лет, также проанализированных в данной таблице, правительственная статистика в области образования делила студентов по национальностям, а не на основе категории родного языка, а евреи ("израэлиты") рассматривались как отдельная национальность. (То же относится к табл. 6А, 7А, 8А.)

Таблица 5.

Часть Б. Родной язык ординарных студентов и вольнослушателей университетов (показатель на 1000 населения с соответствующим родным языком).

Зимний семестр	Всего зарегистрировано	Родной язык								
		Немецкий	Чешский	Польский	Украинский	Словенский	Сербский/Хорватский	Венгерский	Итальянский	
1869-70+	0,44									
1879-80	0,43	0,57	0,30	0,49	0,17	0,17	0,47	41,1	0,48	
1889-90	0,64	0,81	0,59	0,62	0,18	0,13	0,71	58,1	0,67	
1899-1900	0,67	0,87	0,59	0,70	0,20	0,32	0,86	14,2	0,72	
1909-10	0,98	1,12	0,70	1,35	0,42	0,43	1,07	15,2	0,85	

* - Австрийский цens 1869 г. не оперировал никакими языковыми категориями, а в цens 1880 г. статистические сведения о разговорном языке были включены снова. (То же относится к табл. 6Б, 7Б).

Таблица 6. Вероисповедание студентов австрийских университетов.

Часть А. В % от общего количества ординарных студентов и вольнослушателей.

Зимний семестр	Всего зарегистрировано	Вероисповедание			
		Католики	Иудеи	Протестанты	Православные
1856-57*	5340	83,3	9,4	5,7	1,4
1869-70	8992	79,7	12,6	3,7	1,8
1879-80	9561	78,1	15,2	3,4	2,8
1889-90	15121	71,8	20,1	4,0	3,3
1899-1900	17209	76,7	16,7	3,3	2,9
1909-10	27531	75,0	17,5	3,4	3,1
(Численность населения по цензу 1910 г.:	90,8	4,6	2,1	2,3	

Часть Б. Вероисповедание ординарных студентов и вольнослушателей университетов (показатели на 1000 населения, исповедующего данную религию).

Зимний семестр	Всего студентов на 1000 населения	Вероисповедание			
		Католики	Иудеи	Протестанты	Православные
1869-70*	0,44	0,38	1,38	0,92	0,36
1879-80	0,43	0,37	1,44	0,81	0,53
1889-90	0,64	0,50	2,66	1,37	0,91
1899-1900	0,67	0,56	2,34	1,15	0,81
1909-10	0,98	0,80	3,67	1,58	1,27

* - См. соответствующее примечание к Табл. 5А.

* - См. соответствующее примечание к Табл. 6Б.

Таблица 7. Родной язык студентов австро-венгерских высших технических училищ.
Часть А. В % от общего количества ординарных студентов и
вольнослушателей.

Зимний семестр	Всего зарегистрировано	Национальность/Родной язык							
		Немцы	Чехи	Поляки	Украинцы	Словенцы/ Сербы/ Хорваты	Венгры	Евреи [*]	
1856-57*	2475	37,2	19,1	15,4	0,7	3,2	10,3	12,3	
1869-70	2317	41,9	14,5	26,0	1,1	5,0	4,2	-	
Родной язык									
Зимний семестр	Всего зарегистрировано	Немецкий	Чешский	Польский	Украинский	Словенский	Сербский/ Хорватский	Венгерский	Итальянский
1879-80	3236	48,5	28,8	11,1	0,3	1,0	2,1	5,0	1,9
1889-90	1798	52,6	23,6	12,8	0,6	1,0	2,1	2,7	2,3
1899-1900	5334	50,6	27,1	14,9	0,8	0,5	2,0	0,9	1,9
1909-10	10805	43,0	30,8	16,5	0,8	0,9	2,2	0,2	1,9
(Численность населения по центру 1910 г.:		35,6	23,0	17,8	12,6	4,5	2,8	0,04	2,8)

Часть Б. Родной язык ординарных студентов и вольнослушателей высших технических училищ (показатель на 1000 населения с соответствующим родным языком).

Зимний семестр	Всего зарегистрировано	Родной язык							
		Немецкий	Чешский	Польский	Украинский	Словенский	Сербский/ Хорватский	Венгерский	Итальянский
1869-70*	0,11								
1879-80	0,15	0,20	0,18	0,11	0,004	0,03	0,12	16,4	0,09
1889-90	0,08	0,11	0,08	0,06	0,004	0,02	0,06	5,9	0,06
1899-1900	0,21	0,29	0,24	0,19	0,013	0,02	0,15	5,0	0,14
1909-10	0,39	0,47	0,52	0,36	0,023	0,08	0,30	1,6	0,26

* - См. соответствующее примечание к Табл. 5A.

† - См. соответствующее примечание к Табл. 5Б.

Таблица 8. Вероисповедание студентов австрийских высших технических училищ.

Часть А. В % от общего количества ординарных студентов и вольнослушателей.

Зимний семестр	Всего зарегистрировано	Вероисповедание			
		Католики	Иудеи	Протестанты	Православные
1856-57*	2475	79,6	12,3	6,2	1,9
1869-70	2317	84,1	9,7	3,9	1,2
1879-80	3236	76,6	16,8	4,6	1,7
1889-90	1798	75,2	15,9	6,0	2,7
1899-1900	5334	74,9	17,8	6,0	1,0
1909-10	10805	77,2	14,2	5,1	1,7
(Численность населения по цензу 1910 г.:		90,8	4,6	2,1	2,3

Часть Б. Вероисповедание ординарных студентов и вольнослушателей высших технических училищ (показатели на 1000 населения, исповедующего данную религию).

Зимний семестр	Всего студентов	Вероисповедание			
		Католики	Иудеи	Протестанты	Православные
1869-70	0,11	0,10	0,27	0,25	0,06
1879-80	0,15	0,12	0,54	0,37	0,11
1889-90	0,08	0,06	0,25	0,24	0,09
1899-1900	0,21	0,17	0,78	0,65	0,09
1909-10	0,39	0,32	1,17	0,93	0,28

* - См. Соответствующее примечание к Табл. 5А.

Таблица 9. Социальное происхождение немцев-христиан, чехов-христиан и евреев - ординарных студентов Венского и Пражского Университетов, 1880-1910 г.

Университет/ Зимний семестр	Имеющие собственность (в %)	Имеющие образование (в %)	Низший средний класс Старый+новый=	Неквали- фицированные рабочие
ВЕНА*				
Чехи-христиане (включая студентов без указания конфессии)				
1879-80 (n=39)	15,4	15,4	46,2+10,3=56,5	12,8
1899-1900 (n=22)	13,6	18,2	36,4+27,3=63,7	4,6
1909-10 (n=26)	15,4	26,9	42,3+15,4=57,7	0
Немцы-христиане (и студенты без указания конфессии)				
1879-80 (n=249)	18,9	42,6	20,5+14,5=35,0	3,6
1899-1900 (n=299)	14,7	37,1	20,1+19,7=39,8	8,4
1909-10 (n=362)	17,0	39,1	18,0+20,2=38,2	5,8
Евреи				
1879-80 (n=160)	16,2	11,2	55,0+12,5=67,5	5,0
1899-1900 (n=150)	17,3	15,3	49,3+15,3=64,6	1,3
1909-10 (n=228)	14,5	19,7	46,5+18,0=64,5	0,9
ПРАГА*				
Чехи-христиане (и студенты без указания конфессии)				
Пражский Университет/ 1859-60 (n=328)	8,8	17,4	58,2+9,8=68,0	4,9
Пражский Университет/ 1879-80 (n=479)	7,5	19,8	53,0+9,8=62,8	9,6
Чешский Университет/ 1899-1900 (n=456)	7,5	20,2	42,3+20,0=62,3	9,4
Чешский Университет/ 1909-10 (n=458)	7,0	20,7	38,0+24,0=62,9	9,2

* - "n" обозначает количество людей в каждой конкретной группе.

+ - "n" обозначает количество людей в каждой конкретной группе. Состав студентов-евреев после 1882 г. проанализирован только для Немецкого Университета, так как в Чешском Университете евреи были представлены в регистрационных списках очень слабо.

Таблица 9. Продолжение.

Университет/ Зимний семестр	Имеющие собственность (в %)	Имеющие образование (в %)	Низший средний класс Старый+новый= сумма (в %)	Неквалифи- цированные рабочие
ПРАГА*				
Немцы-христиане (и студенты без указания конфессии)				
Пражский Университет/ 1859-60 (n=239)	5,9	37,7	$34,3+15,5=49,8$	4,6
Пражский Университет/ 1879-80 (n=188)	15,4	40,4	$26,6+11,7=38,3$	5,3
Немецкий Университет/ 1899-1900 (n=613)	16,5	29,9	$29,5+19,2=48,7$	4,6
Немецкий Университет/ 1909-10 (n=541)	9,1	27,7	$27,7+27,0=54,7$	7,6
Евреи				
Пражский Университет/ 1859-60 (n=54)	7,4	9,3	$72,2+9,3=81,5$	0
Пражский Университет/ 1879-80 (n=92)	10,9	16,3	$55,4+14,1=69,5$	3,3
Немецкий Университет/ 1899-1900 (n=295)	14,6	18,0	$54,9+11,5=66,4$	0,34
Немецкий Университет/ 1909-10 (n=152)	15,1	23,7	$43,4+17,1=60,5$	0,66

* - "n" обозначает количество людей в каждой конкретной группе. Состав студентов-евреев после 1882 г. проанализирован только для Немецкого Университета, так как в Чешском Университете евреи были представлены в регистрационных списках очень слабо.

Таблица 10. Социальное происхождение немцев-христиан, чехов-христиан и евреев - ординарных студентов Венского и Пражского Высших технических училищ, 1880-1910 гг.

Высшее техническое училище/ Зимний семестр	Имеющие собственность (в%)	Имеющие образование (в%)	Нищий средний класс Старый+новый =сумма	Неквалифицированные рабочие
ВЕНА*				
Чехи-христиане (включая студентов без указания конфессии)				
ВВТУ** / 1879-80 (n=35)	17,1	2,9	60+8,6=68,6	11,4
Немцы-христиане (включая студентов без указания конфессии)				
ВВТУ/ 1879-80 (n=315)	19,7	23,2	26,0+23,5=49,5	7,6
ВВТУ/ 1899-1900 (n=234)	16,2	17,1	21,4+32,5=53,9	12,4
Евреи				
ВВТУ/ 1859-60 (n=61)	16,4	14,8	57,4+8,2=65,6	3,3
ВВТУ/ 18579-80 (n=158)	16,5	7,6	62,0+8,9=70,9	4,4
ВВТУ/ 1899-1900 (n=129)	17,8	5,4	51,9+21,7=73,6	2,3
ПРАГА				
Чехи-христиане (включая студентов без указания конфессии)				
Богемское ВТУ/ 1859-60 (n=145)	10,3	14,5	49,7+13,1=62,8	9,7
Чешское ВТУ/ 1879-80 (n=234)	6,8	9,4	62,0+13,7=75,7	8,1
Чешское ВТУ/ 1899-1900 (n=244)	5,3	10,7	50,0+24,2=74,2	9,8
Чешское ВТУ/ 1909-10 (n=244)	6,6	12,3	38,5+31,1=69,6	11,5

* - В Katalogen der Horer за 1859-1860 гг. нет информации о родном языке студентов.

Статистические сведения о зимнем семестре 1909-1910 гг. недоступны из-за изменения формы записей о приеме студентов после 1900 г. О чешских студентах представлены сведения за зиму 1879-1880 г., но данные за зиму 1899-1900 гг. отсутствуют в силу того, что в этот семестр в отобранной для анализа группе было очень мало студентов с родным чешским языком (всего 5).

** - Здесь и ниже ВВТУ - Венское Высшее техническое училище. (Прим. переводчика.)

• - "n" обозначает количество ординарных студентов в каждой конкретной группе, выбранной в регистрационных записях.

Таблица 10. Продолжение.

Высшее техническое училище/ Зимний семестр	Имеющие собственность (в%)	Имеющие образование (в%)	Низший средний класс Старый+новый =сумма	Неквалифицированные рабочие
ПРАГА				
Немцы-христиане (включая студентов без указания конфессии)*				
Богемское ВТУ/ 1859-60 (n=77)	11,7	15,6	$46,8+11,7=58,5$	14,3
Немецкое ВТУ/ 1899-1900 (n=125)	25,6	17,6	$21,6+26,4=48,0$	7,2
Немецкое ВТУ/ 1909-10 (n=194)	18,6	13,4	$27,3+30,9=58,2$	9,8
Евреи #				
Богемское ВТУ/ 1859-60 (n=12)	0	0	$75,0+16,7=91,7$	8,3
Немецкое ВТУ/ 1899-1900 (n=59)	13,6	1,7	$67,8+15,3=83,1$	0
Немецкое ВТУ/ 1899-1900 (n=82)	13,4	3,7	$62,2+20,7=82,9$	0

* - Местонахождение "Списка слушателей" ("Katalog der Horer") Немецкого высшего технического училища за 1879-1880 гг. установить не удалось.

Источники к таблицам

Архивные материалы:

Archiv der Universität Wien. Katalogen der Hörer; Nationalen –
Табл. 9.

Archiv Univerzity Karlovy. Praha. Katalogy posluchačů; Nationaly –
Табл. 9.

Archiv der technischen Universität Wien. Katalogen der Hörer –
Табл. 10.

Archiv Českého vysokého učení technického. Praha. Katalogy pos-
luchaců – Табл. 10.

Опубликованные источники:

Bevölkerung und Viehstand der im Reichstathe vertretenen König-
reiche und Läder nach der Zählung vom 31 December 1869. Heft 3. –
Табл. 2.

Mittheilungen aus dem Gebiete der Statistik. 7. 1858. Heft 1. –
Табл. 1, 4A, 5A, 6, 7A, 8A.

Mittheilungen aus dem Gebiete der Statistik. 7. 1858. Heft 4. –
Табл. 1, 3.

Statistisches Jahrbuch für das Jahr 1869 – Табл. 4, 5, 6, 7, 8.

Statistisches Jahrbuch für das Jahr 1879 – Табл. 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8.

Statistische Monatsschrift. 3. 1877 – Табл. 1, 2.

Österreichische Statistik. 2. Heft 1. 1882 – Табл. 2.

Öster. Stat. 28. Heft 4. 1892 – Табл. 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8.

Öster. Stat. 32. Heft 1. 1892 – Табл. 2, 4, 5, 6, 7, 8.

Öster. Stat. 63. Heft 1. 1903 – Табл. 4, 5, 6, 7, 8.

Öster. Stat. 63. Heft 3. 1903 – Табл. 2.

Öster. Stat. 68. Heft 3. 1903 – Табл. 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8.

Öster. Stat. Neue Folge. 1. Heft 3. 1914 – Табл. 2.

Öster. Stat. N.F. 7. Heft 3. 1913 – Табл. 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8.

Urbanitsch P. Die Deutschen in Osterreich. Statistisch-deskriptiver
Überblick // Die Habsburgermonarchie / Hrsg. A. Wandruszka. P. Urba-
nitsch, Bd. 3. Die Völker des Reiches. Tl. 1–2. Wien, 1980, S.38
(Tafel 1) – Табл. 1, 3, 5, 6, 7, 8; S.54 (Tafel 5) – Табл. 4, 5, 6, 7, 8.

Скотт М. Эдди (Канада)

РАСПАД ДУАЛИСТИЧЕСКОЙ МОНАРХИИ И КРУПНОЕ ЗЕМЛЕВЛАДЕНИЕ, БУРГЕНЛАНД И ЗАПАДНАЯ ВЕНГРИЯ 1893–1935¹

Для крупных австро-германских и венгерских землевладельцев конец первой мировой войны и распад Австро-Венгерской дуалистической монархии означал не только конец их господствующей роли в общественно-политической жизни, но для многих и утрату владений и состояния: в так называемых "странах-наследницах" в рамках жесткой земельной реформы они часто попадали под конфискации.² Было ли это простым ускорением процесса, шедшего по всей Центральной Европе, или особые институциональные условия в старой Монархии позволили бы им сохраниться, возможно, даже процветать, при отсутствии земельных реформ? В новом, сильно урезанном австрийском государстве вообще не проводилась земельная реформа, а в Венгрии она была осуществлена очень непоследовательно, и поэтому-то, каковы были бы последствия иной экономической политики, яснее всего видно на примере этих двух стран.³

Когда были установлены новые границы, которые означали утрату Австрией и Венгрией вместе около 70% их бывшей территории и около 2/3 населения, была изменена даже граница между двумя бывшими партнерами. В результате была образована новая австрийская провинция Бургенланд, включившая в себя западные венгерские комитаты – Мошон, Шопрон и Ваш (Визельбург, Эденбург и Айзенбург – т.е. Бургенланд). Трансдунайский регион, к которому относились названные территории, был перед войной бастионом дворянского землевладения в Венгрии.⁴ Поэтому нам предоставляется

Таблицы см. в конце статьи.

прекрасная возможность рассмотреть на его примере, каковы были последствия послевоенных экономических и политических мероприятий для крупных землевладельцев. Более того, поскольку Бургенланд долго являлся частью Венгрии, мы можем использовать обще-венгерское прошлое, чтобы определить, какие экономические или политические мероприятия оказывали наибольшее воздействие на крупных землевладельцев. Лучше всего было бы сопоставить Бургенланд с комитатами Мошон, Шопрон и Ваш, которые после окончательного установления новых межгосударственных границ остались в Венгрии⁵.

Поскольку границы были проведены, насколько это было возможно, так, чтобы сохранить разграничение деревенских территорий и частных владений в целости и непрекословности либо по одни, либо по другую сторону границы, мы можем определить точную территорию послевоенного Бургенланда и смежной территории Венгрии, опираясь на предвоенную комитатскую статистику.

К счастью, данные о предвоенной структуре землевладения за 1893–1911 содержатся в венгерских адресных книгах. Данные 1930-х годов взяты из австрийской (1930) и венгерской (1935) сельскохозяйственной переписи. Поскольку предвоенные венгерские источники содержат данные только о собственности выше 100 юхор (57,5 га), наше исследование ограничивается только крупными владениями.

Сопоставление, безусловно, надо проводить осторожно, поскольку прежние описания земельных владений в Бургенланде до 1921 г. основывались на данных об этих трех областях, взятых в целом. Позднее я покажу, что различия между западной и восточной частями приводят к тому, что обобщения, основанные на общей территории этих областей, оказываются ненадежными. Более того, стереотипный подход к региону в целом может исказить картину. Например, воспоминания юности Ганса Бегля, родившегося в 1899 г. и впоследствии занимавшего пост главы провинциальной администрации (*Landeshauptmann*), служат примером подобного фольклора: "Ведь подлинными владельцами особами в Западной Венгрии были несколько аристократических фамилий – венгров по националь-

ности, Эстерхази, Баттяни, Палфи – вот лишь некоторые примеры. Если князья Эстерхази господствовали в северной части провинции – невозможно было шагу сделать, чтобы не ступить на их землю, то владения Баттяни охватывали поля, луга и леса в южной части⁶.

Одна из главных целей этой работы – противопоставить этим впечатлениям и эмоциям точные факты.

В предвоенной Венгрии в адресных книгах данные о каждом владении перечислялись по общинам, в которых эти владения находились. Я давал каждой общине шестизначный номер, идентифицирующий область, административную единицу и общину; соответствующий местный код, прианный каждому владению, позволял мне выбрать из справочников 1893 и 1911 гг. все перечисленные там имения, которые позднее отошли в состав австрийской провинции Бургенланд⁷. Данные по каждому имению содержали в себе площадь имения, количественную характеристику в йохах, соответственно, пашни, лугов, лесов и т.д., а также имена владельцев. Я систематизировал землевладельцев по категориям собственников (аристократы, неаристократы-одиночки, церковь, государство, община, коммуна, город или уезд, банк или корпорация и т.д.) и сгруппировал имения по этим категориям⁸. Венгерские справочники 1935 г. представляют собой образец статистической последовательности и до-скональности, но предвоенные справочники, особенно 1911 г. не отвечают этим требованиям. Перед их использованием я был вынужден их проверять, внося исправления и добавления.

И действительно, главная проблема при работе со справочниками 1911 г. состояла в том, что там опущены данные о некоторых владениях, в большинстве своем относящихся к общенному владению⁹. Поэтому этим справочником нужно пользоваться с осторожностью.

В справочнике 1893 г. нет данных о владениях от 100 до 200 кадастровых йохов (от 57,5 до 115 га) в округе Мошон (Визельбург). Мне удалось реконструировать отсутствующие данные, используя материалы венгерской сельскохозяйственной переписи и правила выделения ассигнований. Внесенные добавления были относительно небольшими: 82 владения общей площадью 10,819 йоха в Бурген-

ланде и 105 владений общей площадью 14,402 йоха в соседних приграничных областях Венгрии; в первом случае к общей площади всех владений, превышавших 100 йохов было добавлено 3,5%, а во втором, соответственно, 2,8%. Реконструкция не изменила показателей, касающихся дворянского землевладения в обоих регионах¹⁰.

В 1940 г. территория Бургенланда составляла около 400,000 га, пограничные области Венгрии, означенные выше, занимали почти в точности в полтора раза большую площадь – около 600,000 га (соответственно 684,000 и 1,036,000 йохов). Таблица 1 иллюстрирует систему землевладения в Бургенланде и в прилежащих пограничных областях Венгрии в хронологических рамках исследования. Таблица 2 показывает среднюю конфигурацию собственности в соответствии с категориями собственников.

Часть Б таблицы 1 показывает, что упадок в регионе неравномерно затронул крупнейшие владения. Относительно наиболее жизнеспособными были владения в 500–1000 йохов и в 1000–2000 йохов (от 288 до 1151 гектара), которые сохранили в 1930 г., соответственно, 92% и 85% своей территории 1893 г. Более мелкие владения – 100–200 и 200–500 йохов – чувствовали себя в этом отношении лучше среднего. Упадок в этом регионе затронул в основном самые крупные владения.

Контраст по сравнению с соседними областями Венгрии разителен. Там класс самых мелких собственников реально увеличил свои владения в течение исследуемого периода, так что по существу все потери крупных латифундий (свыше 10000 йохов) компенсировались приобретениями более мелких собственников¹¹. Если владения свыше 5000 йохов свести в одну группу, то станет видно, что в период 1893–1933 гг. они действительно сохранились лучше среднего.

В 1911 г. две категории наиболее мелких собственников, как кажется, обладали почти не изменившимися по сравнению с 1893 г. долями (доказательство, возможно, одинаковой погрешности в расчетах?), но доли собственников в других группах различались. В той степени, в какой эти данные можно использовать, допустим два предварительных вывода:

1. Более крупные владения (для которых минимальна вероятность того, что они будут упущены из виду при любом раскладе),

перед войной в обоих регионах развивались уже по разным траекториям. Во время или после войны скорость расхождения возросла.

2. Для мелких владений дивергенция между Австрией и Венгрией заметна только после 1911 г.

В 1911 г. за аристократами все еще сохранялось 95% от принадлежащих им в 1893 г. имений площадью более 100 га на территории будущего Бургенланда, и 93% на территории, которой суждено было стать частью венгерского приграничного района. Тем самым они, по крайней мере, сохранили свою позицию по отношению к средним показателям для всех классов собственников. Разные категории собственников жили по-разному, как показывает приведенная ниже таблица, учитывавшая наиболее важные категории собственников в 1893.

Следует принять во внимание, что итоговые данные по общинным землям для обоих регионов в 1911 г. были приблизительно одинаковы и равнялись скорее 100%, чем 60 и более процентам, как это показано в таблице. До войны аристократы Бургенланда удерживали свои имения лучше, чем неаристократы, но позднее все стало наоборот. В точности обратная ситуация наблюдается в приграничных областях Венгрии, где упадок крупного землевладения в целом был менее заметен. Джеральд Шлаг ссылается на "бегство с земель" (*Landflucht*) мелких фермеров после падения цен на зерно в начале 1860-х годов¹². По-видимому, оно также коснулось владельцев более крупных крестьянских хозяйств, но произошедшее в более резкой форме в самой западной части "Западной Венгрии" не могло быть просто результатом падения мировых цен на зерно. Как мы увидим ниже, политика правительств Австрии и Венгрии сыграла в этом ключевую роль.

Как убедительно показывает таблица, римско-католическая церковь находилась в гораздо лучших условиях на венгерской стороне границы, чем на австрийской. Вероятнее всего, это было результатом щедрой поддержки католической церкви со стороны венгерского государства. Например, в 1926–1927 гг. сумма прямого финансирования церкви и католических школ почти точно совпадала с суммой дохода, полученного с церковных земель в 1926–1927 гг.¹³. В последующие годы удельный вес помощи в государственном

бюджете не снижался. Как мы увидим ниже, австрийское правительство вынуждало церковь отказываться от принадлежащих ей земель.

Если дворянство, подобно собственникам-недворянам, было не в состоянии сохранить свои позиции, могли ли земельные магнаты устоять против давления успешнее, чем их меньшие собратья? В таблице 4 можно видеть динамику сокращения территории имений крупнейших аристократов.

Взятым в целом, собственникам-аристократам удалось сохранить свои земли лишь немногим лучше, чем всем собственникам крупных имений в Бургенланде, но это не идет ни в какое сравнение с положением других собственников в соседних районах Венгрии. Однако после того, как государственная граница разделила эти два ареала, дворянским династиям стало гораздо лучше жить в Венгрии, чем в Австрии. Но обратим внимание на картину национальной принадлежности землевладельцев: немецкие помешки владели большей долей имений по австрийской стороне границы, а венгерские – по венгерской.

Как писал Эндрю Бургхардт, в межвоенный период "крупнейшие землевладельцы Эстерхази на севере и Драшковичи на юге не продали никаких земель"¹⁴. В то время как Драшкович сохранил свои владения в Бургенланде в целости, Эстерхази сделать это не удалось. Более того, именно князь Эстерхази, а не граф Драшкович, был крупнейшим землевладельцем на юге. В 1930 г. ему принадлежало приблизительно в полтора раза больше земли, чем графу Драшковичу или князю Баттяни.

На первый взгляд, комментарий Бургхардта относительно князя Эстерхази может показаться правдивым: в 1911 г. ему принадлежало 92 имения площадью в 100 йохов и более, а в 1930 – 91 имение. Но площадь этих имений к 1930 г. уменьшилась примерно на 20%. Модель, по которой действовал князь Эстерхази, ясна.

Князь Эстерхази либо обладал ясной стратегией избавления от неплодородных земель и увеличения потенциального дохода со всех его имений, в то же время увеличивая площадь лесов, либо он был вынужден отказаться от имений, в которых имелась значительная часть не облагаемых налогом земель.

Давайте вновь обратимся к картине Бургенланда, нарисованной Гансом Беглем. Мы обнаружим там, что в 1930 г. князь Эстерхази

владел 12,5% всех земель в Бургенланде¹⁵. Его имения площадью более 100 юхов составляли 46,1% площадей данной группы в северной части, 18% в южной и 38,6% в целом в Бургенланде.

Семейству Баттяни в 1930 г. принадлежало 1,4% земель в Бургенланде и 1,2% принадлежало графу Драшковичу. Их владения сконцентрировались в южной части Бургенланда, где вместе взятым им принадлежало чуть более четверти всех владений площадью в 100 юхов и более (Баттяни – 12,3%, Драшковичу – 12,9%). Графы Эрдеди, у которых не было имений в северной части Бургенланда, на юге владели 7,4% территории.

Сильно ли это отличается от картины 1893 г.? За шесть лет до рождения Ганса Бегля тогдашний князь Эстерхази владел 15% территории, которой суждено было стать Бургенландом. Ему принадлежало 34,8% земли в имениях в 100 юхов и более (44,2% на севере и 12,9% на юге). Семья Баттяни владела 3,7% территории этого разряда крупных имений в северной части и 13,8% в южной, в то время как графы Эрдеди и граф Драшкович не имевшие земельных владений на севере, владели, соответственно, 12,9% и 9% на юге. Герцог Монтенуово, данные о котором полностью исчезли из переписи 1930 г., владел приблизительно такой же частью крупных имений на юге (9,1%), как и граф Драшкович.

Среди землевладельцев князь Эстерхази занимал подавляющие позиции, но за пределами этой общей констатации, картина, нарисованная Беглем, искажена и в количественном, и в качественном отношении. Ступив на земельные либо лесные угодья, вы имели шанс оказаться во владениях Эстерхази только в одном из шести-восьми случаев и во владениях Баттяни – в одном из тридцати пяти случаев в 1893 г. и не менее чем в одном из семидесяти случаев в 1930 г. Семейство Баттяни не занимало господствующих позиций на юге: в 1893 г. владения Эрдеди были такими же, а Эстерхази лишь немногим меньше. К 1930 г. никто из них не мог соперничать с Эстерхази, даже в своем отечестве. Никто из семейства Палфи не входил в реестр крупных землевладельцев в Бургенланде ни в 1893, ни в 1930 гг.¹⁶

Более того, в 1893 г. на втором месте среди семей землевладельцев в Бургенланде стояли Габсбурги и другие невенгерские

аристократы (герцог Монтенуово и граф Драшкович), их владения доходили до двух третей или более площади владений Баттяни или Эрдеди. В действительности существовало лишь несколько господствующих семейств, но вовсе не все они были венгерскими, и все вместе взятые они владели меньшей территорией, чем Бегль приписывает одному Эстерхази.

Классификация имений: анализ группировок.

Количественный анализ изменений, затронувших множество типов земель и разные группы землевладельцев, требует многовариантного статистического анализа¹⁷. Анализ групп выстраивает данные в соответствии с профилем многочисленных характеристик и может быть использован для идентификации групп как "по вертикали" (иерархически), например "род – вид – подвид", так и "по горизонтали" (взаимоисключающе). Последний метод уместен для нашего исследования. Я подсчитал удельный вес каждого вида собственности в каждой из следующих категорий: ПСВ (пашня + сады + виноградники), луга, пастбища, леса, и "другие" (в первую очередь, кустарник и заросли и не облагаемые налогом земли). Затем, исходя из удельного веса, я сгруппировал владения, используя при этом общепринятые методы математической статистики¹⁸.

Статистическая группировка владений вместе раскрывает фундаментальные различия в конфигурации собственности в обоих регионах в 1893 г., когда они оба входили в состав Венгрии. При отсутствии априорных критериев, которые могли бы определить число группировок в имеющихся данных, определение числа группировок производится в основном эмпирически в старом значении этого слова. После попыток использования различных комбинаций от пяти до десяти, я пришел к заключению, что группировка данных по шести группам представляется наиболее экономически обоснованной. Шесть групп точно выявляют общие различия в имеющихся данных. Семь и более групп, по-видимому, чрезмерно подробны в ущерб ясности¹⁹. В приводимых ниже таблицах использованы результаты группировки данных в шесть разрядов.

В таблице 5 представлены основные данные анализа по выделенным группам. Верхняя группа ПСВ (в них основную долю составляет около 80% собственности в пашне, садах и виноградниках) была скон-

центрирована на венгерской стороне границы, в особенности в каждой ее части (комитат Ваш). Группа имений, в которых основная часть приходится на ПСВ плюс леса, составляла также около 80% и в основном была сконцентрирована в том же регионе, но группа, в которой собственность в среднем состояла на 80% из лесных угодий, небольшим краем входила и в австрийскую часть, концентрируясь в особенности в ее центре (комитат Шопрон).

Сравнивая данные 1893 и 1930 гг., мы видим, что уменьшение площади крупных имений было четко ограничено географически. В то время как центр устоял как в Бургенланде, так и на венгерской приграничной территории, общая площадь имений размером в 100 яохов и более на севере Бургенланда (западная часть бывшего комитата Мошон) к 1930 г. была урезана более чем на половину по сравнению с 1893 г. На юге (часть бывшего комитата Ваш) они утратили треть своей площади. Менее крупные потери понесли соответствующие области Венгрии – 1/12 и 1/4 соответственно. Анализ показывает, что различие между Бургенландом и соседними территориями на протяжении последующего периода усиливалось. В данном случае нам важно проанализировать не только кто утрачивал собственность, но также где и когда. Таблица 6 поможет нам исследовать вопрос об утративших свои имения собственниках. Чтобы ответить на вопрос о времени этих утрат, можно с соответствующими предосторожностями использовать данные 1911 г. и определить, произошло ли изменение владений в основном до первой мировой войны или после нее.

Потери территории в имениях площадью в 100 яохов и более приходились на разное время у разных групп собственников. Сравнивая данные таблиц 5 и 6, мы пришли к следующим выводам.

1. Собственники—дворяне.

На территории Бургенланда утрата более половины площади в бывших крупных дворянских владениях на севере почти целиком произошла на период после 1911 г., в то время как на юге происходил постоянный процесс размывания их владений, при фактическом отсутствии каких-либо изменений в центре (бывший комитат Шопрон, сердцевина владений Эстерхази). В целом в 1930 в руках дворян сохранилось 75,6% площади, принадлежавшей им в 1893. 2/3 потеряны

ной площади (от 20 до 30 тыс. юхов) приходилось на три имения Эстерхази в Ильмице (7672 юха), Поннейзудле (7311 юхов) и Памхагене (4854 юха). Все эти имения состояли в основном из не облагаемых налогом земель. Кроме того, имение Габсбургов в Нейзидле было урезано с 6197 юхов до 725 (оно также состояло в основном из не облагаемых налогом земель). Баттяни отказались от имений в Валлерне и Китзее, охватывавших в целом 3087 юхов, а австрийская армия приобрела у графа Гарраха 1434 юха под Парндорфом. За исключением имения Гарраха, вся картина производит впечатление распада, поскольку в 1930 г. в упомянутых и соседних населенных пунктах уже не было имений сравнимого размера.

На прилегающей венгерской территории эти имения сократились до 82,4% от площади 1893 г. Этот процесс почти целиком концентрировался на юге (бывший комитат Ваш) и со временем прогрессировал. Сходство тенденций на юге (сокращение до 72% по отношению к 1893 г. в австрийской части и до 66% в венгерской) свидетельствует об экономической причине, в основном не зависящей от экономической политики правительства. Абсолютно разный опыт по обе стороны границы свидетельствует о господстве изменений в институциональной среде. Подробнее об этом будет сказано ниже.

2. Недворяне.

Крупные землевладельцы недворянского происхождения в 1893 г. были далеко не столь заметны в регионе, которому суждено было стать Бургенландом. Они теряли земли на юге (комитат Ваш), но это продолжалось только до 1911 г. На севере положение их владений было устойчивым. Небольшая территория (2755 юхов, менее 1600 га) была потеряна к 1911 г., но полностью такие владения в центре (бывший комитат Шопрон) исчезли к 1930 г. После 1911 г. на венгерской стороне новой границы эта группа собственников утратила около 40% своих крупных владений на севере (комитат Мошон), но в центре оказались утраченными только около 10%, а на юге – около 20%. Таким образом, если эта группа оказалась не в состоянии сохранять свои владения подобно дворянству по обе стороны границы, ее опыт различался по обе стороны границы хронологически и географически.

3. Церковь.

И первоначальные владения, и потеря церковных земель в Бургенланде были в основном сконцентрированы на севере, и изменения происходили в большинстве после 1911 г. По венгерскую сторону границы церковь сохранила свои владения, даже несколько увеличив их на юге. В этом случае результат сильно различавшейся политики правительств двух государств после 1918 г. совершенно очевиден. Потери в северном Бургенланде около 9000, или свыше 5000 га почти целиком пришлись на округ Нейзидль, большей частью (400 га), которые ранее относились к категории не облагаемых налогом. Все эти земли больше не принадлежали крупным владельцам, по-видимому, они разделили описанную выше судьбу земель Эстерхази и Габсбургов. Государство приобрело у цистерцианцев около 440 га в Кайзеритайнбрухе; князю Эстерхази досталось 230 йохов (около 130 га), почти целиком приходившихся на пашню, из владений цистерцианского ордена в Подерсдорфе-на-Зее.

4. Государство.

Государство приобрело земли в Бургенланде, но только в северной его части и почти целиком из рук церкви или дворянства. По венгерскую сторону границы государство приобрело некоторое количество земли, но в 1935 г. ее площадь не достигала и 800 га.

5. Общины (села, коммунальные группы и города вместе взятые).

Положение крупных имений, принадлежавших коммунам, различалось по разные стороны границы. В Венгрии они получили территории на севере и в центре, но утратили их на юге. В Австрии более 60% крупных коммунальных владений оказались утраченными в центральном районе, около половины – в южном, в то время как в центральном общая площадь осталась фактически неизменной.

Общинные владения, по крайней мере в Хальбурне, Ильмице, Пойнейзидле, Сент-Эндре, Нейзидле, Парндорфе, Подерсдорфе, Памхагене, Виндене, Валлерне и Шурндорфе, постигла та же участь, что дворянские и церковные владения. Они потеряли свои не облагавшиеся налогом земли. Самым крупным из них был Подерсдорф, где принадлежавшие общине 7251 йоха (4173 га), включая 6601 йох (34799 га) необлагаемой земли, ужались до 717 йохов (413 га) и больше не включали необлагаемых земель.

Другие категории землевладельцев (участков под промышленную застройку и прочих) обладали столь незначительными владениями, что нет необходимости прослеживать их судьбу.

Исходя из вышесказанного, можно сделать вывод, что потеря земли несколькими категориями землевладельцев в Бургенланде касалась в основном ранее не облагавшихся налогом земель.

Этим также объясняются большие потери в группе, в которой земельная собственность состояла большей частью из "других" земель, поскольку этот класс земель включал в себя в основном кустарники и необлагаемые налогом земли.

Сейчас, когда я пишу эту статью, мне не известно, какая политика привела к такому результату.

Причины наблюдаемых различий.

Давайте вновь вернемся к возможным причинам рассмотренных выше различий. Бургхардт утверждает, что более удобный проезд к близлежащим населенным пунктам, где имелись рабочие места, а также заметно более высокое налогообложение дворянского землевладения в Австрии по сравнению с Венгрией, все это вынудило аристократов в межвоенный период распродать часть своих земель²⁰; он предполагает, что эти факторы затрагивали дворян-землевладельцев больше, чем недворян.

Все это согласуется с фактами. Относительное повышение налогов и относительная зависимость от крестьянского труда должны были быть слабее для землевладельцев-недворян, которые практически не уменьшили своих владений в Бургенланде между 1911 и 1930 гг., в то время как дворянские землевладения лишились почти 20% площади.

Почему эти обстоятельства привели к различной реакции со стороны крупных земельных собственников и мелких владельцев? Я полагаю, что ответ заключается в различном выборе, лежавшем перед этими двумя группами. Во-первых, семья помещика совершенно определенно не пополняла рынка неквалифицированной рабочей силы, ищущей работу в городах, в то время как крестьянские семьи несомненно выходили на этот рынок. Во-вторых, крестьяне не имели возможности ни изменить форму своей собственности в Австрии

(их собственность имела форму либо земли, либо рабочей силы), ни перевести ее в активы в других странах, как это могли сделать крупные землевладельцы хотя бы вследствие различной доступности для них кредитов²¹.

Крупные поместья, зависимые от наемного труда, приспособились к относительным ценам и уровню доходности, существовавшим в Венгрии. Когда к востоку от их имений была проведена государственная граница, собственники столкнулись с тем, что уровень доходности в Бургенланде оказался значительно ниже, чем в соседних областях Венгрии²², и чем нормы прибыли на другие неземельные активы в самой Австрии. Новые пути сообщения, вскоре построенные австрийским правительством, вели к дальнейшему росту средней заработной платы и обострению этих различий. Если бы цена рабочей силы, с предложением которой бывшая "венгерская" аристократия могла выйти на рынок, была существенно дифференцирована, это лишь подстегнуло бы ожидаемую реакцию: отток капиталов с земли и пересмотр портфеля активов с тем, чтобы включить в него неземельные активы (либо землю в иных местах, скорее всего в Венгрии).

Более того, большинство венгерских землевладельцев решили остаться венгерскими гражданами и жить в Венгрии. Управление их имениями через границу, в иностранном теперь и до некоторой степени враждебном государстве, неизбежно должно было стать более дорогостоящим. В каждом отдельном случае процесс адаптации мог быть медленным и неполным, зависящим от деловой прозорливости землевладельца, от династической политики или попросту от аристократического гонора, но для группы в целом следовало ожидать сокращения земельных владений, что в действительности и произошло. Земельное налогообложение, смешавшее предельный уровень самоокупаемости сельскохозяйственного производства, стимулировало попытки повысить отдачу с единицы площади земельного владения. Это соответствует наблюдению об интесификации производства во всех группах собственников.

Крестьянские семьи, подобно дворянским, вероятно, пытались максимализировать доход и от земли, и от труда. То, что многие из них жили дома и использовали вновь созданные коммуникации

для сообщения с Веной, где они работали, очевидно, подтверждает эту точку зрения. Возможности рынка труда и рынка капитала, открытые для крестьянских семей, безусловно, отличались от возможностей, которыми пользовалась аристократия.

Меньшее по сравнению с аристократией означало, что перед крестьянской семьей лежал меньший выбор объектов инвестирования. Возросшие сбережения проще всего было вложить в землю, для эксплуатации которой крестьянские семьи обладали как необходимыми знаниями, так и рабочей силой. Этому способствовала в особенности большая доступность кредита для покупки земли по сравнению с кредитами на приобретение других активов (о которых крестьяне, возможно, даже не были осведомлены).

Вероятно, основная часть земли, от которой отказались крупные владельцы, была приобретена крестьянами, а не представителями торгового или иного капитала. Такому заключению отвечает уменьшение средних размеров землевладения. Представляется поэтому, что на протяжении периода времени, рассматриваемого в настоящей работе, общие рыночные условия способствовали прогрессу интенсивного землепользования, что сопровождалось снижением размеров земельных владений. Однако неодинаковые возможности на рынке труда и капитала вызвали различную реакцию со стороны крупных землевладельцев (в основном дворян) и более мелких владельцев (главным образом крестьян).

Более высокие земельные налоги и поощрение роста заработной платы в Австрии сравнительно с Венгрией приводило к ускоренной сдаче позиций крупными землевладельцами в Бургенланде по сравнению с непосредственно примыкавшими к нему венгерскими регионами, несмотря на то, что заметная доля земельной собственности в обеих странах принадлежала представителям одних и тех же родов.

Примечания

1 Автор хотел бы выразить благодарность Университету Торонто за финансовую поддержку и Ивану Секею за большую научную помощь. При этом они не несут ответственности за результаты данного исследования.

2 Чехословакия была образована из частей территории обоих государств. Австрийская Галиция стала составной частью Польши. К Италии отошел бывший Южный Тироль. Румыния после приобретения Трансильвании и части Баната, отнятых от Венгрии, утроила свою территорию. Присоединение бывших австрийских и венгерских областей к Сербии привело к созданию Королевства сербов, хорватов и словенцев.

3 См.: Lieven D. *The Aristocracy in Europe, 1815–1914*. New York, 1992. P. 11.

4 См.: Eddie S.M. *The Social Distribution of Landed Wealth in Hungary ca. 1910* // *Pes. Econ. Hist. Suppl. V. Agrarian Organization in the Century of Industrialization: Europe, Russia and North America* /Ed. George Grantham, Carole Leonard. Glenview, Illinois, 1989. P. 236. Наиболее яростные защитники земельных реформ в Австрии, социалисты, получили большинство на провинциальных выборах 1922 г. в Бургенланде, но их сила растаяла на последующих выборах 1923 и 1927 гг., и они никогда не были в состоянии осуществить программу реформ. В Австрии земельные реформы проведены не были.

5 Наиболее полным из известных мне исследований является: Lendl H. *Die Sozialökonomische Struktur der burgenländischen Wirtschaft*. (Неопубликованная докторская диссертация, защищенная в 1937 г. в Высшей школе агркультуры в Вене).

К. Барро в своем исследовании перечисляет все владения площадью свыше 100 га (57,5 га, 142,8 акров), разнося их по общим, в которых они находились. Позднее Д. Рубинек использовал ту же схему.

6 См.: Rögl H. *Burgenland: Ein Bericht zur Zeitgeschichte*. Wien, 1974. P. 15.

7 См. например: Burghardt A.F. *The Political Geography of Burgenland*. Washington, 1958. P. 128–139.

8 Граница часто проводилась таким образом, чтобы железная дорога или важнейшие пути сообщения целиком находились на территории одной страны. Дунай и, следовательно, новая чехословацко-венгерская граница разделила пополам городок Komárom- Kőmarno. Хотя последний официальный обмен деревнями в ходе корректировки границы произошел в 1923 г., окончательно линия границы была определена в 1922 г. См. об этом: Schlag G. Die Grenzziehung Österreich-Ungarn 1922/1923 // Burgenländische Forschungen. Sonderband VII. Burgenland in seiner pannonicischen Umwelt: Festgabe für August Ernst. Eisenstadt, 1984. Р. 333–346. После второй мировой войны дополнительные три деревни из комитата Мошон были присоединены к Чехословакии. См. также: по Австрии – Ministerium für Land- und Forstwirtschaft. Jahr- und Adressbuch 1930 (вероятно, данные взяты из австрийской сельскохозяйственной переписи того же года); по Венгрии – Központi Statisztika. Magyarország földbirtokosai és földbérzői (Gazdacímtár). Budapest, 1925; Budapest, 1937.

9 Система кодов, основывавшаяся на переписи населения Венгрии, впервые была использована в исследованиях: Puskás J., Eddie S.M., Lanc M. Adatbázis az 1911. évi gazdacímtár adataiból a gazdaság- és társadalomtörténeti kutatások számára // Történelmi szemle. 1974. Р. 318–319. В статье Eddie S.M. The Social Distribution of Landed Wealth in Hungary ca. 1910 содержится краткое объяснение на английском языке.

Ошибки и пропуски составляют до 10% территории. См.: Kolossa T., Puskás J. Magyarország 100 kh-om felüli birokterületének struktúrája tuljadonos típusok és bérleti rendszer szerint 1911-ben // Agrártörténeti szemle. XX. 1978. Р. 451–452.

10 Полнотьюк метод реконструкции описан в: Eddie S.M., Hutterer I., Székely I. Fél évszázad birtokviszonyai: változások Magyarország trianoni területén, 1893–1935// Történelmi szemle, 1990. № 3–4. Р. 301–357.

Я определил понятие "Венгерская приграничная территория" как части бывших комитатов Мошон (Визельбург), Шопрон (Эденбург) и Ваш (Айзенбург), которые остались в границах Венгрии после 1922 г., т.е. часть территории Венгрии к востоку от новой австро-венгерской границы.

11 Это могло быть просто результатом статистической работы или административной реорганизации земельных предприятий.

12 См.: Schlag G. Landwirtschaft. Р. 111.

13 См.: Gergely J. A “gazdag egyház” gazdasága: adatok a katolikus egyházi birtokvagyón kéréséhez a Horthy-korszakban //Agrártörténeti szemle. XXVIII. 1986. P. 305, 322–323.

14 Burghardt A.F. Borderland: A Historical and Geographical Study of Burgenland, Austria, Madison, 1962. P. 229.

15 В имениях площадью более 20 га. У него почти не было владений меньшего размера.

16 За исключением дочери Эрдеди, вышедшей замуж за Палфи. Палфи не числился среди первой дюжины крупнейших землевладельцев конца 18 в.

17 См.: Kaufman L., Rousseeuw P.J. Finding Groups in Data: An Introduction to Cluster Analysis. New York, 1990; Lorr M. Cluster Analysis for Social Scientists. San Francisco; Washington; London, 1983.

18 Метод FASTCLUS из статистического пакета SAS.

19 Ранее в статье о Пруссии, я использовал более формальный критерий для определения числа секторов. Применив методики групповых средних, я повысил чувствительность к изменениям границ групп таким образом, чтобы в одной группе содержалось не более 1% наблюдений. В данном случае это происходит с семью группами. См.: Eddie S.M. Grossgrundbesitz im ostelbischen Preussen: Datenbasis und methodologische Probleme //Ostelbische Agrargesellschaft im Kaiserreich und in der Weimarer Republik: Agrarkrise, junkerliche Interessenpolitik, Modernisierungsstrategien. Berlin, 1993 (в печати).

20 См.: Burghardt A.F. Borderland, P. 229.

21 Недостаток кредитов всех типов крестьянства, в особенностях в отголосках гиперинфляции, находится в центре исследования Шлагера “Landwirtschaft” (в особенности стр. 125–128).

22 См.: Schlag G. Grenzziehung. P. 343–345.

Таблица 1.

Часть А. Общее распределение земли по категориям владельцев.
 Количество и площадь владений более 100 йохов.
 Бургенланд в 1893, 1911 и 1930 гг.

	Количество владений			Площадь (в йохах)		
	1893 ^х	1911 [*]	1930	1893 ^х	1911 [*]	1930
Категории владельцев						
Аристократы	216	190	172	181.1	172.1	137.5
Не-аристократы	118	98	80	29.3	22.2	19.2
Церковь	11	12	8	13.8	13.5	3.5
Государство	1	3	5	1.1	1.6	6.5
Общины	185	139	155	81.0	52.1	53.3
Сельскохозяйственная застройка	1	16	4	0.3	6.5	1.1
Прочие	0	1	0	0.0	0.1	0.0
Всего	532	459	424	306.6	268.2	221.0
Доля от общей площади Бургенланда в 1930г.				44.8%	39.2%	32.3%

^х - Восстановление недостающих 100-200 йохов в комитате Мошон увеличивает территорию Бургенланда на 82 землевладения общей площадью в 10819 йохов и ВПТ на 105 владений общей площадью 14402 йоха в 1893 г.

* - Количество и площадь владений, неотраженные в данных 1911 г., т.с. абсолютные и относительные цифры, заключают в себе 10% ошибку.

Таблица 1.

Часть 2А. Общее распределение земли по категориям владельцев.
 Количество и площадь владений более 100 йохов.
 Венгерская приграничная территория* в 1893, 1911,
 1925 и 1935 гг.

Категория владельцев	Число				Площадь (в йохах)			
	1893 ^x	1911 [*]	1925	1935	1893 ^x	1911 [*]	1925	1935
Аристократы	234	208	216	206	258.0	240.6	224.7	214.4
Не-аристократы	428	421	397	350	145.1	144.8	29.1	111.7
Церковь	49	47	64	81	33.4	29.0	36.8	36.6
Государство	0	1	3	9	0.0	0.3	1.6	1.3
Общины	158	82	135	205	66.7	44.8	56.4	67.7
Сельскохозяйственная застройка	7	12	14	12	2.0	6.0	6.3	3.5
Прочие	2	1	4	8	0.5	0.8	1.2	1.9
Все	880	772	833	871	505.7	466.3	456.2	437.2
Доля от общей площади ВПТ в 1935г					48.8%	45.0%	44.1%	42.2%

* - Венгерская приграничная территория охватывает части бывших комитатов Мошон, Шопрон и Ваш, которые остались внутри после 1922 г.

^x - Восстановление недовтакших 100-200 йохов в комитате Мошон увеличивает территорию Бургенланда на 82 землевладения общкой площадью в 10819 йохов и ВПТ на 105 владений общкой площадью 14402 йоха в 1893 г.

* - Количество и площадь владений, неотраженные в данных 1911 г., т.е. абсолютные и относительные цифры, заключают в себе 10% ошибку.

Таблица 1.

ЧастьБ. Общее распределение земли по категориям владельцев.
 Количество и площадь владений более 100 юхов.
 Бургенленд в 1893, 1911 и 1930гг.

Категории (в юхах)	Количество			Площадь (в юхах)		
	1893 ^х	1911 ^з	1930	1893 ^х	1911 ^з	1930
100-200	200	167	158	27.5	23.3	21.8
200-500	183	160	140	59.1	52.0	44.8
500-1000	76	64	72	54.3	44.5	50.0
1000-2000	44	44	38	61.8	61.4	52.5
2000-5000	24	21	14	70.2	65.1	38.4
5000-10000	5	3	2	33.6	21.8	13.5
Более 10000	0	0	0	0.0	0.0	0.0
Всего	532	459	424	306.6	268.2	221.0

Венгерская приграничная территория* в 1893, 1911 и 1935 гг.

Категории (в юхах)	Количество				Площадь (в юхах)			
	1893 ^х	1911 ^з	1925	1935	1893 ^х	1911 ^з	1925	1935
100-200	326	281	340	403	45.0	37.8	47.5	55.7
200-500	306	262	269	256	95.1	83.9	84.1	79.1
500-1000	125	118	115	113	85.6	81.9	77.3	78.6
1000-2000	80	71	76	70	115.4	103.6	109.0	98.4
2000-5000	34	34	25	22	98.8	100.4	73.1	66.4
5000-10000	4	4	6	5	26.6	29.6	39.3	32.2
Более 10000	3	2	2	2	39.3	29.2	25.9	27.0
Всего	878	772	833	871	505.7	466.3	456.2	437.2

* - См. сноски к предыдущей таблице.

^х - Там же.

^з - Там же.

Таблица 2.

Часть А. Количество, средний размер и конфигурация
владений по категориям собственников.
Бургенланд.

Категории владельцев	Год	Количество	Площадь (в гектарах)	Процент
Аристократы	1893	216	839	24.2%
	1911	190	906	27.7%
	1930	172	799	28.8%
Не-аристократы	1893	118	248	48.5%
	1911	98	226	57.8%
	1930	80	240	56.2%
Церковь	1893	11	1255	17.4%
	1911	12	1129	23.4%
	1930	8	431	66.8%
Государство	1893	1	1106	0.0%
	1911	3	541	1.1%
	1930	5	1299	20.3%
Общины	1893	185	438	4.4%
	1911	139	375	6.4%
	1930	155	344	5.6%
Несельскохозяйст- венная застройка	1893	1	297	12.8%
	1911	16	407	19.4%
	1930	4	266	73.7%
Прочие	1893	0	0	0.0%
	1911	1	120	0.8%
	1930	0	0	0.0%
Всего		532	576	20.9%
		459	584	25.5%
		424	521	26.1%

Луга	Леса	Прочие	Всего
13.1%	43.0%	19.7%	100.0%
13.2%	41.3%	17.8%	100.0%
13.3%	50.4%	7.6%	100.0%
15.9%	34.6%	1.0%	100.0%
15.8%	25.8%	0.6%	100.0%
18.6%	24.7%	0.5%	100.0%
14.7%	16.5%	51.4%	100.0%
11.3%	22.1%	43.2%	100.0%
18.2%	12.7%	2.3%	100.0%
69.6%	23.9%	6.5%	100.0%
61.5%	29.8%	7.6%	100.0%
24.1%	50.2%	5.4%	100.0%
26.4%	38.3%	30.9%	100.0%
30.9%	42.0%	20.6%	100.0%
31.6%	47.6%	15.2%	100.0%
5.1%	82.2%	0.0%	100.0%
13.8%	66.6%	0.2%	100.0%
3.4%	22.8%	0.0%	100.0%
0.0%	0.0%	0.0%	0.0%
0.0%	0.0%	99.2%	100.0%
0.0%	0.0%	0.0%	0.0%
17.2%	39.7%	22.2%	100.0%
17.0%	39.7%	17.7%	100.0%
18.5%	46.7%	8.6%	100.0%

Таблица 2.

Часть Б. Количество, средний размер и конфигурация
владений по категориям собственников.
Венгерская приграничная территория.

Категории владельцев	Год	Количество	Площадь (в юоах)	Пашня
Аристократы	1893	234	1103	38.7%
	1911	208	1157	42.4%
	1930	205	1044	43.8%
Не-аристократы	1893	428	339	58.3%
	1911	421	344	63.0%
	1930	350	319	68.8%
Церковь	1893	49	682	32.0%
	1911	47	617	39.8%
	1930	81	452	41.8%
Государство	1893	0	0	0
	1911	1	265	89.8%
	1930	1	149	49.2%
Общины	1893	158	422	7.9%
	1911	82	547	9.1%
	1930	205	330	10.6%
Несельскохозяйст- венная застройка	1893	7	283	83.4%
	1911	12	500	88.2%
	1930	12	292	45.3%
Прочие	1893	2	253	49.7%
	1911	1	786	26.2%
	1930	8	236	45.4%
Всего	1893	878	576	40.0%
	1911	772	604	46.0%
	1930	870	502	44.9%

Луга	Леса	Прочие	Всего
25.8%	28.6%	7.0%	100.0%
23.6%	27.1%	6.9%	100.0%
18.4%	30.7%	7.1%	100.0%
19.7%	20.1%	1.8%	100.0%
17.7%	17.6%	1.7%	100.0%
12.1%	16.9%	2.2%	100.0%
23.5%	31.9%	12.6%	100.0%
17.9%	31.2%	11.1%	100.0%
15.0%	33.3%	9.9%	100.0%
0	0	0	0
4.9%	0.4%	4.9%	100.0%
6.4%	7.4%	37.0%	100.0%
22.9%	45.3%	23.9%	100.0%
22.3%	50.1%	18.5%	100.0%
27.2%	42.4%	19.9%	100.0%
12.8%	0.8%	3.0%	100.0%
88.2%	88.2%	88.2%	88.2%
14.6%	30.0%	10.1%	100.0%
48.3%	0.0%	2.0%	100.0%
34.2%	32.7%	6.9%	100.0%
17.1%	3.6%	33.9%	100.0%
23.5%	28.4%	8.1%	100.0%
21.0%	26.4%	6.6%	100.0%
17.8%	29.0%	8.3%	100.0%

Таблица 3. Доли землевладений 1893 г. , сохранившиеся к соответствующему году по четырем основным категориям собственников.

	Бургенланд		Венгерская приграничная территория		
Год	1911	1930	1911	1925	1935
Аристократы	95.0	75.9	93.3	87.1	83.1
Не-аристократы	75.8	65.5	99.8	89.0	77.0
Церковь	98.2	25.0	86.8	110.1	109.6
Общины*	64.3	65.8	67.9	84.6	101.6
Все категории [#]	87.5	72.1	92.2	90.2	86.5

* - Данные за 1911 год не сопоставимы, поскольку общепринятое землевладение не полностью отражено в имеющихся данных.

Таблица 4. Площадь владений площадью свыше 100 йохов по семьям владельцев (в процентах к 1893 году).

	Бургенланд		Венгерская приграничная территория		
	1911	1930	1911	1925	1930
Баттяны	80.2	56.4	80.6	67.0	61.9
Драшкович	92.1	91.4	98.0	35.6	42.5
Эрдеди	82.2	50.6	95.4	93.4	88.6
Эстерхази*	99.1	80.6	112.9	92.0	92.9
Габсбург	89.5	67.5	42.2	54.9	57.7
Гаррах	95.1	77.5	-	-	-
Монтенуово	0.0	0.0	-	-	-
Сеченыи	-	-	92.4	86.7	81.4
Тиссен-Борнемисса**	-	-	-	-	-
Всего по группам	91.0	74.3	87.9	79.1	77.5
Всего у дворян	87.5	72.1	92.2	90.2	86.5

* - Только князь Эстерхази. Графы Эстерхази не владели землей в Бургенланде и поэтому данные о них не включены в Венгерскую приграничную территорию.

** - В 1893 г. у этой семьи не было владений ни в Бургенланде, ни на ВПТ.

Таблица 5. Анализ по группам . базовые данные.

			Бургенланд			Венгерская приграничная территория		
Типы групп		Год	Север	Центр	Юг	Север	Центр	Юг
ПСВ	Число владений	1893	90	27	15	134	62	205
		1930/35	71	31	10	70	100	233
	Площадь в гаах	1893	28.9	8.8	6.3	30.2	28.8	66.9
		1930/35	30.6	9.5	5.2	29.9	44.2	70.1
Пастбища	Число владений	1893	17	5	11	13	12	45
		1930/35	17	6	3	18	23	12
	Площадь в гаах	1893	13.0	1.4	3.1	6.0	17.1	18.1
		1930/35	8.1	3.4	0.8	7.0	4.7	2.2
Леса	Число владений	1893	1	85	145	5	14	102
		1930/35	3	95	94	11	31	106
	Площадь в гаах	1893	0.3	62.9	60.7	2.4	21.8	61.2
		1930/35	0.8	58.9	41.9	4.0	23.8	45.8
Прочие	Число владений	1893	17	8	30	10	15	43
		1930/35	8	8	16	23	36	26
	Площадь в гаах	1893	45.8	19.6	4.3	6.0	18.2	6.9
		1930/35	2.7	16.1	2.4	7.6	20.7	4.5
ПСВ+луга прибл.80%	Число владений	1893	17	0	5	13	12	14
		1930/35	13	4	3	7	8	10
	Площадь в гаах	1893	18.2	0.0	1.2	17.6	30.7	10.9
		1930/35	10.8	4.4	1.1	11.4	10.1	2.0
ПСВ+леса прибл.80%	Число владений	1893	5	20	34	10	27	142
		1930/35	4	20	18	12	28	116
	Площадь в гаах	1893	8.0	10.5	13.6	15.2	36.8	112.1
		1930/35	5.4	11.4	7.8	11.6	51.4	85.7
Все группы	Число владений	1893	147	145	240	185	142	551
		1930/35	116	164	144	141	226	503
	Площадь в гаах	1893	114.1	103.3	89.2	77.4	153.4	276.1
		1930/35	58.3	103.6	59.2	71.4	154.9	210.3

Всего	Средняя доля площади земельных владений на землях нового типа (невзвешенная средняя по группам)				
	ПСВ*	Луга	Пастбища	Леса	Прочие
533	0.781	0.099	0.060	0.041	0.019
515	0.816	0.072	0.048	0.043	0.021
169.9					
189.5					
103	0.150	0.031	0.613	0.093	0.112
79	0.053	0.023	0.822	0.051	0.052
58.7					
26.2					
352	0.060	0.029	0.059	0.783	0.068
340	0.043	0.027	0.062	0.843	0.026
209.3					
175.1					
123	0.075	0.048	0.105	0.124	0.649
117	0.156	0.072	0.073	0.070	0.628
100.9					
53.9					
61	0.324	0.480	0.085	0.057	0.055
45	0.308	0.507	0.048	0.087	0.051
78.6					
39.7					
238	0.436	0.072	0.093	0.365	0.034
198	0.444	0.071	0.092	0.359	0.033
196.2					
173.3					
1410					
1294					
813.6					
657.7					

* - Пашня+сад+виноградник.

Таблица 6 А. Площадь владений по категориям собственников.
Бургенланд.

Тип группы	Год	Собственник:						
		Дворяне	Недворяне	Церковь	Государство	Несельскохоз. застройка	Общины	Прочие
ПСВ*	1893	29782	13151	230	0	814	0	0
	1930/35	30032	9745	2573	0	1130	1746	0
Пастбища	1893	196	1179	1573	0	14555	0	0
	1930/35	626	706	0	0	10954	0	0
Леса	1893	75803	8306	241	0	39224	297	0
	1930/35	67549	5344	0	132	28316	243	0
Прочие	1893	38055	0	7935	0	23738	0	0
	1930/35	10766	0	115	0	10279	0	0
ПСВ+	1893	15022	943	129	1106	2170	0	0
Луга	1930/35	13012	363	129	1133	1569	0	0
прибл.80%								
ПСВ+	1893	21608	5722	3694	0	1160	0	0
Леса	1930/35	14360	2732	634	5231	1016	579	0
прибл.80%								
Все группы	1893	180466	29301	13802	1106	81661	297	0
	1930/35	136345	18890	3451	6496	532664	2568	0

* - Пашня+сад+виноградник.

Таблица 6 Б. Площадь владений по категориям собственников.
Венгерские Приграничные Территории.

Тип группы	Год	Собственник:							
		Дворяне	Недворяне	Церковь	Государство	Несельскохоз. застройка	Общины	Прочие	
ПСВ*	1893	44964	72970	5926	0	0	1781	263	
	1930/35	58580	74159	9278	521	309	224	1179	
Пастбища	1893	16902	8574	3984	0	11453	0	242	
	1930/35	0	131	0	0	13774	0	0	
Леса	1893	29908	11778	5286	0	38458	0	0	
	1930/35	27211	3836	7523	0	34568	420	0	
Прочие	1893	13190	0	4846	0	13098	0	0	
	1930/35	11287	0	4195	717	15313	662	600	
ПСВ+	1893	52757	3619	746	0	1923	200	0	
Луга прибл.80%	1930/35	20111	1037	1071	0	1185	0	107	
ПСВ+	1893	101878	48124	12623	0	1434	0	0	
Леса прибл.80%	1930/35	96730	32527	14552	103	2593	2203	0	
Все группы	1893	259599	145065	33411	0	66366	1981	505	
	1930/35	213919	111690	36619	1341	67742	3509	1886	

* - Пашня+сад+виноградник.

СОДЕРЖАНИЕ

От редакторов	3
<i>Соломон Вэнк.</i> Династическая империя или многонациональное государство: размышления о наследии империи Габсбургов в национальном вопросе. (Перев. с англ. А.И. Миллер)	5
<i>Тофик Исламов.</i> Конец среднеевропейской империи. Размышления относительно места и роли империи Габсбургов в европейской истории	25
<i>Петер Ханак.</i> Национальная компенсация за отсталость. (Перев. с англ. О.В. Хаванова)	48
<i>Алексей Миллер.</i> Галиция в системе австро-венгерского дуализма	63
<i>Томас Клеметчка.</i> Попытка соглашения правительства Гогенварта с чехами в 1871 г. (Перев. с нем. Ч.Б. Желицки)	71
<i>Валерия Хойбергер.</i> Вена и Сараево: австро-венгерская политика по отношению к боснийским мусульманам (Перев. с нем. Е.П. Масленникова)	81
<i>Сергей Романенко.</i> Австро-Венгрия или Югославия?	89
<i>Ирина Барахова.</i> Переориентация внешнеполитического курса монархии Габсбургов (1866–1871) (К вопросу о политической деятельности Фридриха Фердинанда фон Бойста)	106
<i>Вальтер Раушер.</i> Внешняя политика и национальный вопрос в эру Кальноки. (Перев. с нем. И.В. Павловский)	132
<i>Джон К. Свонсон.</i> Отто Бауэр на посту министра иностранных дел Австрии: переосмысление политики аншлюса. (Перев. с англ. О.В. Хаванова)	142

<i>Гари Коэн.</i> Политика в области высшего и среднего образования в Австрии в конце XIX – начале XX вв. (Перев. с англ. М.А. Бобрович)	155
<i>Скотт М. Эдди.</i> Распад дуалистической монархии и крупное землевладение. Бургенланд и Западная Венгрия 1893–1935. (Перев. с англ. С.А. Романенко и В.Р. Евстигнеева)	200

АВСТРО-ВЕНГРИЯ:
опыт многонационального государства

Сборник статей

Ответственные редакторы:
T.M. Исламов, A.H. Миллер

ЛР № 020935 от 9 ноября 1994 г.

Подписано в печать 30.III.1995 г. Тираж 300 экз.
Объем 11 печ.л. Заказ № 5 Цена договорная

